

838

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

139

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 139

TRIMESTRIEL

II - 1983

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1983 год	180 Фр. или 40,- \$
	250 Фр. или 50,- \$
	300 Фр. или 60,- \$

Фр. или 15,- \$

AGER

делать денежный
овый счет:
57 U Paris

2.03
28.02

~~СПРАВОЧНИК~~

КОГО ДВИЖЕНИЯ

Etudiants Russes,
rance. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

139

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 139

TRIMESTRIEL

II - 1983

638

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЧЕВСКАЯ Д.2
инв. 679

Copyright © Le Messenger. Paris 1983.

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 620 16

ОТ РЕДАКЦИИ

"СИМ ПОБЕДИШИ"
(К столетию смерти Маркса)

На парижских стенах в этом году висит коммунистическая афиша с несколько неожиданной надписью: "Маркс умер". Под этим лозунгом "врагов" помещался портрет Маркса, на котором он пальцем оттягивал себе нижнее веко, что в простонародье означает: "Не верьте, жив курилка!" Коммунистическая пропаганда в СССР, как и на Западе, построена на грубой лжи, но в данном случае, едва ли не впервые, афиша французской компартии не лгала, образно рисуя двойственность судьбы марксизма в современном мире.

Маркс одновременно умер как мыслитель, опровергнутый сегодняшней реальностью, и все еще жив, как вдохновитель тех систем, которые, от его имени, пусть и искажая его учение, но претендуют на мировое господство.

Маркс умер, и не только в том смысле, что его никто, кроме специалистов, "ни при какой погоде не читает", но, существеннее, потому что его анализ социально-экономических явлений в нашу позднюю, если уже не по-индустриальную эпоху — не действителен.

В то же время идеократии, восходящие к Марксу, завоевали Евразию, твердой ногой стоят в Африке и в Америке. Всюду торжество социалистических идей — следствие не свободного волеизъявления народов или масс, а государственных переворотов или внешних войн. Марксизм восторжествовал не по Марксу: в странах преимущественно аграрных, а не высоко индустриальных. Всюду упразднение ненавистных капитала и классов привело к результатам, противоположным замыслу. В то время как в странах не марксистских поздняя индустриализация прошла и проходит без социальных сотрясений, в социалистических государствах она принимает черты куда более уродливые, чем первые эксцессы зарождавшегося капитализма в XIX веке. Но главное не в бедствиях, приведших целые народы к материальной нищете: заодно с упразднением экономической свободы во всех социалистических странах идет последовательная война с Богом, планомерное удушение внутренней, тайной свободы, без которой нет творческой активности.

Исторический провал социализма теперь уже очевиден всякому. Тем не менее, он не властен поколебать тех, кто разделяет отчаянное

желание устроиться на земле раз и навсегда без Бога. В этом социалистические идеологии верны Марксу: "Я испытываю ненависть ко всем богам", — выкрикивал Маркс в молодости, бросая вызов всем инстанциям, не признающим, что "человек есть высшее существо для человека". "Богоубийство" — корень марксовской системы. От него — то семя разрушения, которое его последователи разбросали по миру. Пресловутый скачок из царства необходимости в царство свободы обернулся падением в наихудшую необходимость, в которой человек отдан во власть своей имманентности. Мефистофельское начало, воодушевившее Маркса ("Old Nick" — старый черт, как его звали близкие), продолжает соблазнять многих: изначальный грех, он же и последний: "будете как боги" (без Бога).

Маркс и марксизм *еще* живы: внешне они торжествуют, внутренне уже погибли. Трудно себе представить более одряхлевшую, более склеротичную, более несовременную систему, чем та, что прочно завладела Россией. В плане мирском Марксу и марксистам должны быть противопоставлены здоровая, либеральная экономика, построенная не на принуждении, а на соревновании, правовые устои, обеспечивающие неприкосновенность личности и ее отнюдь не формальные, а коренные свободы и права. Но на глубине марксизм может быть преодолен не одной экономикой, всегда подвластной кризисам, не земной идеологией, всегда недостаточной, и не только государством, а "в ином порядке бытия", царством не от мира сего: Крестом страдающего и отвергнутого Бога-Любви, чьи последователи призваны отдавать свою жизнь, побеждать умирая.

Не случайно первый марксистский эксперимент обогрел кровью не малого числа как в первые века, а сотен тысяч новых мучеников. Ими уже осуществлена внутренняя победа над Марксом и марксизмом, пусть еще не явленная, но от этого не менее реальная.

Никита Струве

Богословие, Философия

КАНОН СВ. МУЧЕНИЦЕ БЛАНДИНЕ

(память 25 июля)

Жительница галло-римского города Лиона, св. Бландина пострадала в 177 году в царствование императора Марка-Аврелия. Подлинные мученические акты того времени свидетельствуют о неколебимом мужестве молодой христианки, отказавшейся отречься и отданной на растерзание зверям. Почитание св. Бландины до сих пор очень живо во Франции. Русский литургист Борис Иванович Сове (1883–1954) сочинил в честь мученицы службу, которая печатается здесь впервые.

Глас 5. Песнь 1. Ирмос:

*Спасителю Богу,/ в мори люди немокрыми ногами наставля-
шему,/ и фараона со всевоинством потопльшему,/ Тому Единому
поим, яко прославися.*

Отверзи ми, Господи, устне недостойнии да воспую радостно славныя мученицы Твоя Бландины победное торжество.

Се ныне избра Бог немощная мира, и уничиженная, и не сущая, да сущая упразднит, о мученице Бландино, христианского рода похвало и радование.

Никтоже о юности твоей да нерадит! тако зываше Галлийская крестonosная Церковь, внимая славному исповеданию твоему. Явила-бося еси крепчае многих мужей, зывая непрестанно: Христу Единому поим, яко прославися.

БОГОРОДИЧЕН:

Царице моя, Царя царствующих Мати, укрепи ум мой царствовать над суетным мира сего пленением.

Песнь 3. Ирмос:

Водрузивый на ничесомже землю повелением Твоим,/ и повесивый/ неодолимо тяготеющую,/ на недвижемем, Христе, камени заповедей Твоих/ Церковь Твою утверди,/ Едине Блаже и Человеколюбче.

Глаголаше Бланина страждущим с нею: не убойтесь за немощь мою, о братие! аз бо познах Истину, свободившую душу мою от работы вражия и подклонихся благому игу Христову.

В темницу ввержена была еси, и вяжема и к каменному столбу прикована, юнице терпеливодушная, за слово Господне еже воистину не вяжется.

Кое слово изрещи возможет терзания, яже претерпела еси на многи дни, яко верная раба Христова, удивляя самих мучителей радостотворною светлостью своею, яже утверждаше Церковь.

БОГОРОДИЧЕН:

Радость Ангелов, скорбящих всех пребыстрая Утешительнице, Марие, утесненное сердце мое мольбами Твоими утети.

СЕДАЛЕН, глас 4. Подобен: Удивися Иосиф:

Удивившася твоему терпению многому,/ человецы на земли и бесплотнии силы небеснии:/ смерть бо горькую терпяще, честная,/ змия отступника убила еси,/ дева невесто Жизнодавца Бланина,/ веры поборница.

Песнь 4. Ирмос:

Дела смотрения Твоего, Господи,/ ужасиша пророка Аввакума/ изшел бо еси на спасение людей Твоих,/ спасти помазанныя Твоя пришел еси.

Во смирении и трудах провождала еси жизнь твою, отроковице. Темже и во время страсти твоя покры ты благодать Божия и воистинну непобедиму сотвори.

Повешена крестообразно на древе и молящася о мучителях своих, возвела еси сердца взирающих на пречистой Страсти Христовой, ейже воистину божественно причастилася еси.

Видевши святая себе от уз плотских разрешаему муками, несканно веселяшася.

БОГОРОДИЧЕН:

Как соделалася еси Мати Судии всех и Бога, рцы ми, о Дево? смиреннее бо всех созданий воистинну была еси.

Песнь 5. Ирмос:

Одеяйся светом яко ризою,/ к Тебе утреннюю,/ и Тебе зову:/ душу мою просвети омраченную, Христе,/ яко Един благоутробен.

Кто ми разлучит от любви Христа моего? тако вzywала еси, мученице, во страдании твоём. Той бо дарует ми живот вечный, яко Един благоутробен.

И словом и делом увеселяла еси страждущих с тобою, Бланино, и, яко доблественная мать, совершивши подвиг чад своих, сама устремила еси во след их на брачный пир Агнца.

Поистине вера твоя победила мира сего всю силу, страстотерпице, утверждашася бо на Камени краугольнем, по слову Господню: веруяй в Он не постыдится!

БОГОРОДИЧЕН:

Одеяйся светом яко ризою облакает Тя в Солнце, Пресвятая Дево, лучами живоносными всю землю осиявающеее.

Песнь 6. Ирмос:

Неистовствующея бурю душетленную,/ Владыко Христе,/ страстей море укроти,/ и от тли возведи мя,/ яко благоутробен.

Брат от брата помогаем удобь попирает врага: и ты, дево мудрая, неослабно укрепляла еси страждущих с тобою, углаждая путь их в небесный Сион.

Якоже агница повешена, славная, посреди зверей, кроткими показала еси сих паче мучителей твоих, якоже иногда пророк.

Смирив себе под крепкую руку Господню, ныне высоко вознесена еси на небеси, мученице Боговиднейшая.

БОГОРОДИЧЕН:

Разрушила еси клятву праматернюю и укрепила еси на ню множество мучениц славных, паче всех благ Сына Твоего взыскавших, Пречистая.

КОНДАК, глас 3:

Отроковица предивная Бланина, / за любовь Христову крестовидную страсть в немощи твоей мужески претерпела еси, / благодатию божественнаго причащения споспешествуема, / Зверю же терзаючи плоти твоя, / глас Женихов внимала еси: / гряди, голубице моя, в пресветлый Чертог Мой.

Песнь 7. Ирмос:

Превозносимый отцев Господь / пламень угаси, отроки ороси, / согласно поюция: / Боже, благословен еси.

Уподобилася еси благочестивым отроком трием, древле ликующим в печи, добрая юнице, велегласно поюще: Боже, благословен еси.

Мужески пронесла еси Имя Христово пред человеки, святая, на Сего Единого взирая очами и сердцем и зывая: Боже, благословен еси.

Ты веси немощь мою, Создавший мя: облещи мя крепостию Твоею, Возлюбленне, да Тебе непрестанно зываю: Боже, благословен еси.

БОГОРОДИЧЕН:

Пою Тя, Владычице, любовию сердца моего, внимая благоговейно божественной песни, юже воспела еси древле: Боже, благословен еси.

Песнь 8. Ирмос:

Тебе Вседетелю / в печи отроцы, / всемирный лик сплетше, пояху: / дела всякая Господа пойте / и превозносите во вся веки.

Цветница мучеников Богокрасная, имуща посреде себе Бланину деву, яко шипок благовоннейший, песнь божественную воспевая, глаголаше: дела всякая Господа пойте и превозносите во вся веки.

На земли равноангельное житие имела еси, святая, и преукрашенное мученическими кровьюми; и ныне, на небесах, насыщаяся Светом Божественным, назирай поюция: дела всякая Господа пойте и превозносите во вся веки.

Тя Богу приводим молитвенницу о чтущих тя, блаженная, моли подати нам разум пети всегда: дела всякая Господа пойте и превозносите во вся веки.

БОГОРОДИЧЕН:

Пещь отроков изобрази таинство Рождества Твоего, Богородице: да и мы, в пещи скорбей сущи, зрим Христа мысленно раждающагося в душах наших, и воспеваем: дела всякая Господа пойте и превозносите во вся веки.

Песнь 9. Ирмос:

Исаие, ликуй, Дева име во чреве, / и роди Сына Еммануила Бога же и человека, / Восток Имя Ему: / Егоже величающе, Деву ублажаем.

Яко плод зрел, блаженная, в муках многообразных достойно совершившись, пала еси на землю живых, величая Создавшего тя.

Аще и умолкоша уста твоя, исповедница Христова, но не престают и доньше столп и юзы свидетельствовати о добром подвиге твоём.

Се ныне воззри с высоты на певцы твоя, приснопамятная, заступай ны в нуждах наших и буди нам путеводительница к блаженству вечному.

БОГОРОДИЧЕН:

Кую Ти песнь принесу достойную, Пресвятая Дево? радостотвориши бо верныя люди Твоя всегда надеждою Живота Нескончаемаго.

СВЕТИЛЕН:

Верою, надеждою и любовию вооружившись, блаженная, дерзнула еси на страдальчество, и ныне на небесах богатное приемлещи воздаяние от руки Подвигоположника твоего.

ЧЕТЫРЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКА

Ниже я хочу привести жития святых, которые неизвестны или мало известны Православной Церкви. Трое из них греки, а четвертый — серб. Жили и подвизались они в разные времена. Первый из них по времени был св. Серен, мученик начала IV века; второй — преп. Никифор, игумен Севазийский, исповедник, борющийся за иконопочитание в Византии, IX века; и последний — новомученик Стефан, отдавший свою жизнь за Христа в коммунистической Югославии в конце 50-х годов нынешнего века. О каждом из них в отдельности будет сказано в введении к житиям, которые читатель найдет ниже.

На крови святых мучеников утверждается Церковь: их мощи помещаются и в престол, и в антиминс, без чего не совершается Божественная Литургия. Этим Церковь показывает, что в фундаменте ее заложены мученичество и исповедничество, как свидетельство об истинности православной веры и незыблемой и жертвенной любви к Господу нашему Иисусу Христу. Верование, бывшее в древности, что мучеников было "бесчисленное число", доходящее до 10 миллионов, давно отвергнуто. В начале XVII века английский ученый Х. Додвель (H. Dodwell) издал исследование, в котором доказал, что святых мучеников было не так уж много. Недавние исследования показывают, что число мучеников, пострадавших за Христа в Римской империи и в Персии, не превышает 10 000. Древние писатели подтверждают, что мучеников было немного. Они пламенно обращаются с увещанием к древним христианам не уклоняться от мученического венца, а Ориген — сын мученика — говорит о том, что св. мучеников "было очень мало". Только великие и сильные духом шли на мученичество, а таковых никогда не бывает много. Тот светлый пламень любви к Христу, который явили мученики во время гонения при Нероне, когда все христиане готовы были пойти на смерть, в последующие века ослабел. Стало возможно и отпадение христиан от Христа во время новых гонений, и число падших было велико, почему Церкви и пришлось иметь особое суждение о них; причем суровые суждения некоторых иерархов уступили место милостивому снисхождению Матери Церкви. Нет сомнения, что имена и подвиги многих мучеников и исповедников остались ведомы только Богу. Мы взяли на себя рассказать о святых, бывших в разные времена и подвизавшихся при различных обстоятельствах, однако объединенных одним

духом любви к Христу. Их жития достойны того, чтобы и в нашем сердце запечатлеть их в молитвенном почитании. Мы уверены, что по нашим стопам последуют и другие богословы, как и мы последовали бывшим прежде нас, и потрудятся над тем, чтобы сообщать жития тех святых, которые не упомянуты в уже известных нам книгах житий святых.

I

Св. мученик Серен неизвестен в Православной Церкви, но известен в Западной Церкви, и особенно во Франции. Пострадал он за Христа, как полагают, ок. 307 г. в городе Сирмиуме (нынешней Сремской Митровице) во время царствования Максимиана. Латинские источники называют его имя по-разному: Serenus, Sirenus, Syrenus, Sinerius, Sinerus, но он вошел в историю как Serenus. Но в древнейшем римском мартирологе он именуется Сиреном, и при этом прибавляется, что был он монахом.* В одном из источников говорится, что вместе с ним пострадали и два его сподвижника. "Серен" означает "тихий", "мирный", "спокойный", и возможно, его настоящее имя было "Ириней" (поскольку он был грек, пришел в Сирмиум из Греции и принял латинское имя, означающее то же самое, что и его греческое имя. Св. Сирен почитается во Франции, в городе Бильоме, в Оверни) как Saint Serneuf. Есть поверие, что в местной церкви хранится частица его мощей, принесенная кем-то в давние времена. В Западной Церкви память его чтится 23 февраля.

Имеются два древних текста жития св. Серена: один текст напечатан Болландистами; другой текст — немного более длинный — был помещен Руинартом в его сборнике подлинных житий свв. мучеников.** Его мы здесь и приводим.

СТРАДАНИЕ СВ. МУЧЕНИКА СЕРЕНА.

I. СЕРЕН, чужеземец, родом грек, после того, как прибыл из чужеземных краев, поселился в окрестностях Сирмиума и развел сад, чтобы от этого жить, поскольку другого ремесла не знал. Когда настало гонение, он, боясь временных мучений, скрылся на недолгое

* Martyrologium Romanum. Roma, 1922, p. 44.

** Th. Ruinart. Acta primorum martyrum sincera et selecta, edit. 2. Amsterdam. 1713, p. 491—493.

время, и скрывался в течение нескольких месяцев. А затем опять стал свободно возделывать свой сад; и когда он так работал в своем саду, однажды некая женщина в сопровождении двух мальчишек вошла в его сад, и стала в нем гулять. И когда ее увидел, вышереченный старец сказал ей: Что ты, женщина, ищешь здесь? И она сказала: Мне нравится гулять в этом саду. — Он же сказал ей: Какая почтенная госпожа будет здесь гулять в этот поздний час? Ведь уже шестой час. Я понимаю, что ты пришла сюда не для того, чтобы погулять, но по распушенности и ради распутства. Поэтому выйди, и веди себя прилично, как подобает вести себя почтенным господам.

II. И она, со стыдом выйдя, возымела в себе бешенство, не из-за скорби, что была выгнана, но что не удовлетворила причину своего распутства. И она написала своему мужу, который занимал важный пост при императоре Максимиане, сообщая ему об оскорблении, которое она потерпела. И когда муж ее прочел письмо, он немедленно пожаловался царю и сказал ему: В то время как мы тщательно служим твоей особе, в это время наши супруги, находящиеся в дальних землях, терпят обиду. — И он (царь) дал ему полномочие, чтобы он отомстил за себя чрез губернатора провинции, как ему будет угодно. И он, приняв полномочие, поспешил явиться и отомстить обиду, не — госпожи, а бесчестной бабы. Когда же он прибыл в вышереченный город, он немедленно явился к губернатору и подал судебную жалобу за полученное оскорбление и передал царские писания, и сказал ему: Отомсти за оскорбление, которое в мое отсутствие потерпела моя жена. — И когда губернатор услышал это, он стал удивляться и сказал ему: Но кто же осмелился нанести оскорбление жене мужа, находящегося в личном служении самого царя? — И тот ответил: Серен, некий плебей, садовник. — И когда губернатор узнал имя, он велел ему немедленно явиться. И, явившись, он предстал пред лицом губернатора. И сказал ему губернатор: Как твое имя? — И тот ответил: Серен. — Губернатор сказал: Какая у тебя профессия? — И тот ответил: Я — садовник. — Губернатор сказал: На каком основании ты нанес оскорбление супруге такого (великого) мужа? — Он ответил: Никогда никакой женщине я не нанес обиды. — Губернатор с большим гневом тогда сказал (мужу сей оскорбленной жены): Уличи его, чтобы было выяснено, какой госпоже он нанес оскорбление, когда она захотела погулять в его саду. — И он (Серен) без малейшей боязни ответил: Я начинаю припоминать, что некоторое время тому назад некая женщина гуляла в моем саду в неподобающий час. Я упрекнул ее и сказал, что неподобающе поступает та женщина, которая в такой час вышла из дома своего мужа. — Слыша про этот поступок своей весьма нечистой и распущенной

жены, муж ее покраснел и умолк, и уже ничего большего не предлагал губернатору сделать, дабы отомстить за оскорбление, ради чего он пришел; так как он был весьма смущен.

III. Губернатор же, когда услышал ответ святого мужа, стал в себе размышлять об его благородном выговоре, и сказал: Этот человек — христианин, если ему было неприятно видеть женщину в неподобающий час в своем саду, — и он спросил его: Из какого ты рода? — И тот ответил ему без малейшего замедления: Я — христианин. — Губернатор сказал: До сих пор где ты скрывался и каким образом уклонился от того, чтобы богам не принести жертву? — И он ответил: Богу было угодно до сих пор сохранить меня в теле. Я же был как камень, который был отвержен от применения в постройке. Но теперь Господь потребовал меня в Свое здание. И поскольку Ему угодно, чтобы я вошел в здание, я готов пострадать за Его имя, дабы с прочими святыми иметь участие в Его Царстве. — Когда же губернатор услышал это, то, весьма разгневанный, сказал: Поелику до сих пор ты уклонялся и, скрывшись, презрел императорские распоряжения, и по той причине, что ты не захотел принести жертвы богам, — мы повелеваем отсечь тебе голову. — И немедленно схваченный и отведенный на место казни, он был обезглавлен служителями диавола, в восьмые календы марта, в царствование же Господа нашего Иисуса Христа, Которому честь и слава во веки веков. Аминь.

II

В виде дополнения я хочу познакомить читателя с житием св. священномученика Нестора, Епископа Магидийского. Имя этого святого известно и в греческих, и в славянских текстах, но сказано настолько мало, что у нас не создается образа этого святителя, который доблестно отдал свою жизнь за Христа. В греческих текстах говорится следующее: "В тот же день (28-го февраля) память святого мученика Нестора. Он был во времена императора Декия и Публия губернатора в Пергии Памфилийской; и будучи схвачен префектом Иринархом за почитание Христа, он был приведен к губернатору, перед которым исповедал веру во Христа, был распят, после чего явно воздал благодарение Богу, и, утвердив христиан в вере, предал дух". В Житиях Святых св. Димитрия Ростовского, как и в Прологе, также находим весьма краткое упоминание о св. священномученике Несторе. Немного полнее написано о нем в Житиях Святых на русском языке, изданных в 1905 г., но и там житие занимает меньше четверти страницы.

По источникам же, напечатанным Болландистами, житие св. священномученика Нестора дает нам образ святого и дышит полнотою. Нам представляется, что если Богу будет угодно, чтобы в России православная богословская наука имела возможность снова процветать и было бы возможно печатание богословских и душеполезных трудов, то наши Жития Святых, в той классической форме, которую им дал св. Димитрий Ростовский, следует значительно пополнить не только внесением житий тех святых, которые просияли на Западе прежде великого раскола Церквей, и таким образом принадлежат православному наследию, но и использованием того материала, который поместили западные издатели в отношении святых, которые просияли на Востоке, святых, которые либо остались неизвестными в нашей Церкви, либо очень мало известными. Мы привели здесь житие св. священномученика Нестора прежде всего по той причине, что оно душеполезно, а во-вторых, — в виде иллюстрации к моей мысли, что общехристианское наследие еще подарит нам много замечательных житий и поучений, которые пока скрыты от широкого читателя, и задача православного богослова этот клад — хранящийся в древних книгах и рукописях — представить читателю, как весьма душеполезный материал.

Болландисты приводят два жития св. священномученика Нестора: одно краткое, другое пространное. Это второе мы и приведем, взяв от первого только две последние фразы. Житие написано тем "железным" латинским языком, которым написаны "Acta Martyrum"; язык этих латинских писаний дышит стариной, суровостью и "железностью" тех времен, когда христианство встретилось в смертном бою с мощью римского язычества, с его страшными императорами, губернаторами, трибунами, легионами, иринархами и т. д. И плоть мучеников и мучениц, часто еще совсем в детском возрасте, сошлась в бою с пытками, дыбами, огнем, пилами, щипцами, распятиями и мечом, и... победила все это духом единой веры во Христа.

СТРАДАНИЕ СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА НЕСТОРА, ЕПИСКОПА МАГИДИЙСКОГО.

(Acta Sanctorum, edit. Y. Bollandus—G. Henschenius, 1845. Febr. III p. 633—635).

Глава I

Арест и допрос Св. Нестора перед (префектом) Иринархом.

Вера понуждает нас творить память мучеников и созерцать победу, которую одержали страстотерпцы-борцы Христовы, своим примером

давшие нам немалую помощь: их увенчал Сын и прославил Отец. Я называю их "борцами", но не тех, которые лишь в теории¹ состязались, и похвала которым сомнительна и победа недостоверна, а, тем самым, и венец их тленен; а имею в виду тех славных и святых мужей, которые подвизались до смерти, лишь бы не отречься от Сына Божьего, твердо держась обещания Самого Господа, говорящего: "Иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех".² Итак, одним из числа этих небесных борцов был блаженный Нестор. Так, когда, ненавистный Богу, Декий взял в свои руки власть римской империи, он велел, чтобы все были насильно вовлечены в его культи, и чтобы призывающие имя Господа нашего Иисуса Христа были принуждаемы к мерзостным жертвоприношениям; если же кто из них не согласился бы это сделать, такого, предписал он, отдавать судье и предавать всевозможным мукам. Таким образом этот жестокий указ стал проводиться в Памфилии под властью губернатора Поллиона,³ который правил этой провинцией; он без замедления послал чиновников, которые, во исполнение царского приказа, обошли бы всю область, и если бы где нашлись христиане, они были бы согнаны для принесения жертв идолам. В это время были замучены и оные блаженные, я имею в виду: Папия и Диодора и Клавдия и Конона, о которых мы расскажем в надлежащее время. А теперь поведаем о бл. Несторе.

2. Итак, сей Нестор был епископом в Магадисе (в Малой Азии), мученичество же приял в Пергии. Он, как мы раньше сказали, "верою и благоговением и всей своей жизнью был вернейшим Богу, и обладал такой скромностью и смиреннием, что даже сам правитель города уважал его образ жизни, однако не посмел ослушаться властителей распоряжений. Собрав же совет своих сотрудников, он сказал им: "Мы не иначе можем воздействовать на христиан, как только если приберем к рукам их епископа: потому что все они делают по его воле и повинуются ему". Блаженный же Нестор, когда узнал об их злоумысле, сделал так, что весь народ, бывший под ним, разошелся по другим местам; дабы не случилось, говорил он, что волк, пойдя в стадо, растерзал бы какую овцу. Сам же он не покинул своего дома, пребывая день и ночь в молитве, и молясь только о том, чтобы паства Христова сохранилась невредимой.

3. Итак, судебные приставы пришли к дому епископа Нестора, а также и иные из граждан, приверженцы беззакония, окружили дом его, и один из них, подойдя к дверям дома, стал звать его. Блаженный же мученик пребывал в это время в молитве; и один из слуг его, возвестил ему, говоря: "Там, за дверями, спрашивают тебя". И, вот

он, закончил молитву и сказал: "Аминь", и затем вышел беззлобный овен, имея плащ с капюшоном на своей голове. И когда он вышел к пришедшим к нему, все склонили головы и приветствовали его. Он же сказал им: "Чада, по какой причине вы пришли ко мне?" Они сказали: "Призывает тебя ирinarх⁵ и вся курия".⁶ Он же, знаменовав себя крестным знамением во имя Господа нашего Иисуса Христа, последовал за ними, "яко овча на заколение", и когда он пришел в форум, вся курия встала и приветствовала его. Он же сказал: "Да сохранит вас Бог. Почему вы так поступаете?" В ответ они сказали: "Образ твоей жизни достоин уважения". И приняв его в свою среду, они перешли в место отделенное от толпы; и когда были поставлены многочисленные судейские стулья, они велели поставить кресло и украсить его, чтобы на нем воссел епископ. Он же сказал им: "Для меня довлеет та честь, что я был приглашен вами. Скажите же, по какой причине я вызван".

4. Ирinarх сказал: "Известно ли тебе, господин, распоряжение императора?" Он сказал: "Мне известно распоряжение Всемогущего, а не — распоряжение императора". Ирinarх сказал: "О, Нестор, согласишься спокойно, дабы не подлежать тебе судебному процессу". Нестор сказал: "Согласиться с чем?" А тот сказал: "Согласуйся с распоряжениями царя". Нестор сказал: "Я согласуюсь с распоряжениями Небесного Царя". Тот сказал ему: "Ты одержим бесами". Нестор сказал: "Ужели сами вы не одержимы бесами и не служите бесам?" Ирinarх сказал: "Как дерзаешь ты богов называть "бесами"?" Нестор сказал: "Я это заключаю и по своему разуму, и по признанию тех, из которых изгоняют бесов; возвещаю тебе это, дабы ты уразумел, что те, которых вы почитаете как богов, в действительности являются бесами". Ирinarх же, качая на святого мученика своей безмозглой головой, сказал: "Я заставлю тебя, чтобы пред губернатором, путем пыток, ты бы признал, что наши боги поистине суть боги". Св. Нестор, немедленно возложив на свое чело знамение Христово, сказал: "Зачем ты мне угрожаешь муками? Я боюсь мучений от моего Бога, а не от тебя или твоего судьи; поистине, и в муках и без мук я буду исповедовать Христа Сына Бога живого".

Глава II

Обвинение св. Нестора и допрос у губернатора Поллиона, пытки, мученичество.

Ирinarх, не пренебрегая делом и не медля, отправился в Пергию, и передал святого мученика двум судебным приставам: а сам пошел

вперед; агнец же последовал за волком. И когда они были на пути, неожиданно произошло немалое землетрясение, и был слышан голос с Неба, укрепляющий Своего мученика. Они же, устрешенные случившимся, были одержимы страхом, и в них заговорила совесть, что они святого мужа держат как узника. И немедленно они спросили его, говоря: "Господин епископ, откуда это — землетрясение и голос?" Он же сказал: "Это — знамение моего Бога". И поскольку они пришли в город (Пергию) в четвертую субботу в десятый час, то они остановились вне города.

6. И когда ирinarх доложил губернатору о святом мученике, то губернатор назначил наутро судебное разбирательство, и на него был представлен святой Нестор. Итак, ирinarх изложил судебное дело помощнику губернатора Урбану. И когда дело было представлено на суд губернатора, они сказали ему: "Евпатор и Сократ и вся римская курия⁷ выражают приветствие державнейшему господину губернатору. Когда к твоей светлости прибыли божественные писания господина нашего императора, заповедующего, чтобы все христиане были привлечены к жертвоприношениям и отреклись от дурным образом внушенного им образа мышления, то твоя гуманность пожелала, чтобы это было проведено не сурово и без нарушения общественного порядка, но — сделано спокойно; однако, это снисхождение было мало успешно, потому что эти люди с каким-то упорством презирают императорский эдикт. Потому что этот человек, несмотря на то, что и мы и вся курия просили его, не только сам не покорился, но и все, сущие под ним и, как возглавителя их, примеру его следующие, не пожелали с готовой душой исполнить то, что было заповедано. Мы, все же, не переставали убеждать его, чтобы, согласно распоряжениям победительнейшего царя, он пришел в храм Юпитера; но он дерзал поношениями и бесчестиями оскорблять бессмертных богов, и даже самого императора — пусть и не присутствовавшего — поносил немалыми оскорблениями; и в отношении тебя он также употреблял те же оскорбительные выражения; поэтому все собрание курии постановило направить его к твоей светлости".

7. И губернатор сказал ему (св. Нестору): "Как тебя зовут?" Бл. Нестор сказал: "Я — раб Господа моего Иисуса Христа". Губернатор сказал: "Я спрашиваю тебя не о твоем положении, а — как твое имя". Нестор сказал: "Собственно это и есть мое имя, что я — христианин.⁸ Если же ты хочешь знать мое временное имя, то зовусь я Нестор". Губернатор сказал: "Что же? Принеси жертву и согласишься, без того, чтобы были применены пытки, поклясться богами; дабы скорейшим образом я бы мог написать господину императору, дабы

ты стал — без малейшего возражения (с чьей-либо стороны) — Главою священников (жрецов) и все подпало под твою власть, и ты принял бы почести и дары; но и нашим личным исповедником ты стал бы, так чтобы возмочь тебе прекрасно жить на многие годы”. Святой же мученик, взирая на небо и знаменуя себя крестным знамением, сказал губернатору: “Хотя бы всевозможными пытками ты истерзал мою плоть, если бы предал оковам, если бы отдал зверям, если бы предал мечу, — пока есть дух в ноздрях моих, я не отрекусь от имени Господа моего Иисуса Христа”. Губернатор же приказал его повесить на дыбу и жесточайшим образом мучить. Слуги же, чтобы его изранить, до такой степени глубоко вонзали железные когти, что даже кости его обнажились от плоти. Святой же Нестор, воспевая псалом, говорил: “Благословлю Господа на всякое время; выну хвала Его во устех моих”.⁹

8. Судья же, будучи поражен терпением мужа, сказал мученику: “Несчастнейший человек! ужели ты не стыдишься все время возлагать свою надежду на человека, и то умерщвленного на кресте?” Нестор сказал: “Да будет и мне испытать этот же “позор” и всем, которые призывают имя Господа нашего Иисуса Христа”. И когда толпа завопила, чтобы он был истреблен, губернатор спросил его чрез судебного глашатая: “Хочешь ли ты принести жертву богам или нет?” Святой мученик, имея уверенность во Христе, сказал: “Нечестивейший и беззаконнейший сын дьявола, ты не только не боишься Бога, Который дал тебе эту власть — потому что Им цари царствуют, и власти-тели держат землю, и князи пишут правду,¹⁰ — но и полагаешь, что я оставлю Его, единого и истинного Бога, Творца и Спасителя всех, и стану боготворить ничтожные и сделанные из камня подобия?” Губернатор сказал ему: “Что ты хочешь: быть с нами, или — с твоим Христом?” Немедленно мученик Господень сказал: “С моим Христом я всегда был, емь и буду”.

9. Итак, судья, видя стойкость его терпения, немедленно вынес ему приговор, говоря: “Поелику ты, Нестор, не пожелал согласоваться с волей победительнейшего царя, ни с волей богов, но последовал Иисусу, Который, как я слышал, был распят иудеями во время Понтия Пилата, то, чтобы тебе не быть непоследовательным в отношении твоего Бога, то пусть тебе будет тот же самый приговор, — чтобы ты погиб, будучи распят на древе”. И во исполнение приказа судьи, со всей поспешностью, было приготовлено древо, дабы он был распят.

10. Будучи же распят на древе, бл. Нестор учил отдельных христиан, говоря: “Чада, да будет твердым наше исповедание пред Богом; да не отречемся от Него, от Бога, Который пострадал ради нас; да не

возрадуется дьявол относительно (падения) рабов Христовых; будем сострадать с Ним, дабы с Ним нам и прославиться; да не отречемся от Него, дабы и от нас Он не отрекся. Помните, что Отец послал Его Искупителем душ наших и Отменением грехов наших, Его, Кто греха не совершил, и ради нас стал грехом; и всех нас Отец даровал Ему, “да о имени Иисусове всяко колена поклонится, небесных и земных и преисподних: и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца”.¹¹ И сказал он стоящей возле толпе: “Чада, будем молиться и преклоним наши колена Господу в Том же Иисусе Христе”. И когда все преклонили колена и молились, и в завершение сказали: “Аминь”, — он предал свой дух. Скончал же он свое мученичество в пятую субботу, в третий час.¹²

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ориг.: “в воображении”.
2. Мф. 10, 32.
3. По другим: “Публий”.
4. Видимо, описание страданий св. священномученика Нестора является лишь завершением его жития, которое утеряно.
5. Иринарх — должностное лицо в Римской Империи, следящее за общественным порядком и покоем в вверенной ему области, а отнюдь не собственное имя, как это находим в некоторых текстах этого же жития.
6. Курия — в данном случае, городской совет.
7. В данном случае — городской совет города Магадиса.
8. Интересно узнать, что в древних книгах слово “христианин” пишется с заглавной буквы, вероятно по той причине, что в те древние времена христиане были ХРИСТИАНАМИ.
9. Пс. 33, 1.
10. Притч. 8, 15; в оригинале текст этот поставлен в скобках.
11. Фил. 2, 10.
12. Это было в 250 г. Согласно иной версии, именно когда св. Нестор завершил молитву и сказал “Аминь”, он предал свой дух Богу.

Преп. Никифор исповедник, игумен основанной им Севазийской обители, принадлежит к тем подвижникам и исповедникам, память о которых совершенно затерялась. Хотя анонимный автор его жития именуется его "преподобным", "блаженным", "святым", "исповедником", "чудным", однако его имени мы не находим ни в одном греческом синаксари. Житие его сохранилось в единственной рукописи (Патмос № 254), и автор жития указывает, что пишет много лет спустя после кончины преподобного Никифора, и в сущности дает нам мало сведений о нем. Известно, что он происходил из Анатолии, в ранние годы принял монашеский постриг, выступил в защиту святых икон во время царствования царя иконоборца Льва Армянина (813–820), пострадал от него и был сослан в изгнание. После смерти Льва Армянина, преподобный удалился в горы, где и основал свою обитель в Севазии. Год рождения и год смерти преподобного остались неизвестны, самая же обитель его вскоре после его смерти перестала существовать.

Мы благодарны издателю рукописи F. Halkin'у, который на страницах Byzantion № 23. Брюссель 1953 (См. *Une victime inconnue de Léon l'Armenien? Saint Nicéphore de Sebazè*) познакомил нас с житием одного из исповедников Церкви, имя которого незаслуженно забыто. В этот период иконоборчества в Византии нам известны имена следующих святых исповедников: Никифора, патриарха Константинопольского, Евфимия Сардийского, Феодора Студита, Феофилакта Никомидийского, Иоанна Психашта, Илариона Далматского, Емилиана Кизического и Евдоксия Аморийского. К их сонму справедливо должен быть причислен и преподобный Никифор Севазийский. Издатель рукописи сделал вступление, внес некоторые примечания и сделал заглавия (которые обычно в греческих рукописях отсутствуют) к последовательным отделам жития преподобного. Рукопись была издана без сопровождения перевода. Текст жития витиеватый, это не столько житие, сколько "похвальное слово". В нашем переводе иногда приходилось в скобках вносить некоторые разъяснения текста, а в примечаниях мы приводим исторические данные, разъяснение некоторых терминов и ссылки на Священное Писание. Источник текста: Патмос № 254.

1. Введение.

Поистине тяжело и весьма затруднительно предпринимать описание¹ житий и достойными похвалами прославлять тех мужей, память о которых протекшее время уже давно затмило и светлые их подвиги издавна предало забвению. Потому что вследствие дальности времени происходит то, что и для нас слово не бывает легким и звучащим убедительно, поскольку — по причине отсутствия сведений² — оно в некотором смысле далеко отступает от должного и отнюдь не достигает подобающей красоты и истины, ни восхваляемым нами оно не отвечает по достоинству, поскольку совершенные ими дела уже давно унесла река времени и трудно ясно представить себе их истинную ценность. Но поелику некоторые, невзирая на тяжкий труд в этом отношении, многое из того, что было скрыто до сих пор, вывели на свет, и усерднейшим и надлежащим замыслом сделали явным то, что время покрыло забвением, и затем представили это на пользу зрящим, то и у нас возникло намерение восхвалить преподобного отца нашего и исповедника Никифора и представить его житие всем в прекраснейший пример добродетели, дабы, если мы оставим такого великого мужа без внимания и не почтим того, кого украсило сияние добрых дел, нам не оказаться какими-то презрительными, которые по небрежности лишаем себя большой духовной пользы. Потому что, если и действительно уже прошло много времени с тех пор как он жил³ и многое из его прекрасностей время поглотило (ориг. — убегает от нашего слова), однако, все же, еще нечто малое из его жития сохраняется в устной памяти и в историях более древних мужей; это вот, мы, по силам, постараемся по порядку изложить, дабы и это малое, что еще сохранилось, не затмило все истребляющее время и не уцерило житие до такой степени светлое, довлеющее и само по себе для того, чтобы возбудить ревность к подобным вещам и всех призвать к духовной красоте и возвести к доброй славе добродетели.

2. Родина и детство Никифора.

Итак, повествуется, что сей блаженный своим отечеством имел страну, лежащую по направлению к восходящему солнцу, которая, находясь в самой середине стран, лежащих на восток и, как равнина,

более прочих осияваемая солнечным светом, единственная из всех получила соответствующее наименование. Потому что имя отечеству блаженного — Анатолия. И хотя в широком смысле оно присуще и всем другим областям, которые первые принимают восходящее солнце, однако в частности и в особенности это наименование усвоено этой области. И вот, его отечество имело такое наименование; но и в отношении прочего оно было хорошо и плодоносно и способно прокормить стада различных животных. Произошел же он от благородных родителей, преданных Православию, пользовавшихся большим уважением по причине своего богатства, проявлявших большое усердие в отношении добра и обладавших единомыслием в отношении всякого вида добродетели; потому что свое имущество они обильно расточали бедным и этим помещали его в неокрадываемых небесных областях; и, по благословию Божию, это богатство они получали обратно гораздо большим, чем оно было, а после смерти заслужили счастливую и надежную жизнь. И вот, произойдя от таких родителей, сей чудесный своей жизнью не затмил их сияние, но поусердствовал не только стать равночестным им по добродетели, но и прибавить к сему большую славу и свои подвиги представить в виде подтверждения их высочайшего преуспеяния в Бозе; таким образом, если для других было чем-то великим и желанным уравниваться со своими родителями, то он счел это за недостаточное и не заслуживающее похвалы, потому что этот прекраснейший муж взял на себя подвиг превзойти их. Поэтому, будучи еще в нежном и незрелом возрасте и только лишь недавно отстраненный от материнского молока, — в возрасте, когда молодость особенно расцветает и бывает непокорной к восприятию добрых наук, восприимчивой же к неуместным побуждениям, поскольку она еще не способна, по причине незрелости юношеских лет, осознать то, что служит на пользу и избрать лучший удел, — он не склонялся ни к какой из этих худших сторон юности и не занял свой ум суетами и теми вещами, которыми повреждается красота души; потому что, отдав себя вниманию Божиим словам и тяготению к лучшему, он, и принимав участие в еде и разделяя состояние свободного человека и участвуя в обучении, однако, презрел удовольствия жизни; презрел же и пристрастие плоти и крови; пренебрег и мимотечность и глениность богатства; вменил в ничто изменчивую и неимущую прочности славу.

3. Его монашеские добродетели.

В одном же из монастырей отечества приняв постриг и став монахом, он совершенным образом проходил течение подвига; не отклоня-

ясь с пути любовью к родителям; не склоняясь к иным приятным вещам и не оглядываясь на них. Потому что он знал, что неключим для Бога тот, кто, взявшись за духовный плуг, оглядывается назад на мирские вещи.⁵ Поэтому всецело отдав себя Богу, он жительствова по законам постничества (т.е. аскетического подвига), сначала служа братии в самых последних служениях и отгоняя от себя тщеславие и стремясь к скромности и приобретая в смиреннии возвышенность духа; затем — преуспевая в постепенных божественных восхождениях и простираясь к духовным подвигам и обуздывая чревоугодие, презирая же всякое удовольствие; строжайшим же постом почти отрицая в себе человеческую природу, и как бы соперничая с иными подвижниками, а некоторых из них и превосходя в неких продолжительных и тяжелых подвигах. Потому что время своей жизни он не расточал на суетные и бесполезные вещи, но во всякое время принадлежал делам, угодным Богу; и весь день он распределил для молитв к Нему и псалмопения; а ночь, в свою очередь, наследовала его повседневные труды, всенощными бдениями и стояниями утруждая преподобного. Потому что и он исполнил желание блаженного Давида,⁶ не дав сна очам и не задремав в подвижнических трудах до тех пор, пока не обрел "место" на небесах и не наследовал в обитании себе тамошних скиний. И вот, в этих подвигах он был таковым. Уступил ли он кому-нибудь в мужестве (в борьбе за благочестие)? Или в ревности к добру? Или в готовности подвергнуться опасности за истину догматов? Кто же до такой степени, как он, возненавидел зло и опровергал нечестивых царей, стойко держась постановлений отеческих преданий и рассеивая беспросветный мрак ересей? Но для того, чтобы слово было нам яснее и доблесть сего мужа ясно была показана, нам надлежит сначала вспомнить историю борьбы против святых икон и возникновения этой ереси.

4. Иконоборчество во время Константина Копронима.

Первый этим недугом (иконаборчества) заболел Лев, происшедший из рода Исаврийцев,⁷ злоупотребивший властью правления и охваченный яростью на преподобных мужей и возглумившийся над Божиими церквями и вознеисествовавший против священных икон. Когда же тот, по Божиим судам, скончался, власть вместе с его нечестием наследовал его сын — Константин,⁸ человечишко гнусный и до последней степени одержимый бесами отброс, и во всем, за исключением плоти, подобный первому отступнику от Бога,⁹ который с детства еще, во время совершения над ним крещения, загрязнил священную купель, явив этим свое будущее нечестие и получивший

прозвище, соответствующее нечистоте. Когда же он вырос, он "положи на небеси язык свой" и отверз уста свои против Создателя, и "неправду в высоту глаголаше".¹⁰ Потому что, когда он восшел на царский трон и принял отеческую власть, он явил на свет затаенное в нем зло, так, чтобы, еще более рьяно поддерживая дело нечестия и проводя его, превзойти своего отца и даже представить его милостивым в тех поступках, которые тот задумал и совершил по неразумию: так, воздвигенные прежде иконы он начал уничтожать и попираť святыни скверными ногами; мужей же, занимающих высокие посты в Церкви и придерживающихся здоровой веры, он заточил в узы на длительные сроки, как каких-то преступников или бесправных рабов: одних из них — тех, которые были более горячие любители добра и готовы были ревностно бороться за благочестие — он предал казни и несправедному заколению; многих же сделал жертвой морской бури; а иных "человеколюбиво" осудил на изгнание в далекие земли. И вот, он поступал таким образом. Бог же это допустил по несказанным и непостижимым Своим судам; а этот человек посчитал терпение Божие за бессилие Творца, и использовал долготерпение Божие для делания еще большего зла, и изобрел еще некие новые пытки для держащихся благочестия, которые и слово отказывается приводить, по причине страшной свирепости и жестокости его бесчеловечности, и рука коченеет, чтобы их описать; так что лучше это скрыть и предать молчанию.¹¹ Но не до конца Бог оставил без внимания этого злодея и не допустил ему бесконечно насильничать над благочестием и оскорблять Бога: потому что Он наслал болезнь на этого бешеного человека, и все его тело охватил страшный жар; бессильны же были искусства врачей помочь ему и лечебные пособия не оказывали действия; потому что в добавление к жару от болезни его мучила совесть за ужасные дела, которые он совершил, и память об ожидающем его наказании; и он закончил свою жизнь тяжело и достойно своего нечестия, горестно рыдая в своих последних издыханиях и бесполезно раскаиваясь в своих дурных поступках.

5. Восстановление почитания икон. Вступление на престол Льва Армянина.

И вот, таким жалким образом он оставил здешнюю жизнь и перешел в оные (адские) темницы. Когда же благочестивые мужи пришли к власти, то полный мир объял церкви, и вся Римская держава¹² озарилась благодатью благочестия; Православие же прияло уверенность и вошло в прежнее благосостояние; священные же иконы были воздвигены по всей стране и Божии Тайнства соверша-

лись безбоязненно; бывшие в изгнании были приглашены вернуться в отечество; и тогда настал праздник всеобщего благоденствия.¹³ Но не суждено было, чтобы благоденствие долго продолжалось для христиан и чтобы благочестие наслаждалось благами покоя. Потому что сему противостала зависть и отец ее, не терпящий видеть Церковь красящуюся благочестием и процветающую. Он, вспомнив бывший издавна свой злоумысел против первоначальных и имея привычное ему двуличие, как тогда использовал змия для их падения, так и ныне, для уничтожения икон, использовал, как орудие и своего слугу, одного Льва, ведущего свой род из Армении,¹⁴ и только лишь принявшего в свои руки бразды правления царством, и первому взъярившемуся против святых икон (Льву Исавру) не менее соименному, чем и равному ему по нраву. Он, имея дурную натуру, и предоставил полнейшую поддержку власти нечестия, содействовавшей ему;¹⁵ а это выразилось в глумлении над святыми иконами, глумлении только что обновленном и возымевшем власть и нарушившем прежний покой в церквях; и это гонение завистливый бес осуществил благодаря невежеству царя. Потому что тот посчитал, что не удержится на власти, как только при помощи нечестия,¹⁶ думая по безумию, несчастный, что этим сделает свое царствование достопамятным и славным, а в результате он и здешнюю свою жизнь погубил и, обильнее вскормив адский огонь материей греха, наследовал оный. Но об этом будет сказано позднее.

6. Новые гонения.

Тогда же, вместе с принятием власти и восшествием на царский престол, он начал угнетать сонм православных и достиг того, что в безжалостности на применение пыток и в жестокости он превзошел всех уже раньше бывших гонителей, несчастных, болевших этим недугом иконоборчества; потому что, человеческое естество изменив на зверское,¹⁷ он бесчеловечно устремился на всякий злой умысел, думая всех инакомыслящих предать палачу и этим заставить их присоединиться к его ереси. На этом основании он отдал священников на жестокие истязания и бичевания, а также и тех, которые следовали подвижнической жизни, а вместе с ними также и тех мирян, которые были благочестивы и православны. И те, которые были укреплены Божию любовью и презрели плоть, как имеющую истлеть, доблестно пошли на подвиг, не отступив пред ужасностью и жестокостью пыток, но явно порицая (или: одолевая) нечестие тирана и дерзновенною душою и неустрашимым духом возвещая Православную Веру.

Среди них был и ныне славимый нами (преподобный Никифор), который по некоей нужде тогда находился в столице, и когда увидел, что Истина в опасности и почитание икон терпит пренебрежение, сам, как имеющий ревность к святине, вступил в борьбу с нечестьем; а также и других, как бы некий доблестный алипт,¹⁸ поощрял к борьбе, напоминая им отеческие предания и уча их не презирать поклонение святым иконам, зная, что почитание оных — по слову Великого Василия — восходит к первообразу (т. е. Лицу, изображенному на иконе);¹⁹ и как тот, кто свергает статую, этим наносит оскорбление тому, в честь кого она воздвигнута, так и не почитающий святые иконы отнимает честь от тех, кого они изображают. Таковыми словами он многих из избравших (державшихся) благочестие убедил мужественно переносить опасности ради добра и быть готовыми пойти на славную смерть за Православие и этим на пребывающее во веки ликование. И, вот, когда тиранствующему было возведено об этом муже со стороны знавших его как человека во всех отношениях уважаемого,²⁰ то тот, проявив интерес,²¹ пригласил его во дворец, и сначала пытался смягчить его почестями и обещаниями, скрывая на время, что он — насильник, который, когда нужно, умеет быть льстецом; потому что он рассчитывал более мягким и ласковым обращением покорить себе преподобного, как бы малое еще дитя и ребенка, легко поддающегося убеждению себя и не трудного для того, чтобы оказаться плененным какими-то малыми игрушками и приманками.

7. Никифор подвергается пытке и затем отсылается в изгнание.

Поскольку же он нашел в сем муже большую стойкость и твердость воли и просчитался в своей первой попытке склонить его в свою ересь, то теперь уже он стал воздействовать на святого угрозами и невыносимыми пытками. Но вот, один угрожал, а другой — насмехался; и вот, один, руками палачей, все тело его истерзал, а другой — мужественно переносил бичи и нанесение положенных ему страданий; и вот, тиран, видя неустранимость мужа, был полон злобы и ярости; а оно — любовь Божия еще больше согревала и свыше способствующее ему терпение как-то укрепляло его, закаляемого суровостью мучений, как железо закаляется в воде. И вот, оный повелевающий избивать святого ослабел и руки палачей обессилели бить вместо плоти — адамант; потому что таковой представлялась плоть его своей упорной выдержкой и перенесением им бедствий, как будто бы он был зритель чужих страданий, а не сам всем телом был подвержен длительному перенесению страданий. Наконец, он его присуждает

на изгнание на один из соседних с царством островов, сослав его в маленькое и скудное место жительства и бесчеловечным распоряжением запретив доступ к нему лицам, которые пожелали бы иметь общение с ним и придти навестить его. И, здесь проводя жизнь, преподобный совершал и иные праведные дела, и суровость места его жительства была ему приятнее, чем для иных лиц безмятежно обитать в садах и на лугах, орошаемых водами; потому что суровое обращение с ним и недостаток в вещах первой необходимости он вменял в наслаждение; да и какое воздействие это могло оказать на мужа, привыкшего к злостраданию, питаемого неядением или, по необходимости, довольствующегося только овощами? Печалило же его то, что он не скончался в муках и не сочистил себя с мучениками и сонмом раньше пострадавших страстотерпцев. Но, опять же, утешила его в скорби об этом любовь его к Богу, а также сознание, что все в отношении его управляется рукою Свыше и Небесным Промыслом руководится и направляется. Поэтому он возносил благодарение Богу и радовался язвам плоти и лишение в мученичестве пополнял трудами и монашескими подвигами. И был он не меньше страстотерпец, как и подлинный подвижник: страстотерпец — в силу своих ран; подвижник же — в силу своего изнурения и умерщвления тела.

8. Он основывает монастырь в Севазии.

Но изгнание сего мужа продолжалось до тех пор, пока тиран был в живых. После же того, как тот оставил жизнь и получил конец, достойный его образа жизни,²² то и святой "достиг перевала" и ему была предоставлена полная свобода "уйти из изгнания, бывшего в великой пустыне препятствующего",²³ он уже не оглядывался на отечество (место своего рождения) и на прежнее место жительства и не вернулся в тот монастырь, где в начале он принял постриг, но ища в одиночестве беседовать с Богом, — убегая от почитания за свои подвижнические добродетели и стремясь скрыться от людей, — он пришел на одну из гор, лежащих в Вифинской области, находящуюся в расстоянии не большем, чем один стадий²⁴ или полет стрелы от той деревни, именуемой Анфимавра, где вначале был в изгнании блаженный оный и золотой устами Иоанн, после того как был изгнан из столицы. Здесь вот и преподобный, найдя место, имя которому Севазия, всюду поросшее густым лесом и тенистое, и с большими трудами расчистив его, водрузил там подвижническую келию, с еще большим рвением, чем даже в начале (своей монашеской жизни) восходя к подвигам и воздержанием угашая огонь в плоти и худшее

покоря лучшему. Но Бог не допустил того, чтобы он в таком скрытом месте любомудрствовал и наслаждался прекрасностью покоя, а не послужил добру для других и не умножил таланта благодати. Делает же его явленным и известным, повсюду излучающим свет добродетели и сиянием своих дел озаряющим не только Вифинию, но и весь мир, сущий под солнцем. Итак, когда слава о нем пробежала повсюду, то к сему святому мужу начало стекаться великое множество людей, из которых одни искали путеводительства к спасению, руководствуясь его учениями и наставлениями; а для других и самый вид его и ласковость довели для преуспевания в добродетели. Все же приходящие уходили от него радостными: один унося одно, другой получая другое из духовных прекрасностей святого; были же и такие, которых объяло желание жить его образом жизни и привело их к подражанию ему, которые и обменяли всякое удовольствие в жизни на скудость монашеской кельи. Поэтому, когда многие по любви к подвижничеству, избрали жить вместе со святым, обитель выросла и числом и добродетелью. И хотя иные монастыри знамениты и замечательны своим богатством и прочими владениями, однако примечательной чертою этого монастыря была скудость, как отвечающая образу монашеской жизни и строгому подвижничеству. И настоятель сего монастыря имел образ жизни поистине достопочтенный; и в добавление к сему, имел за собою прекрасную борьбу (исповедничество) за благочестие (почитание святых икон), которую он доблестно совершил; и пользующиеся сим пастырем и учителем старались и сами далеко не отстать от его следов. И можно было их видеть как бы некий хор звезд, окружающих сию светлую Утреннюю Звезду и озаряемых светом Пастыря, и вступающих — путем очищения (себя от всяких страстей) — в неизреченный свет Святой Троицы.

9. Он чудесным образом помогает голодающим.

Но вот, таковыми были его подвиги. Хорошо же не пропустить и это из его деяний и не обойти молчанием такое великое и славное чудо. Некогда страну Вифинскую объяло оскудение и тяжкий голод обрушился на все население, и вся земля пострадала от дурной погоды и ничего не произрастила;²⁵ бедствие же захватило и поразило всякий возраст, и те, которые уже умерли от голода,²⁶ считались счастливыми, а те, которые еще прозябали, поистине считались мучениками. И в этом несчастном положении вещей, когда голод косил все, что только обитало в Вифинии, и когда не виделось никакого выхода для спасения, но все рисковали умереть от ужасного бедствия, этот

блаженный, открыв ворота монастыря для всех жертв голода, обильно и усердно пришел им на помощь и облегчил их нужду некоей неистощимой и щедрой поддержкой. И Тот, Кто радушно дарует необходимое,²⁷ немедленно же наполнил оскудевшие монастырские склады; и как некогда запасы сарептянки, по Божию велению,²⁸ не оскудевали, так и здесь это же Он совершил неким чудесным и поразительным образом; потому что, как тогда, так и теперь, Бог соразмерил воздаяние с произволением (духовным состоянием просящих); лучше же сказать, прияв малое, даровал многое и щедрое, не сопряженное с расходами или трудами.

Вот, таким образом, чрез Своего преподобного, Бог остановил этот ужас, дабы и этим прославить Своего раба, как некогда — Иосифа, которого во время оскудения (голода) Он поставил пшеницедавцем Египта. Потому что, как оно, сначала испытанного во многих искушениях, Он затем поставил князем оной страны, дабы он пропитал голодающий народ и остановил надолго растянувшуюся пору голода,²⁹ так и сего Он сберег во время превратностей, дабы затем, чрез него, устроить некое избавление от объявшего народ бедствия. Плача с бедствующими, сострадая страждущим, ежедневно уделяя недостающее и обильно оказывая милость, этот блаженный был до такой степени сострадателен, как мало кто.

Но — с кем его сравнивая, я сделаю достойное сравнение? Не с иными, очевидно, как только с теми, которые просияли в подвиге и святости жизни, и с теми, которые мужественно и с готовностью вынесли гонения за Христа и опасности, и стяжали бессмертную славу и радование: из которых — одних подвижничеством, других же — мученическим борением, во всем же всех превосходя, он единственный по имени своему³⁰ и несет знамя победителя.

10. Кончина его.

Я бы желал и дальше растянуть слово и дольше пребыть в этих насладительных повествованиях, но чтобы не показаться назойливым, выходя за меру должного, я остановлюсь, только немного еще прибавив, именно то, что при своем последнем издыхании любомудрствовал преподобный. Так, когда пришло время ему отдать свой долг, которого никто из раз пришедших на свет избежать не может, и некая смертельная болезнь поразила его тело, тогда он, пригласив в келию, где он лежал, всех бывших под ним, подвизавшихся в постничестве монахов. "Вот, — сказал им — о, чада, уже я ухожу из этой жизни ко Господу, и рабствую естеству плоти до

самого разрешения с ней. Прошу же вас и молю не ослабеть в вашем подвиге и в этой прекрасной борьбе, и не презреть хранение Божиих заповедей и отеческих преданий, но — во всей полноте предать себя аскетическим подвигам, избрав одного из вас себе в настоятели, которому и длительный опыт и более совершенный образ жизни послужат порукой (в том, что он будет хорошим игуменом), дабы, руководимые его советами, вы и в будущем пребывали непорочными и сохранились неущербленными и неплененными от ловушек супостата". Этими добрыми советами оберегая их даже и после своей кончины, он предал дух в руки Создателя, и как жил преподобно, так преподобно и умер.

Но, о Божественная и священная Главо, прими от нас это слово, по достоинству скудное, но не скудное в чувстве любви к тебе, и с высоты небес назирай нас — твоих почитателей и твою паству; и когда мы оставим эту жизнь, представь нас Пречистой Троице, во Отце и Сыне и Святом Духе поклоняемой, озаряемых светом единого Божества и познающих Ее по мере нашего очищения. Ибо Ей подобает всякая слава, честь и поклонение в последующие и нескончаемые века. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ориг.: "Братся восхвалять жития".
2. Ориг.: "по неведению".
3. "С тех пор, как он жил" — вставлено нами.
4. Лк. 12, 3.
5. Лк. 9, 12.
6. Пс. 131, 4.
7. Лев Исавр царствовал с 717 по 741 год.
8. Константин Копроним царствовал с 741 по 775 год.
9. Т.е. — дьяволу.
10. Пс. 72, 8—9.
11. Феофан говорит подобное: "Всякий вид мучения он выдумывал для держащихся благочестия".
12. Т.е. — Византия.
13. Церковь наслаждалась покоем в течение 38 лет.
14. Лев V Армянин взшел на престол в 813 г.
15. В византийской армии тех времен был силен дух иконоборцев. Лев Армянин в борьбе с мощным болгарским вождем Крумом, подошедшим к самому Константинополю, учел это и для привлечения к себе симпатии армии начал преследовать иконопочитание и преследовать почитателей святых икон.

16. Т.е. при помощи иконоборцев.
17. Этого иконоборца, носящего имя "Лев", православные исповедники сравнивали с звериным нравом льва.
18. Алипт — умашатель, учитель гимнастики, натиравший маслом тела своих учеников перед вступлением их в борьбу.
19. Bas. M. De Spiritu Sancto. Migne. P. 1-g. t. 32 col. 149 C.
20. Как объясняет издатель рукописи, это были льстецы, которые старались угодить императору, чтобы получить от него милости.
21. Возможный вариант: "Воспылав гневом".
22. Лев Армянин был убит в Святой Софии на Рождество Христово в 820 г.
23. Слова взяты из Демосфена (Филипп. I).
24. Стадий был равен 187,97 метра.
25. Ориг.: "Земля скрыла плод в своих недрах".
26. Мы перевели текст по справедливо предложенной издателем перестановке слов во фразе.
27. Рим. 12, 8.
28. 3 Цар. 17. "По Божию велению" — вставлено нами.
29. Быт. 41.
30. "Никифор" означает "победоносец".

IV

НОВОМУЧЕНИК СТЕФАН.

"Дивен Бог во Святых Своих!" Дивен Бог во святых своих мучениках, которые своим мученическим подвигом свидетельствовали об истинности христианской веры! Ниже мне хочется поведать об одном новом мученике, юноше Стефане, из Сремского села Кузмин, в Югославии.

Я был священником в том селе, где новомученик Стефан принял страдание за Христа, поэтому мне невольно приходится упомянуть и о себе, т.е. каким образом я узнал о нем.

Дело происходило в коммунистической Югославии в 1949 году. В те времена сербская Православная Церковь переживала большое гонение со стороны коммунистического правительства. Это гонение не так остро ощущалось в больших городах, но в деревнях, проводимое местными полицейскими властями, оно выливалось в подлинное гонение и требовало мученического подвига от стоятелей за Истину Христова учения. Таким святым стоятелем был и юноша Стефан, о подвиге которого я хочу рассказать. В 1949 г. мне было предписано Святейшим Патриархом Викентием окормлять один из

приходов в области Срема, село Кузмин: это было большое село, 6 000 населения, наполовину православного, наполовину католического. Приезжая туда, я повсюду встречал знаки уважения, как от православной паствы, так и от католиков: люди снимали шапки, и если сидели — приподнимались, приветствуя меня и говоря сербское приветствие священнику: "Целую вам руку". Местные школьные власти предложили мне преподавательское место в местной гимназии. Зато в местных полицейских властях — в управлении сельской милиции, где я должен был зарегистрироваться — я почувствовал зловещую враждебность. Однако, видя доброе расположение к себе местных жителей и школьных властей, я имел надежду на успешное развитие моей приходской деятельности в этом селе. Но мои ожидания потерпели крах в первое же воскресенье по моему приезду. В огромном храме, созданном еще во времена австрийских императоров, кроме меня — служащего — и церковного сторожа — поющего на клиросе — в церкви не было никого! Было страшно! Произносить благословения, читать Евангелие, выносить Святую Чашу — для несуществующей паствы! А ведь за стенами великолепного и, увы, пустого храма был весь мой приход в более чем 3 000 человек. Что же могло случиться? Я стал наводить справки и тогда узнал историю мученического подвига юноши Стефана. Незадолго до моего приезда в село Кузмин, этот благочестивый юноша стал собирать местную молодежь и вместе с нею стал изучать церковные песнопения: постепенно создался прекрасный церковный хор из местных юношей и девушек. Храм наполнялся молящимися каждое воскресенье и каждый праздник. Жизнь села освятилась, и в вечных буднях жизни под коммунистами наступило что-то новое, жизнотворное, глубоко-разумное.

Но продолжалось это недолго. Юноша Стефан был арестован местными полицейскими властями и жестоко избит ими. Ему было запрещено продолжать свою работу с молодежью. Но он, не утратившись угроз насильников, ответил им словами Священного Писания, как некогда святые апостолы Петр и Иоанн ответили иудейским властям, запрещавшим им проповедовать возлюбленное имя Господа Иисуса Христа. Они, как ныне и юноша Стефан, ответили им: "Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?!" (Деян. 4, 19). Ему на это ответили в милиции: "Вот ты увидишь у нас!" Юноша Стефан продолжал свою работу в церкви, и хор, управляемый им, возносил священные песнопения, подражая ангелам, воспевающим непрестанные восхваления Бога. Но скоро время пришло и самому Стефану перейти в мир ангелов для воспевания

вечного гимна Богу и Творцу в невечернем дне Царства Небесного. Он опять был схвачен, в ночной час, и отведен в управление милиции. Через несколько дней после его ареста, его мать получила извещение прийти в помещение милиции, чтобы взять тело сына. По официальной версии, данной милицией, Стефан повесился в тюрьме. Но, по свидетельству священника, хоронившего его, возвестившего мне об этом перед Престолом, на шее Стефана было видно отверстие от пули: он был убит милицией в тюрьме. Цветок своей только что расцветшей жизни он принес к Кресту Христову и вся жизнь его была, есть и будет во веки — Христос. Плакала ли мать над гробом своего молодого и прекрасного сына, замученного и убитого? — Конечно, плакала и возносила свой горестный глас к небу и земле. Но вместе с тем и радовалась — радовалась той глубокой, духовной и сверхъестественной радостью, подаваемой ангельским утешением, — имея сына мучеником за имя Христово, Небесным Предстателем о ней. Потеряв сына, она приобрела мученика Христова. . . С ней скорбело и все население села, и православные и иноверцы. При жизни он был один из многих, теперь он стал на все века единственным. Зная об его насильственной смерти, жители села стали бояться приходить во храм, опасаясь преследований. Но мученический подвиг не умер, да и не может умереть: он сохранился в памяти населения, и о нем мне поведала одна из девушек этого села, которая сама была участницей хора, некогда составленного юношей Стефаном. Мне случилось быть в ее доме со святой водой, но в церковь она боялась ходить. Храм был пустой и печальный. Случилось мне крестить ребенка: ребенок ни одного раза не подал голоса, точно был неживой. Случилось мне венчать: молодые набожно крестились, внимая словам молитв, возносимых о них к Богу священником. Но они ни разу не улыбнулись, хотя этот день должен был быть их радостным днем. Я ни разу не слышал, чтобы в этом селе кто-нибудь запел песню или засмеялся. Скорбь, не угрюмость или мрачность, а именно — скорбь проникла во все. "Исчезла вся радость земли", как говорил некогда св. пророк Исаия (Ис. 24, 4).

Придет ли тот день, когда радость снова вернется в места печали? Когда храм в Кузмине наполнится людьми? когда с любовью вспомнят своего мученика, юношу Стефана, и церковно, всенародно прославят его? Или же, наоборот, великое море печали наводнит печалью весь мир и всякую душу, и радость, радость особая, тончайшая и неслезанная, будет в сердцах только тех людей, которые будут готовы за исповедание имени Христа положить свою душу?

СОВРЕМЕННЫЕ ЕГИПЕТСКИЕ ИСПОВЕДНИКИ

Со времени обращения к Христу Египет удивил весь мир пламенностью веры, исполненной крайнего самоотречения во имя распятого и воскресшего Господа. Этот самоотказ и самопожертвование проявлялись в мирные для Церкви времена уходом из мира тысяч мужей и жен, превративших страну в рассадник мирового монашества. Естественно поэтому, что при наступлении гонений горячая вера египетских христиан находила себе выход во всецелом самопожертвовании и самопожрениии. Насколько обильна была такая жертва, можно судить из того, что легосчисление Коптской Церкви ведется от "года мучеников" (Anno Martiri), 284 г., т. е. от года воцарения императора Диоклетиана, самого жестокого гонителя в истории раннего христианства. В Египте в его царствование пролилось больше христианской крови, чем во всей империи вместе взятой, — свидетельствует один из отцов Церкви, современник эпохи Диоклетиана: "Если положить мучеников всего света на одну чашу весов, а мучеников Египта на другую, то вторая перетянет первую". По подсчетам Коптской Церкви, приговоры Диоклетиана против христиан, приведенные в исполнение, исчисляются 800 000.

По сложившимся историческим условиям (а лучше сказать, по особому Божиему избранничеству) исповедничество и мученичество в Египте никогда не прерывалось на продолжительный срок, не давая, таким образом, угаснуть пламени живой веры, как бы ни умалялось число его носителей. При этом замечательно то, что носителями пламени христианской веры становились его гонители или обращенцы из чуждой христианству религии, какой было язычество, а затем ислам.

Здесь мне хотелось бы рассказать о некоторых современных исповедниках, которых пришлось лично знать или слышать о них от свидетелей их жизни.

Исповедники Малик и Ибрагим

Малик родился и получил воспитание в традиционно-исламской культурной семье. Отец его — ученый-исламист, шейх, священник высокого ранга, попечитель и инспектор учебных заведений округа по исламоведению, ревностный член "Мусульманского братства" —

короче говоря, лицо очень видное и почитаемое в мусульманской стране, один из "князей" ее церкви. И вот на почтенного профессора ислама и все правоверное родство обрушился несмыслимый позор: один из сыновей уверовал в Распятого как в Бога.

Случилось это после того, как Малик где-то среди христиан, которых в Египте немало, услышал евангельскую историю о прощенной блуднице (Иоан. 8: 3—11). Милосердие суда Христова и Его слова "кто из вас без греха, первый брось на нее камень" (Иоан. 8: 7) поразили его до глубины сердца, и все вокруг получило иную оценку в свете этих слов. Малик решил разыскать этот эпизод в Коране (ведь не может быть того, чтобы такой важный случай не был упомянут в священной книге!), чтобы при чтении лучше вникнуть в смысл слов Христа, а может быть, бессознательно ища какого-то откровения. Но сколько он ни перелистывал Коран, сколько ни расспрашивал исламистов — найти евангельский рассказ он не мог. Настойчивые поиски привели его, естественно, к христианам, к Библии, и завершились пламенным обращением к Христу и желанием креститься. Это было в 1974 году.

Но крестить в Египте, где обращение запрещено, сына известного исламоведа было трудно и опасно не только для христиан, но и для самого Малика, поэтому под благовидным предлогом (изучения наук) и с негласной рекомендацией от христиан он отправился в Ливан. Целью его было не только крещение, но также тщательное изучение Св. Писания и богословия в качестве подготовки к священству.

Он полюбил Христа настолько глубоко и лично, что желал сделаться монахом, но это было невозможно, потому что, по патриархальной традиции, его женили в ранней юности и теперь на его попечении находилась жена. Он также почувствовал долг перед своими бывшими единоверцами, свою христианскую ответственность за их спасение и по любви к ним пожелал отдать себя миссионерской деятельности.

Был он еще очень молод и чист душой. После таинства крещения, охваченный божественной любовью ко всему миру, он в восторженных и трогательных выражениях писал своим родным и жене о своем счастье быть христианином, о духовном перерождении, о любви к Богу, доходящей до желания умереть за Него, и о любви к ним: "Я всегда любил всех и каждого из вас. Но теперь моя любовь к вам — при том, что я всецело, без остатка, отдался любви к Иисусу Христу — стала еще глубже, еще чище, еще нежнее. Не могу выразить, как я люблю вас. Не могу выразить своего счастья. Разделите мою радость из любви ко мне!"

Наивный, чистый юноша! Ответом семьи был подсланный убийца, тяжелое ранение и долгое выздоравливание в госпитале. Господь его сохранил, а ливанские христиане, как только он поправился, решили отправить его потихоньку в христианскую страну. В Ливане оставаться Малику было опасно, там за ним охотились день и ночь. Выправили ему фальшивые документы и отправили в Грецию. Там он нанялся на какую-то низкооплачиваемую непрофессиональную работу в порту и одновременно продолжал изучать богословие, не оставляя желания миссионерствовать среди мусульман, когда Господь укажет.

Однажды пришлось ему по делу службы проплывать на судне через Суэцкий канал. При проверке документов его опознали (очевидно, следили за ним) и арестовали. Старший его брат — видный чин в армии — решил, что армия перевоспитает Малика, выбьет из него "христианскую дурь". И Малика призвали к воинской службе. Там из него выбивали "дурь" под предлогами и без предлогов. Выбивали буквально. Наконец, по какой-то придирке его арестовали — и начались пытки "в законном порядке". Избиения до полусмерти, издевательства, сидение в "боксе", глумления. Раз подвесили его за ногу к потолку на целые сутки. Наконец бросили его, с открытыми, нелечеными ранами, в темную камеру.

В камере оказался еще один арестант, мусульманин Ибрагим, за какую-то воинскую провинность подвергшийся наказанию и теперь тяжело мучившийся от ран, не получая медицинской помощи. Оказавшись вдвоем, узники, естественно, стали расспрашивать друг друга, кто за что сел. Малик рассказал Ибрагиму о себе, о своем обращении, и, как влюбленный в Христа, много говорил о Нем, как о живой Личности. Впечатление на простосердечного слушателя было настолько сильно, что он выразил это полным искренности желанием: "Как бы мне хотелось быть таким, как Христос! Я хочу быть таким, как Он!". Пришлось ему объяснить, что Христос есть сам воплотившийся Бог, и многое другое о христианской вере в искупление. Результатом таких бесед было желание Ибрагима креститься. Но откуда и как призвать священника? "Крести меня ты, Малик. Я хочу умереть христианином. Я верую в Иисуса Христа. Ты видишь, что я умираю, и грех падет на тебя, если не крестишь меня и я умру не христианином".

В отчаянных ситуациях человеческое духовное чутье крайне обостряется и становится податливым действию Духа; человек становится решительнее в принятии ответственности на себя. Так случилось и с Маликом. Не видя нормального выхода из создавшегося положения,

видя перед собой умирающего брата и со-узника, обращенного им же самим, он, действуя по внушению свыше, погрузил палец в одну из своих ран и своей освященной крещением кровью начертал крест на лбу Ибрагима, сопровождая таинство молитвой к Богу, чтобы Он принял это действие как таинство и Сам совершил его. Полились и другие горячие молитвы о разрешении грехов, о даровании вечного спасения, о благодати Св. Духа, об утешении и принятии веры Ибрагима.

Ибрагим вскоре скончался от ран, но перед смертью взял с Малика обещание, что если тот останется жив и выйдет на свободу, то возьмет на себя попечение о его вдове и трех малолетних детях, для которых Ибрагим был единственной опорой.

Малик выжил и даже вышел на волю, после того как чиновный брат и другие родственники убедились, что "христианскую дурь" армией из него не выбьешь. На "воле" его ожидала нищета и тщетные поиски заработка: в работе ему всюду отказано из-за отступничества, всюду встречают с ненавистью и презрением. Кое-как перебивается случайным заработком. А на руках оказалось две семьи: ибрагимова и своя, состоящая из больной жены (диабет) и сына (в настоящее время мальчику семь лет).

Положение жены тоже отчаянное: родня ее не принимает из-за мужа-отступника, средств к существованию почти нет, а работать не может по болезни. Да еще недавно случилось вот что. Вышла Бусайна (жена) из дому и увидела неподалеку какой-то странный пакет. В пакете оказалась девочка всего лишь полутора дней от рождения, очевидно, подброшенная нищей матерью. В растерянности Бусайна не знала, что ей делать с ребенком; потом решила отнести его в полицию в надежде, что девочку пристроят в какой-нибудь сиротский дом. Начальник полиции разразился руганью и выплил все свое раздражение по поводу подкидьшей и нехватки мест в приютах на неповинную женщину. Наконец, несколько остыв, он спросил ее, не хочет ли она взять девочку себе. "А, пожалуй, я бы ее и взяла себе", сказала, в размышлении глядя на девочку, Бусайна. "Ну так бери ее и иди домой!". Так просто, без излишних формальностей, маленькая Басинт попала в семью исповедника. На попечении безработного Малика оказался еще один рот, появилась еще одна забота и у него и у жены, но он даже рад за жену, потому что забота о девочке отвлекает ее от волнений за сына Шади. И вот по какой причине.

Очевидно, у Малика с женой в присутствии сына ведутся разговоры о христианстве; очевидно, жена относится к вере мужа очень

сочувственно и сама бы исповедала себя христианкой, если бы не страх за сына. Она бы и в монастырь отпустила Малика. Пока же, чтобы родственники не причинили вреда сыну, она и ребенок официально заявляют себя мусульманами. Но вот, в школе, где учится Шади, на одном уроке стали с насмешкой говорить о Христе и христианстве. Мальчик не умолчал и заявил перед всеми, что любит Христа и верует в Него, что он христианин. После этого мать вызывали в школу и городское управление, допытываясь и укоряя ее за то, что официально она заявляет одно, а ребенок говорит другое.

По-видимому, уверения матери, что она и сын пребывают в исламе, не вызвали доверия ни у властей, ни у родственников, потому что вскоре после этого случая была сделана попытка похитить Шади из школы и увести неизвестно куда, неизвестно зачем: из боязни ли, что он вырастет христианином, или просто, чтобы отомстить Малику? Бедная мать совсем потеряла покой после этого случая, и только заботы о Басинт несколько отвлекают ее.

Я видела Малика в январе и беседовала с ним в Каире, куда он приехал из Александрии, чтобы выхлопотать визу в Грецию, где надеется найти работу. Ему лет 30 с небольшим. Умное, благородное лицо с выражением особой христианской мягкости. . . и глубокой печали (это было дня через два после неудавшейся попытки похищения его сына и во время административной волокиты по оформлению документов). Его свидетельство о Христе будет продолжаться, но уже в силе и радости Духа.

Мне рассказали друзья-копты в Каире еще об одном обращенном мусульманине, их знакомом. Этот человек тоже подвергся разного рода гонениям и истязаниям за отступничество от ислама, не говоря уже о потере профессиональной работы и отвержении от общества. Несколько раз был ранен, но выжил и продолжает безбоязненно свидетельствовать о Христе словом и подвигом жизни среди мусульман. Влиятельные и состоятельные христиане из коптов предлагали ему для безопасности его самого и семьи переехать в другую страну или хотя бы принять от них материальную помощь. Но этот христианин от всего отказывается. "Какая же мне слава и честь от Христа, если я убегу от испытаний? Христос за меня душу положил, и я хочу положить свою за Него. Какой может быть венец и награда в будущем веке, которого я желаю, если я не претерплю нищеты, если мне станут помогать? Нет, я люблю Иисуса, а потому хочу все принять ради Него добровольно".

Слово этого человека имеет большое влияние на мусульман, а для христиан он служит образцом веры.

Школьник Марк

Двенадцатилетнего Марка я встретила в монастыре Св. Макария, где он проводил каникулы, и от отцов слышала следующий эпизод из его жизни, когда ему было 9 лет.

В его классе был мальчишка-переросток из мусульман (как и большинство детей), страшный забияка и драчун. А Марк — очень благочестивый мальчик, как и вся его семья. Отец его — врач, был заведующим хирургическим отделением в большом госпитале, но оставил добровольно и высокий пост, и высокий заработок и перешел на должность простого врача, когда по зависти коллеги-мусульмане начали притеснять его как христианина. Во время этих неприятностей он приехал в монастырь Св. Макария, чтобы посоветоваться со старцем, о. Маттой Эль-Мескином. О. Матта посоветовал ему уступить место ради сохранения душевного мира, без которого невозможно быть христианином. Отец Марка совет принял, и взамен положения и высокого заработка получил от Господа дар такого мира и постоянного радования духа, что удивил всех коллег, которые в свою очередь стали просить его открыть им секрет этой радости и свезти их к старцу.

Так вот, однажды мальчишка-мусульманин пристал к Марку с насмешками по поводу христианской веры и евангелия.

— А что, правда, что в вашем евангелии ваш Христос учит подставлять левую щеку, если ударят в правую, вместо того, чтобы дать сдачи?

— Да, правда.

— Ну, а если я тебя сейчас ударю, подставишь ли ты другую щеку?

— Я исполню заповедь Христа, но Бог тебя накажет за обиду.

— Ну так получай же! — Мальчишка закатил Марку оплеуху. Марк молча повернул к нему другую щеку. Раздалась вторая оплеуха, еще звонче первой, и озорник с издевательскими насмешками ускакал к другим детям. Марк жаловаться не стал, хотя переживал боль и обиду, молча засел за книги, положившись на Господа. Не прошло и часа, как хулиган еще кого-то обидел, кого-то побил, и те на него пожаловались. У классного руководителя, видимо, истощилось терпение. Темперамент у египтян горячий, наведение порядка до сих пор ведется патриархальным методом — рукоприкладством. На озорника посыпался такой град увесистых оплеух и затрещин, что их хватило бы на весь класс на целый год. Когда все успокоилось и пошло обычным чередом, на перемене Марк подошел к своему обидчику и спокойно сказал ему: "Вот теперь ты сам увидел, что евангелие говорит правду и что Бог поругаем не бывает".

Из моих египетских встреч — как с христианами, так и с мусульманами — я вынесла впечатление, что в религиозном отношении положение там чем-то напоминает первые века становления христианства. В свете виденного и слышанного становится понятной нелогика преследования отдельных христиан, как бы по выбору, при сравнительной терпимости к другим христианам, которая часто встречается в житийной литературе. Например, иных исповедников сурово преследуют и убивают в то время, как открыто существуют христианские церкви и группы христиан сопровождают Божия избранника к месту его мучений.

В Египте законно существует Коптская Церковь* и есть много других христианских исповеданий. Многие мусульмане широко относятся к христианам, и мне даже пришлось присутствовать на заседании "Религиозного братства", состоящего из мусульман и христиан различных толков, целью которого является религиозный диалог для подыскания общего языка. А с другой стороны — история Малика и многих других, обращение и горячее исповедание которых подрывало семейный и религиозный престиж господствующей веры. Замечательно, однако, то, что несмотря на жестокую расправу за отступничество, в самый разгар возрождения ислама в мире, дети его становятся детьми (и какими детьми!) церкви Христа.

Апрель 1983 г.

* Однако незадолго перед смертью Садат уволил возглавителя Коптской Церкви папу Шенуду II, а Мубарак в апреле 1983 г. подтвердил это увольнение и потребовал от Церкви, чтобы она избрала нового возглавителя. Одна из причин увольнения — успешное миссионерство среди мусульман. — Прим. Ред.

CENTRE CULTUREL ET SPIRITUEL
DU MOULIN DE SENLIS
à MONTGERON (91)

***

PROGRAMME POUR LE SECOND SEMESTRE 1983

1. Offices monastiques et conférences du P. Placide Deseille

Ces réunions auront lieu selon l'horaire suivant (rens. 575-55-13) :
samedi 17h30: **Vigiles** suivies d'un repas en commun vers 21h.
dimanche 10h30 : **Divine liturgie**, repas en commun à 12h30.

Conférence à 14h30 :
INITIATION A LA VIE SPIRITUELLE

- 15 et 16 octobre
- 5 et 6 novembre
- 10 et 11 décembre

2. Autres manifestations :

Retenez les dates suivantes : 22, 23, 24 juin 1984
Colloque international : P. Serge BOULGAKOV.

Супруги де Бособр (20-е годы)
картина Л. Бруни

Констанца БАБИНГТОН СМИТ

Ю. ДЕ БОСОБР И ТВОРЧЕСКОЕ СТРАДАНИЕ.*

Доклад, прочитанный 3-го авг. 1982 г. на годовом собрании
Содружества свв. Сергия и Албана.

Судя по фамилии, можно предположить, что Юлия Михайловна де Бособр была француженкой, однако, это не так; она урожденная Казарина, а де Бособр фамилия ее первого мужа, предки которого происходили от беженцев гугенотов.

Вероятно, некоторым известны ее книги "Женщина, которая не могла умереть" (ее переживания в советских тюрьмах и лагере) и "Пламя в снегу" (Житие св. Серафима Саровского). Те, кто их читал, знают, что она была проникновенным и блестящим истолкователем православной духовности.

Я счастлива, что мне была дана возможность быть близко знакомой с ней лет 25 (когда она была лэди Немир, по своему второму мужу, известному историку Льюису Немиру) и присутствовать при ее кончине.

Т. к. темой нашего собрания является мученичество, то в настоящем докладе я остановлюсь на отношении Ю. М. к страданию, в частности к тому, что она называла творческим страданием. Таково было заглавие одной из ее статей, исключительно ценной тем, что в ней изложено отношение к страданию, которое автор считает характерным для русских и для православных.

Но чтобы понять ход мышления Ю. М., следует хотя бы вкратце ознакомиться с ее жизнью. Она родилась в Петербурге в 1893 г., родители ее были, по ее собственному выражению, "высокопоставленными праздными богачами". Красавица-мать принадлежала к семье московских меценатов Рябушинских, отец владел крупными приволжскими поместьями. Юлия была прелестным ребенком, живым и шаловливым, но хрупкого здоровья, вследствие чего она несколько раз была близка к смерти. В детстве преобладающее влияние на нее имела бонна англичанка, известная в семье под именем "Пусси"; она ходила также за сестрой и братом Юлии, и дети к ней были очень

* Книга К. Бабингтон Смит "Ю. де Бособр. Русская христианка на западе" вышла этой весной в издательстве Дартон, Лонгман, Тод.

привязаны. Юлия училась в одной из лучших столичных гимназий, где, наряду с гуманитарными, преподавались точные науки. Она проявляла особые способности к математике. Ежедневно были уроки Закона Божия, их вел священник. В семье Казариных, однако, отношение к вере сводилось к формальному соблюдению обрядов и обычаев.

В юности у Юлии загорелся былю порыв веры и она упростила мать отпустить ее с одной из прислуг, очень набожной, ездившей всегда в Великий Пост говеть в Троице-Сергиеву Лавру. К несчастью, это окончилось травмой: исповедовавший Юлию священник оказался человеком, недостойным своего сана; он задал ей вопросы, которые по своей невинности она даже не поняла, но почувствовала их двусмысленную нечистоту. Это ее потрясло и надолго отпугнуло от "церковности". Поскольку нам известно, до конца юности она оставалась православной лишь формально.

В то же время она начала искать духовную пищу в иного рода источниках: она всегда жадно читала, что привело ее к увлечению т. наз. "религиозным символизмом", во главе которого стоял поэт и философ Вячеслав Иванов. Спустя долгие годы, вспоминая молодость, она сказала, что Вячеслав Иванов был крупной созидающей силой в ее жизни и открыл ей мир поэзии, философии и религии.

По окончании гимназии Ю. М. вступила в жизнь своих родителей и 17-ти лет появилась в петербургском светском обществе — красивая, стройная блондинка с изящной фигурой, одетая с парижской элегантностью. В 1914 г., подобно всем барышням ее круга, она сделалась сестрой милосердия и работала в госпитале для раненых. Это время было для нее чрезвычайно тяжелым: ее мать скончалась, и на нее легла вся ответственность за душевнобольного отца, которого, в конце концов, пришлось поместить в дом для умалишенных, где он и скончался. Именно тогда появился в ее жизни Николай Александрович де Бособр и между ними с первого взгляда вспыхнула взаимная любовь. Н. А. был блестящим молодым дипломатом и приехал из Лондона в Петербург проводить свой отпуск. Сердечная доброта сочеталась в нем с отчаянной храбростью и страстной преданностью родине. Мальчиком его влекла церковь, позже, подобно Ю. М., пережив разочарование, он отошел от нее. В противоположность Ю. М., мистическое начало в нем отсутствовало и он сделался радостным жизнелюбцем. Они повенчались в феврале 1917 г., после чего Н. А. должен был вернуться в Лондон. Там их застала октябрьская революция. Она ужаснула их, но Н. А. настоял на необходимости возможно скорее вернуться в Россию. Путешествие через Норвегию

было длительное и трудное, вдобавок Ю. М. была беременна и серьезно больна. Когда, наконец, в ноябре 1918 г. они приехали в Петроград, то нашли город в неописуемом хаосе. Предполагая — как оказалось ложно, — что положение с продовольствием на юге менее безнадежно, они двинулись в Крым. Там, после кошмарного путешествия, в Гурзуфе, в условиях нищенского убожества, родился их сын. Ю. М. была к этому времени истощена голодом и мучилась своею неспособностью кормить младенца, доставать же молоко для него было почти невозможно, и в четырехмесячном возрасте он скончался от голода. Н. А. свалил сильный припадок сыпного тифа, и он тоже был на краю смерти, но благодаря инициативе Ю. М., пока он еще лежал в бреду, им удалось перебраться в Турцию, а оттуда, после длительного ожидания, в Париж и Лондон.

Некоторое время Н. А. работал в Совторге. Он ненавидел большевиков, но считал своим долгом служить России хотя бы под ними. В 1924 г. он пришел к заключению, что в Москве его деятельность могла бы быть более полезной, и, оставив Ю. М. в Лондоне, он поехал выяснять положение. Вскоре, однако, он написал, что ему не разрешают вернуться к ней; он убеждал ее развестись с ним и остаться в безопасности в эмиграции. В этот решительный момент Ю. М. не поколебалась в своей преданности мужу и вернулась в Россию, чтобы быть с ним вместе.

Последующие восемь лет (за исключением одного периода ссылки в Самарканд и Ташкент) они жили в Москве в коммунальной квартире, пользуясь общей кухней с враждебно настроенными против них семьями сожителей. Н. А. одно время служил в Госбанке. Они были под неустанным наблюдением ГПУ, и его то арестовывали и сажали в тюрьму, то выпускали. Здоровье Ю. М. не разрешало ей работать в учреждениях, и она занималась переводами и давала уроки иностранных языков на дому.

В Москве в 20-х годах де Бособры сблизилась с многими выдающимися художниками, поэтами, писателями. Вместе с ними они провели летние месяцы в Оптиной Пустыни, монастыре великих старцев Макария и Амвросия. После революции монахи были изгнаны и главные здания превращены в музей, тогда как в других сдавались помещения для дачников. Но хотя старцев уже не было, вся обстановка была пронизана духом монашества. Некоторое время после своего пребывания в Оптиной Ю. М. испытала переживание, коренным образом изменившее ее жизнь: ей было открыто, что ей предстоит страдания, каких она до тех пор себе не представляла. Произошло это во время очередного пребывания Н. А. в тюрьме. Ни встречи, ни переписка

не разрешались, но он мог получать еженедельную передачу, состоявшую из небольшого количества еды, а каждые 2 недели из чистого белья, взамен его ношенного. Однажды, когда Ю. М. собиралась идти с передачей, ее внутреннее напряжение достигло предела — все в ней восстало, возмутилось: "Какой смысл в этом дурацком мучении? к чему оно?". Как бы в ответ на ее полный отчаяния вопрос, она внезапно ощутила сильный удар пониже затылка, бросивший ее вперед, едва не свалив с ног. Пока она выпрямлялась, произнесенные слова "Другого" прозвучали в ней: "Конечно, нет в этом никакого смысла ни для кого из вас, оно ведет лишь к калечению душ и терзанию тела. Но Я буду присутствовать при каждом истязании, жарким сочувствием буду познавать весь ужас намеренного уничтожения тебя твоими же соотечественниками; буду нести с тобой всю тяжесть твоего бремени, но с большим пониманием происходящего, нежели доступно тебе. Такова воля Моя, неизбежная вследствие Моего воплощения и твоего крещения; но лишь с твоего согласия". Это предложение, обусловленное свободным согласием, вызвало в ней мгновенную внутреннюю перестановку, и много позже она осознала, что одновременные вопрос и ответ сделали для нее из преходящего мгновения ее "первый день". "По мере моего продвижения", писала она, "поддерживающее меня присутствие стало непосредственно за моими плечами, и я знала, что никогда не должна обращаться назад. Моим заданием сделалось принимать каждый наступающий момент, что бы он ни нес".

Через несколько лет, в 1932 г., Н. А. опять был арестован, а через месяц после него ГПУ забрало и Ю. М. Ее обвиняли в "причастности к заговору Н. де Бособра и других советских граждан" и в намерении совершить "измену Родине". Началось для нее пребывание в московской Лубянке, а затем в лагере, — 2 года непосредственного соприкосновения со злом, которые она описала в "Женщине, которая не могла умереть".

На Лубянке ее сначала поместили в общую камеру, голую и вонючую; ее намеренно подвергали душевным истязаниям и нравственной муке. Страшнее всего для нее была полная неизвестность относительно судьбы мужа. Ежедневно ее вызывали на дьявольски изощренные допросы, где притворная заботливость чередовалась с неистово жестоким выпытыванием — цель допросов была сломить ее сопротивление и вынудить ее назвать имена друзей и знакомых Н. А.

Как она смогла пережить это не колеблясь? В ней жило Божье обещание: "Я буду присутствовать при каждом истязании. . . буду

нести с тобой всю тяжесть твоего бремени". Оно не уничтожало страданий, но в моменты кризиса, в ответ на внутренний вопль ее раненного существа, поток невыразимого чувства мира и силы вливался в нее. В течение всего заключения благодать приносила ей новое понимание смысла молитвы за других; ей дарована была способность глубоко молиться за ее врагов — за тюремщиков, за допрашивающих ее, и даже за еще более страшных людей, стоявших во главе ГПУ.

В конце концов, допрашивающие ее сдались, им не удалось загнать ее в ловушку. Она считала, что ее расстреляют, но, вместо того, ее приговорили к более медленной гибели в виде пяти лет трудового лагеря. С толпой других заключенных ее отправили в огромный лесной лагерь Темники, в леса, где когда-то жил и молился св. Серафим Саровский. Она вынесла там год мучений из-за жестокости лагерщиков, лютых морозов, смертельной болезни. Ее выпустили, вернее выбросили, оттого, что она была сломлена физически и считалась ни на что не пригодной. Казалось бы, что теперь она была свободна, но по существу это был новый смертный приговор: она стала лишенкой, т. е. не имела ни паспорта, ни права на работу, ни права на жительство и осуждена была слоняться с места на место, покуда не сгинет. Она во что бы то ни стало хотела отыскать мужа и умудрилась добраться до Москвы, чтобы попытаться узнать, где он. Однако, было уже поздно: ей ответили, что он был расстрелян несколько месяцев назад. Пустота величайшего и безнадежного горя поглотила ее. Не будь у нее веры, она либо сошла с ума, либо покончила с собой.

Совсем случайно она узнала, что заграничные знакомые могли бы выкупить ее — Советы разрешали подобные выкупы людей, под названием расходов на поездку, для получения заграничной валюты. Окружными путями удалось послать призыв о помощи в Англию ее бывшей бонне Пусси, и та сразу же ревностно принялась набирать нужную сумму. Весной 1934 г. Ю. М. приехала в Англию: бледная, истощенная и дрожащая беженка во вдовьем трауре.

Здесь она поняла, что долг ее рассказать западу о настоящей жизни в СССР, высказаться за тех, кто сам не может за себя говорить. Подружившаяся с ней молодая англичанка предоставила ей возможность сделать это, написать ее книгу "Женщина, которая не могла умереть", опубликованную в 1938 г.

Это было одним из самых ранних описаний концлагерей при большевистском режиме. Книга вызвала очень большой общий интерес, в частности, среди членов англиканской церкви, которых увлекало православие; некоторые из них сделали друзьями Ю. М.

Ее пригласили в Линкольнский Богословский Колледж прочесть доклад на тему о страдании, и этот доклад был позже напечатан в виде отдельной статьи под названием "Творческое страдание". В ней она живо противопоставляет западное отношение к страданию русскому. По ее мнению, на западе страдание приравнивают к физической боли и перенесению тяжелых жизненных лишений; с этим борются, зачастую успешно и похвально, посредством медицины и социально-общественных организаций. Для русского христианина боль и лишения — симптомы. Страданию же принадлежит существенная роль в космической борьбе добра со злом, в чем все мы, обитатели падшего мира, вынуждены принимать участие. Таким образом, то, что можно назвать "светлой" стороной страдания, творческий аспект его, для русского человека представляет собой сознание того, что, хотя бы в малой степени, бесконечно малой, и, несмотря на то, обладающей своей уникальной ценностью, он способен внести свою долю в пользу добра. Ю. М. подчеркивает здесь полное отсутствие мазохизма, уже оттого, что вся направленность страдающего обращена не на себя, а прочь от себя, к совокупности христиан: "Только в духовной связи с церковью может страдание одного слиться со страданием других, превращаясь во вне-личное обогащение, делаясь частью искупительного дела Христа".

Приведу здесь замечание, сделанное Ю. М. много позже. Она мне сказала однажды, что "для англичан специфически характерно отсутствие понимания христианского сопричастия страданиям Христа. В них чрезвычайно сильно развит импульс исправить положение вещей, облегчить страдание; но в случаях, когда ничего исправить нельзя, они просто отворачиваются. Помимо всего прочего, здесь проступает глубоко затаенная боязнь заразы, того, что зло может распространиться".

Полной противоположностью такой западной установке (как она пишет в "Творческом страдании") является русская интуиция, что следует зло не избегать, а соучаствовать в нем путем страдания, понять его через соучастие и, посредством понимания, преобразить.

Для доказательства она приводила примеры из собственного опыта (следует помнить, что она писала "Творческое страдание" в 1940 г.). "Интуиция эта обуславливает господствующее в настоящее время отношение в России ко злу большевизма. Как мне передать необычайную атмосферу в тюрьмах и лагерях, где многочисленные мистически настроенные заключенные испытывают мучения, которыми правители стремятся вытравить всякий след личности у своих жертв, свести их к состоянию неразличимых, гладко работающих

частей громадного механизма государства, предмета их идолопоклонничества.

Разнообразие способов, применяющихся для этой цели, придумано с чрезвычайной изобретательностью, той дьявольской изобретательностью, которая является одной из самых страшных особенностей садистского ума. Таково поистине всеобщее великое страшное и неизбежное страдание всех русских в СССР в настоящее время: всем известно, что рано или поздно каждого заташат в тюрьму, где его подвергнут допросам люди, испытывающие глубокое наслаждение при виде мук своих жертв". Далее она объясняет, как можно справиться с подобным положением: "Когда вы находитесь лицом к лицу с такими допрашивающими, то лишь одним способом можно остановить мучение, причиняемое вашими истязателями, а именно самому сделаться неуязвимым. Достигнуть этого можно двояким образом: один состоит в пассивности и следует пути наименьшего сопротивления, вследствие чего он, в лучшем случае, остается бесплодным; второй путь очень нелегкий, он преимущественно активный и требует интенсивного усилия попытаться сочувственно проникнуть в особенность общего смысла происходящего, постигнуть, поскольку возможно, психику людей, создавших перекрестный допрос, и осознать широту Божьего замысла относительно этого частного происшествия на земле. Это очень и очень трудно. Зато, если оно достигнуто, то вы понимаете, что удостоились принять участие в самом деле искупления. Этот способ борьбы со злом садизма предпосылает, что каждое и всякое проявление уродства может и должно быть искуплено и преобразено, что человек должен принимать участие в совершающемся зле для того, чтобы участвовать в его искуплении".

"При этом имеет решающее значение, принадлежит ли человек, которого мучают, к Церкви или нет. Чрезвычайно важно знать и чувствовать, что, несмотря на все ухищрения мучителей, внутри вас существует и всегда будет существовать нечто, ждущееся на скале, что составляет одновременно часть и вас, и скалы и не может быть выкорчевано. Свойство стойкости будет разного рода в зависимости от того, чувствует ли себя человек жалким беднягой, хотя бы и мужественным, но одиноким и несчастным, или же он сознает себя членом мистического тела Христова".

Такова сущность взглядов Ю. М. на страдание, но это не исчерпывает ее подхода к нему. В более поздние годы своей жизни в Англии она прочла другой доклад, тоже для английских слушателей, в котором она обсуждала этот вопрос с иной точки зрения, а именно евангельской. В Евангелии, говорила она, мы находим двоякого рода

подход к страданию. Одно из них — сострадание со стороны Спасителя, — притча о Самарянине. Наказ Христа, чтобы Его последователи помогали другим, всем, любому, чего бы это им ни стоило. Это отношение принимает за данное, что страдание — зло, с которым следует бороться, не щадя себя. Отличительная черта этого рода страдания та, что оно всегда бывает страданием другого, не своим, и с ним надо бороться без всяких сомнений.

Но в самом центре Евангелия лежит П Р И Я Т И Е Креста. Очевидна разница между этим и первого рода страданием, т. к. здесь оно свое собственное. Человек может *принять* только свой собственный крест.

Принимая свой Крест, Христос знал, — не только как Бог, но и как человек своего времени, — весь ужас и публичный позор, представляемый человеческим телом, пригвожденным к доскам и поднятым вверх на солнцек и ветер; мускулы и нервы подчиняются собственным законам и реагируют соответственно им; на виду у всех, воля бессильна справиться с их сокращением, стягиванием, реакцией. И все-таки подобные унижения и мучения мы должны принимать, и принимать с радостью. Отчего? Повидимому оттого, что посредством их люди могут приблизиться к Богу. Когда это происходит, то крест уже не является больше злом для несущего его, хотя и продолжает оставаться таковым для всех других. Страдание, которое является злом для всех, кроме того, кто его несет, настолько мало понятно, что даже нет слова ни на одном языке, которое его точно определяло бы. Поэтому стоит проследить, насколько давно человеческая психика уже столкнулась с ним. Книга Иова описывает раннюю попытку осознать смысл страдания. В ней разбирается типично "треугольное" положение: страдалец Иов, Бог, допускающий его страдание, и друзья Иова, ничего не понимающие, оттого, что они применяют старый способ мышления к новой ситуации, а именно считают, что страдание — зло, что Бог добр, и следовательно Иов должен быть большим грешником. Однако, сам Иов знает, что это не так, и в своем великом вопле — "Убей Он меня даже, я буду уповать на Него" — он выражает свою новую близость к Богу, показывая этим, насколько далеко он отошел от своих прежних друзей.

Я познакомилась с Ю. М. в 1953 году, и, наряду со всякими другими вопросами, она нередко говорила со мной на тему о страдании. Я часто бывала у нее, и мы беседовали часами, причем я потом записывала эти разговоры. Однажды она сказала, что принятие страданий является отличительной чертой христианства, что часто игнорируют или же противопоставляют ему смутные либеральные идеи. "Это вели-

чайшая тайна, — сказала она, — которую невозможно объяснить посредством философских рассуждений, но важно даже не столько, что Христос родился на земле, сколько Его распятие и победа над смертью".

Тема принятия страданий привела к обсуждению пацифизма. Ю. М. говорила об отношении христианина к войне. "Среди ранних христиан было сильно развито отрицательное отношение к участию в войне, но сам Спаситель не высказывался против нее, даже считался с тем, что войны неизбежны. Война — следствие грехопадения. Явно, что все происходящее может происходить только по воле Божией. Сила иногда *бывает* необходима и не является по существу противохристианской. Кротость, которую Христос проповедовал, это принятие агрессивности опять-таки в отношении лично к себе самому. Он никогда не говорил, что злу не следует сопротивляться".

"Действительно хороший воин почти всегда бывает хорошим человеком, храбрым, добрым, несколько опечаленным. Но в некоторых обстоятельствах, как, например, во время гражданской войны, можно оправдать стремление работать для Красного Креста или нести какую-нибудь иную не боевую обязанность. Так поступил Николай. Хотя чаще пацифисты отстраняются от военных обязанностей, не отдавая себе отчета в том, что война — будь то горячая или холодная — состояние падшего человечества. Их заблуждение в том, что они применяют Нагорную проповедь к группам, а не к индивидуумам, а это нельзя делать, здесь требуются различные мерки. У тебя есть право жертвовать собой, если ты этого хочешь, но нет права жертвовать другими".

Как-то она опять вернулась к теме различного рода страдания. На этот раз она говорила о трех: "Существует страдание других, его христиане всегда должны стремиться сгладить; а кроме того, два вида страданий, ощущаемых самим человеком: то, которое возможно избежать при наличии выбора, и неизбежное, причиняемое людьми и обстоятельствами. Причины первого из них следует, по возможности, устранить, но последнее надо принять, и оно представляет собой страдание, приводящее ближе к Богу. Следует найти особое слово для обозначения его, может быть, "распятие" подходит лучше всего". Затем она добавила: "Имеется "чаша" страдания для жизни каждого человека, предназначенная ему согласно его емкости. Никому не дается больше, чем он способен принять".

В заключение мне хочется сказать несколько слов о творческом отношении Ю. М. к умиранию и смерти. Последние годы ее жизни протекли в старческом доме под Лондоном. После смерти Люиса

Немира она осталась жить в их лондонской квартире, но когда, в возрасте 80 лет, ее здоровье еще более пошатнулось, она сама решила поселиться так, чтобы за ней был уход и она имела возможность спокойно предаться молитве, чтению, а также писать задуманную ею книгу о Непрестанной молитве, которую она собиралась озаглавить "Алешин путь".

Я часто навещала Ю. М. в старческом доме. Вначале она могла ходить и выходить, позже была вынуждена лежать. Она говорила мне о терпении, нужном для ожидания смерти: "Это не то, что представляешь себе обычно под терпением, т.е. пассивность, оно *с о з и д а т е л ь н о*, — осознание новых подходов к новому существованию". В другой раз она сказала: "Осень, которую я переживаю, состоит из великого отбора смертного во мне от не-смертного. Мое жизненное тело освобождается от физического тела. Это вовсе не то, что антропософы называют "эфирным" телом. Оно не состоит из эфира. Оно состоит из жизни. Отделение его причиняет мне значительные недомогания, они выносимы, но их не следует вызывать произвольно".

К этому времени она ощутила созвучность тому, что она называла "сознанием нового рода", вследствие чего считала, что "умирание должно длиться возможно дольше. Когда всецело зависишь от других, то тебе остается только мысль, мощностъ мысли, и она переходит в новое сознание. Испытываешь изнеможение тела — иногда весьма противные явления, — но все они посланы Богом и помогают понять, что Христос претерпел в Его теле. Самое большое утешение Божье это то, что Он понимает все самым проникновенным образом, т.к. Он это уже испытал".

Памятны некоторые из ее последних замечаний: "Только настоящий момент имеет значение: Святой Дух действует только теперь, сейчас". "Жизнь так удивительна, но самое удивительное — это умирание. Я тщательно наблюдаю его в себе". "Нет страха смерти, умирать становится до того интересно, до того увлекательно интересно".

К столетию со дня преставления св. Серафима Саровского

Митрополит Георгий ХОДР

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

В этом году на 2-ое февраля, день памяти преподобного Серафима Саровского, пришелся также и день 150-летней годовщины его смерти. Проездом во Франции, митрополит Георгий Ходр (Антиохийской Церкви) произнес по этому случаю следующую проповедь в православном франкоязычном приходе Святой Троицы (при кафедральном соборе) в Париже.

За Божественной Литургией собрались мы сегодня на славное чествование преподобного Серафима Саровского. Не мне вам рассказывать о его жизни, вам и без того известной. Но, может быть, следует мне напомнить о высоком значении этой жизни. Сегодня мы сталкиваемся с теми вопросами, которые святой сумел предугадать.

Все вы знаете, что преподобный Серафим предвидел грядущие испытания России, что он лично пережил все трудности прошлого века. Выход он из них увидел не в активном участии в мирских делах, не в судорожной деятельности, направленной на спасение мира. Он прямо пошел царским путем, путем полной отдачи себя Господу, по слову Писания, только что вами здесь услышанному: "Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные". В простоте сердца своего он пошел ко Христу. Иной дороги нам не указано. Иной, высшей дороги — нет. Вне ее — нет и спасения.

Одно из искушений нашего века состоит, как мне кажется, в убеждении, что спасение в человеке и от человека. Вам лучше меня известны все те суррогаты, которые как в искусстве, так и в философии или политике выдаются за возможные средства спасения. Но наше свидетельство, — сегодня, как и в дни преподобного Серафима, — возвещать и являть через преображение всей нашей жизни, что спасение от Бога дается тому человеку, который смиренно и с благодарением его принимает.

Убедившись в этой основной истине, нам остается лишь примкнуть ко Христу, с целью преображения всего бытия. И на пути нашем

к Царствию Божьему, я знаю, мы вкладываем наше свидетельство в историю человечества, мы оставляем в ней следы наших слов и действий. Случается нам и влиять на устройство общества, и это вполне ценно. Но тот, кто не вкусил хлеба жизни и не всосал в себя слова жизни, только возмущает мир и не способен глубоко изменить его, так как только Дух Божий превращает мир.

Иными словами, для нас нет выбора между общественной, политической деятельностью и внутренней духовной работой. В христианине основное всегда вера, которая есть соединение с Богом, с самим Богом и его внутренней жизнью, как оно определяется в первом евангельском чтении сегодняшней Литургии. "Никто не знает Сына, кроме Отца, и никто не знает Отца, кроме Сына". Соединившись, раз и навсегда, со святой Троицей, ставши причастными ее жизни неустанной любви, мы сможем обратиться к людям и понести им наше свидетельство. И когда мы вместе с ними загоримся огнем, то и весь мир воспламенится и преобразится на пути к будущему веку.

Это обращение, по опыту преподобного Серафима, требовало подвижничества, и он выбрал подвиг отшельнический. Мир и сердца наши суетны. Это не значит, что нам нужно безвыходно затвориться в своей комнате, но что каждому из нас надо искать личной близости ко Христу, вдали от мирских забот. Сердца наши должны быть заполнены Христом. Знак этой воли к очищению — молитва Иисусова, которую творил преподобный Серафим. Эта молитва — постоянный символ. Сосредотачиваясь на этом чтении, на реальности присутствия Христа в нас, мы обращаемся сердцем нашим ко Христу, мы входим с ним в огненный порыв любви.

Преподобный Серафим и в своем одиночестве завещал нам, что этот подвиг, это пламя Святого Духа должно передавать следующим поколениям. Он думал, что несмотря на ожидающие Россию испытания народ вновь оживет в любви к Лику Господню.

Но по самой природе его веры самое значительное в его свидетельстве заключается в стяжании Святого Духа и божественного света. Вам всем известна беседа с Мотовиловым. В назидание всем нам хотелось бы выделить, что Дух Святой в каждом из нас и в общине верующих — источник жизни, всей жизни. Не может быть с одной стороны Дух Святой, а с другой жизнь умственная, общественная, семейная. Есть одна только струя, исходящая из самого сердца святой Троицы, которая воспламеняет каждого из нас и весь мир и непрестанно претворяет нас, в то же время оставляя нас обнаженными перед лицом Господа. Мы предстаем перед ним в

бесконечном смирении, и он снова и снова каждый день вкладывает в нас Дух Свой.

Завет преподобного Серафима, как и сонма свидетелей, как раз заключается в этой борьбе на смерть за святость, в глубокой вере, что нет у нас другого Спасителя, кроме Христа, что мы нуждаемся в спасении, то есть в вере в наше ничтожество и в то же время и во всемогущество претворяющей силы Бога. Нам нужно духовным опытом воспринять, что все нам дано и что по мере постижения этого претворяющего дара благодати, по мере нашего внутреннего преобразования, преображается и сам мир.

Да сумеем мы в этом начавшемся году соблюсти свидетельство преподобного Серафима и тех, кто, как он, пошли путем святости. Воистину, одни святые свидетельствуют об единстве мира и Бога.

перевел с французского Д. Струве

ОБРАЗ ХРИСТА В ТВОРЕНИЯХ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

У каждого человека, каким бы он ни был – великим или маленьким, слабым или сильным, грешным или святым – у каждого есть в жизни, в душе что-то главное, какой-то центр. Для него, для этого главного, человек живет и им живет. Найти внутренний центр, внутреннее средоточие жизни и души человека – это и значит понять человека, его жизнь и душу.

В жизни, в душе великого отца церкви и великого святителя Иоанна Златоуста был такой единый центр, живое средоточие. Имя этому центру – Иисус Христос, Спаситель мира.

Только уяснив центральность Лица Христова в душевном опыте Златоуста, мы можем понять смысл, внутреннюю логику его жизни, такой бурной и такой необычной; только в этом образе Христовом мы найдем руководящую нить, ведущую нас через бесконечно сложный, богатый и запутанный лабиринт его творчества.

И если бы нам пришлось одним словом определить самую сущность его творчества, его жизни и всего его духовного опыта, слово это нетрудно было бы найти, и о нем не пришлось бы долго спорить. Христоцентризм – вот как следует обозначить мировоззрение и мироощущение его.

В одном из своих творений он говорит, что Христос должен быть для верующего всем – "и трапезой, и одеждой, и домом, и главою, и корнем, и братом, и другом, и женихом". Всем этим и был для него Христос. В другом месте он утверждает, что мы так мало любим Христа, что сокровище своей любви расточаем на другие жизненные привязанности и встречи. К нему самому нельзя было бы обратиться с подобным упреком.

Истинный монах по духу – монах не в смысле соблюдения каких-либо внешних форм аскетизма, а в смысле совершенной отрешенности от мира и полной устремленности к Богу – он не знал никаких других привязанностей, других влечений, кроме всепоглощающей привязанности ко Христу и неудержимого стремления к Его святине. Силою жизни он был брошен в самое жерло котла человеческих страстей и соблазнов, был перенесен в стремительный вихрь при-

* Родился в Москве в семье педагога. Стал священником в Киеве в 1920 г., через три года начинается его крестный путь по ссылкам и лагерям.

В УМСА-Press выйдет в 1984 г. книга его памяти.

дворной роскошной и многострастной жизни столицы Византии. Но ни одна капля этой окружающей его мути не коснулась его белоснежных одежд, не нарушила и не смутила совершенной цельности его духа. Он оставался всегда непоколебимым в своей верности, воистину был рыцарем Единого Образа, от первых мгновений сознательной жизни и до последнего своего издыхания.

Он жил в знаменательную эпоху. Христианство только что одержало победу над язычеством. Но с прекращением внешней борьбы наступило время борьбы внутренней, более сокровенной, но не менее трудной и опасной. Язычество, побежденное извне, попыталось проникнуть в самые недра христианства и преодолеть его изнутри. Оно стремилось, с одной стороны, отравить своим ядом христианское мировоззрение в целом потоке ересей, особенно в арианстве, а с другой – оно хотело обратить в ничто евангельское учение о жизни, совершенно обмиршив церковь и нравы верующих.

Ко времени Златоуста Православие нанесло уже арианству решительный, смертельный удар. Однако отзвуки недавней грозы еще звучали в воздухе. Арианство не переставало быть реальной враждебной силой, ариане были многочисленными и сильными противниками.

Он был истинным преемником великих светильников Церкви – Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова. Из их рук принял он знамя, на котором был начертан догмат главный христианской веры: Божественности Христа Спасителя. С этим знаменем выступает он на борьбу против врагов Православия, против бунтующих стихий язычества, юдаизма, арианства всех оттенков. Эта же, воспринятая им от отцов, светильников христианства, вера в Божественность Христа является для него исходным пунктом при обосновании и раскрытии евангельского учения о жизни, при построении нравственного мировоззрения, в чем было особое его призвание, особый дар и особая заслуга.

К догмату Божественности Христа он подходит несколько иначе, чем его великие предшественники. Он обосновывает его, главным образом, не философскими, не умозрительными данными, а тем, что почерпает непосредственно из жизни.

В своей антиохийской беседе, озаглавленной "Рассуждение против иудеев и язычников", о том, что Иисус Христос есть истинный Бог, как на самое простое и непосредственное доказательство божественности Христа он указывает на торжество христианства, необычайную быстрой его распространения и самые пути его роста. Надо помнить, что это торжество было недавним, только что совершившимся событием, особенно после неудачного ренегатства Юлиана, и впечатление от

этого события было еще совсем свежим, заполняло собой общественное сознание.

Златоуст обращается к пророчеству Спасителя: "Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ей" (Мф. 16, 18). Как необычайны были эти слова в минуту, когда они были сказаны, как далеки от возможности осуществления. Ведь даже название — Церковь — тогда еще не приходило никому на ум, и "синагога еще находилась в цветущем состоянии". Но прошли века, и невозможное совершилось. Церковь воздвигнута и наполняет собою мир. Она распространилась по всей вселенной и на всяком месте, "по горам и пещерам и холмам". Она объяла и море, и все племена, находящиеся под солнцем. Изречение, сказанное тогда Господом, теперь насаждено во всех душах и находится во всех устах; вся земля, наполненная терпением, очистилась, сделалась чистою нивою и приняла семена благочестия (т. I, стр. 625).

И через кого совершилась эта победа, это преобразование мира! (Через одиннадцать человек, неученых, простых, не знающих языков, не знатных, бедных, не имевших ни отечества, ни богатства, ни телесной силы, ни славы, ни знаменитости предков, ни силы слова, ни искусства красноречия, ни преимущества учености; рыбарей, скинотворцев... через них Христос устроил Свою Церковь, простертую от концов до концов вселенной).

Учение, которое проповедовали эти люди, которому хотели они покорить вселенную, было несслыханным и необычным. Оно ниспровергало все многовековые тысячелетние верования и обычаи мира, ставшие как бы законами естественной человеческой жизни, оно требовало подвигов и отречения. "Надлежало отвергнуть, что с давних времен было принято от отцов и дедов, прадедов и древнейших предков, философов и риторов; это было нелегко — принять другие, новые обычаи, требующие великих подвигов, что было еще труднее. Христос изгонял роскошь, водворял пост, водворял нестяжательность; изгонял невоздержание, водворял целомудрие; изгонял гнев, водворял кротость; изгонял зависть, водворял дружелюбие, отводил от пути пространного и широкого и приводил на путь тесный, скорбный и трудный, и приводил тех, которые привыкли к пространству".

Апостолы требовали веры в Него — рожденного от Марии, осужденного игемоном, поруганного, претерпевшего бесчисленные страдания и поносную смерть, погребенного... и замечательно то, что бесчестие Того, о Ком они говорили, было таким явным и очевидным, для всех были явны Его страдания, бичевание, удары по ланитам,

оплевание по лицу, заушение, распятие на кресте, великое осмеяние, ругание всех, погребение, дарованное в виде милости; а обстоятельства воскресения еще не были известны, так как Он по воскресении Своем явился одним ученикам. И, однако, такой проповедью они убедили и устроили Церковь.

И сколько врагов выступило на борьбу с их учением, противостояло Церкви. "Против нее вооружились властители, потрясали оружием войны, свирепствовали сильнее огня целые народы, противостояла привычка, восставали риторы, софисты, боролись простые люди и начальники..." (т. I, стр. 627).

И Церковь все-таки победила. Одиннадцать "преодолели вселенную" и "достигли этого страдая, а не причиняя страдания; будучи поражаемы, а не поражая; подвергаясь козням, а не коварствуя... будучи изгоняемы, а не изгоняя; будучи преследуемы, а не преследуя; будучи убиваемы, а не убивая... Как овцы, назначенные на заклание, они изменили до кротости овец всех волков, беснующихся, дышащих убийством, бывших свирепее зверей" (т. XII, стр. 324).

Говоря как бы от имени мучеников и исповедников христианства, утверждает Златоуст, что сила их терпения есть несомненное свидетельство истинности их исповедания. "Если бы кто-нибудь, — говорит он, — пожелал получить ясное доказательство, что нас призывает внутренняя Божественная сила, пусть он взвесит наши испытания, опасности, оковы, темницы. Несвойственно человеческой силе преодолеть столько крутизн, переплыть столько волн, дать место стольким стрелам, но это свойственно божественной и необоримой крепости" (т. XII, стр. 327).

Таковы эти доказательства от истории, от настоящего, от совершившейся победы христианства над миром, от существования Церкви и Ее несокрушимого могущества.

К этим доказательствам от настоящего присоединяет Златоуст, особенно когда имеет в виду иудеев, доказательство от исполнившихся ветхозаветных пророчеств.

Христоцентризм его мировоззрения сказывается чрезвычайно ярко в его отношении к Ветхому Завету. Центр Ветхого Завета для него тот же, что и Нового, — Христос. Какую бы ветхозаветную книгу он ни читал, восхищается ли он псалмами, толкует ли пророчества Исаии или Даниила, беседует ли о Мелхиседеке или Иове — в конце концов его внимание обращается ко Христу. Для него ясно, что без Христа понять Ветхий Завет невозможно, и что это чудо: несомненное провидение ветхозаветными праведниками событий Христовой жизни

за много веков до их осуществления — есть явное доказательство божественности христианства.

”Други Божии и все дивные мужи познали Христа еще прежде Его явления во плоти, — утверждает он. — ...Все пророки, начиная от Самуила, познавали Христа и задолго предвозвещали пришествие Его” (т. VIII, стр. 59).

Целый ряд мест из Ветхого Завета имеет несомненный мессианский смысл, относится ко грядущему Мессии и в то же время с точностью соответствует последующим событиям жизни Спасителя.

Иеремия говорит о богочеловечестве. Исаия предсказывает рождение от Девы и рисует подробную картину страданий. Михей указывает место рождения, а обращаясь к псалмам Златоуст находит здесь точное исповедание веры в Божественность Грядущего Мессии (”Рассужд. против иудеев и язычников”, т. II, стр. 605—623).

Особенно толкуя псалмы 44 и 109, находит в них Златоуст откровение о Божественности Мессии, рассматривает псалмы как несомненное опровержение всех, отрицающих эту божественность, как иудеев, так и еретиков.

Но наибольшего подъема как будто достигает слово Златоуста тогда, когда он касается пророчеств о грядущей славе Христовой, опять подходит к торжеству Церкви.

”И будет покой Его честь” (Исаия, XI, 10). Комментируя эти слова пророка Исаии, Златоуст говорит, что они предвещают Христу славу, которая должна воссиять после Его смерти.

”Не таковы дела человеческие, — говорит он, — но обыкновенно с ними бывает напротив. Дела знаменитых людей, пока они живут, процветают, но по смерти их забывают. Это можно видеть в судьбе не только богача и начальника, но даже и царей. И законы их отменяются, и изображения их затемняются, и память их истребляется, и приближенные к ним подвергаются презрению, между тем как прежде они потрясали оружием, мановением своим передвигали народы и города и изменяли положение дел, имели власть предавать смерти и возвращать к жизни отводимых на казнь. Все это исчезает, хотя прежде было в славе. А у Христа — все напротив. Перед крестною смертью Его обстоятельства были печальны: Иуда предавал, Петр отрицался, прочие ученики обратились в бегство, Он Один оставался среди врагов; многие, веровавшие в Него, возвращались вспять. Но после Его страданий и смерти, дабы ты знал, что Распятый был не простой человек, обстоятельства становятся блистательнейшими, славнейшими и превосходнейшими. До распятия Христова верховный из апостолов не перенес угрозы привратницы, но после такой тайной

вечери отвечал, что не знает Иисуса, а после распятия он же прошел с проповедью вселенную; с того времени бесчисленные сонмы мучеников были умерщвлены, решившись лучше умереть, нежели сказать то, что сказал верховный из апостолов, убоявшись угрозы одной привратницы. С того времени все страны и города, и пустыни, места обитаемые и необитаемые, оглашаются прославлением Распятого. Цари, военачальники, градоначальники, рабы и свободные, простолюдины, знатные, немудрые, варвары и различные племена человеческие, населяющие всю подсолнечную землю, призывают Имя Его и поклоняются Ему, дабы ты знал, что значит: ”будет покою Его честь” (т. II, стр. 618—619).

И далее указывает Златоуст на то, какую славою окружено теперь самое место погребения Спасителя, как слава Христова осеняет собою сонмы Его последователей, как, наконец, превозносит она и делает славным самый знак Его позорной смерти, крест.

”Этот проклятый поносный знак крестного мучения ныне стал вожделенным и достолюбезным... Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крест есть знак проклятой смерти; напротив, все мы почитаем его украшением для себя более венцов и диадем, многих ожерелий из драгоценных камней... Отчего же, скажи мне, он теперь сделался столь вожделенным для всех и досточтимее всего... Потому что Создавший все и все преобразующий, избавивший вселенную от нечестия и сделавший небом, Он и это орудие, ненавистное и позорнейшее всех смертей, превознес выше небес. Все это предвидя, пророк сказал: ”и будет покою Его честь” (т. II, стр. 620—621).

Наряду с пророчествами, доказательствами божественности Христа считает Златоуст и чудеса. Они сопровождали Его рождение, Его общественное служение, каждый шаг Его жизни.

”Как художник восстанавливает здание, развалившееся от времени, так Он обновил падшее человечество” (т. VIII, 79).

От Его прикосновений, от Его приближения ”расслабленные и распавшиеся члены укреплялись и соединялись один с другим, омертвевшие руки получали движение, расслабленные ноги внезапно вскакивали, загроможденные глухотою уши отверзались, и громким голосом восклицал язык, связанный дотоле немотою”.

Так обнаруживал Он Свою Божественную власть над человеческим телом. Но не только над телом имел Он власть эту, но и над душою. Душа человека менее податлива влиянию и воздействию на нее: она обладает свободной волей и способностью сопротивления. И тем не менее эту косную, упорную и темную человеческую душу Он также восстанавливал, врачевал, преображал, как и тело. ”Мытарь

делался апостолом, яростный хулитель и досадитель являлся проповедником вселенной; волхвы становились учителями иудеев; разбойник оказывался жителем рая; блудница славилась великою верою; жена хананейка и жена самарянка — одна, будучи также блудницей, принимала на себя проповедь между соплеменниками и, увлекши целый город, привела его ко Христу, а другая верою и терпением достигала изгнания злого беса из души своей дочери.

"Все внезапно изменилось в своем виде: недуги телесные, болезни душевные прелagались в здравие и совершеннейшую добродетель; и притом не два или три человека, не пять или десять, не двадцать или только сто, но целые города и народы исцелялись с великою быстротою" (там же).

Чудеса в телах, чудеса в душах, чудеса в стихиях, чудеса при жизни, чудеса при смерти, когда солнце сокрылось и земля поколебалась, и, наконец, чудеса после смерти — славное и страшное Его воскресение и все последовавшие за ним события. "Справедливо сказал евангелист: видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца".

Наконец, беседуя о Божественности Христа, великий святитель, следуя в этом отношении по стопам своих предшественников, обращается к тайне Его самосознания.

Здесь он останавливается прежде всего на тех словах Христа, в которых Он говорит о Себе уничиженно, словах, как будто противоречащих Его Божественности. Чаще всего Он объясняет их приспособлением к немощи слушающих. Он указывает на то, что даже и Бог-Отец говорит о Себе уничиженно, словами, как бы недостойными величия Божия.

Книга Бытия передает нам от лица Божия вопросы, которые как будто вовсе не нужны при всеведении Божиим: "Адам, где еси?" (Быт. III, 9), или "ныне познах, яко боишися ты Бога" (Быт. XII, 12). Это и многое другое подобное, встречающееся в Ветхом Завете, очевидно, недостойно величества Божия. . . Он столь человеколюбив, что для нашего спасения пренебрегает выражениями, подобающими Его достоинству (т. VIII, стр. 430). Так и Христос — не столько обращает внимание на собственное Свое достоинство, сколько на наше спасение, и не заботится о том, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что может привлечь нас. Поэтому высокого и великого в Его словах немного, да и то прикровенно, а уничиженного и обыкновенного весьма много (т. XII, стр. 426).

Златоуст даже думает, что Христос, говоря о Себе уничиженно, "приписывал Себе то, что на самом деле не свойственно было Ему" (там же, стр. 29). Здесь мы встречаемся уже с крайностями учения о приспособлении в самосвидетельстве Христа.

Надо сказать, что при дальнейшем развитии вопроса о взаимоотноении двух естеств во Христе раскрылись трудности этого учения о приспособлении. Им стали пользоваться преимущественно монофизиты. Блестящим же образцом православного богословствования по этому вопросу является знаменитое догматическое послание Льва Великого, где самоуничижение Христа находит себе объяснение не в учении о приспособлении, а в раскрытии тайны внутреннего взаимоотноения двух естеств во Христе.

Впрочем, конечно, и у Златоуста мы встречаемся с таким подходом к вопросу. Так, говоря о воскрешении Лазаря, о скорби и слезах у его гроба Христа, он всецело приписывает их Его человеческому естеству, не говоря уже, конечно, о приспособлении (там же, стр. 423).

Как бы то ни было, но смирение Христа в Его самосвидетельстве, уничиженный смысл многих Его слов еще более подчеркивает значение других Его свидетельств о Его исключительном отношении к Отцу, о Единосущии с Ним, о несозданности и присносущии.

"Если. . . Он не обвиняясь говорил о Себе столь смиренные слова, то тем более Он говорил бы подобным, если бы был создан, чтобы кто-нибудь не признал Его несозданным, — например: не думайте, что Я рожден от Отца, Я сотворен, а не рожден, и не одного с Ним существа. Но Он делает все напротив. Он употребляет такие выражения, которые невольно, даже не желающих того, заставляют принять противное мнение. Так, Он говорит: Яко Аз в Отце, и Отец во Мне (Иоанн XIV, 10), также: только время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе, видевый Мене, виде Отца (ст. 9), или: Да вси чтут Сына, якоже чтут Отца (Иоанн V, 23). И якоже Отец воскрешает мертвые и живит, тако и Сын, ихже хошет, живит (ст. 21). Отец Мой доселе делает, и Я делаю (ст. 17). Якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца; Аз и Отец едино есма (Иоанн 10, 15, 30). Везде употребляя выражение "якоже и тако", показывает, что Он едино с Отцом и что имеет нераздельное с Ним существо. А силу власти Своей Он обнаруживает как в этих же изречениях, так и во многих других — так, например, когда говорит: молчи, престани; хошу, очистися; тебе глаголю, бесе глухий и немый, изыди из него; также: слышасте, яко речено бысть древним: не убий, Аз же глаголю вам: яко гневующийся на брата своего всеу, повинен есть суду (Матф. VIII, 39); (Матф. VIII, 3; Мар. IX, 65). И все другое подобное, что Он законополагает и чудотворит, достаточно доказывает власть Его, а лучше сказать, и самая малейшая часть того может вразумить и убедить людей не совсем бесчувственных".

Так и доводами жизни, и доводами истории, и внимательным анализом писаний многообразно и многократно утверждает Златоуст основной догмат христианства, догмат Божественности Спасителя, и ниспровергает мудрование врагов веры, и современных ему, и будущих.

Ведь и до наших дней указанные им основания, как чудеса Христовы и свидетельства Его самосознания, являются камнем преткновения для неверующих, пытающихся объяснить Евангелие, отрицая Божественность Иисуса. Ведь и теперь многоученный Гарнак, упорно в длинных рассуждениях стараясь "разъяснить" чудеса, должен в конце концов признать особую категорию "необъяснимых чудес", и, говоря о самосознании Христа, должен свидетельствовать Его единственность, которую не в силах объяснить никакая психология, должен исповедовать исключительность Его Богосыновства, Его отношения к Отцу Небесному.

В быстротекущей смене человеческих, слишком человеческих, мнений, пытающихся Божеское заменить человеческим, свыше облагодатствованное слово великого святителя оказывается неколебимым в потоке времени и из глубины веков говорит бесконечно убедительнее нашему сознанию и сердцу, чем голоса наших современников, умудренных человеческой мудростью.

* *
*

Златоуст не только преклоняется перед Божественностью Христа, слагает, выражаясь словами Плиния о древних христианах, "гимн Христу как Богу". Он любит Его как Человека, благоговеет перед Ним как перед воплощением человеческой красоты и совершенства.

Святитель писал еще до развития в Церкви христологических споров, когда еще не было точно сформулировано церковное учение о взаимоотношении естества Божеского и человеческого в лице Христа. Однако тайна этого взаимоотношения выступает в его творениях полно, и не столько в отдельных формулировках, сколько в целостном рассказе, раскрывающем одинаково и славу, и уничтожение Христа, Его Божественность и Его человечество, одинаково дорогие и близкие его внутреннему религиозному опыту.

Златоуст — великий, величайший толкователь Евангелия. И в своих толкованиях он дает совершеннейший комментарий жизни Христа, следует по Его стопам от яслей до Голгофы и далее до гроба Воскресения. Он следит за каждым мгновением жизни Богочеловека,

и в каждом внешнем изменении и жизненном движении хочет открыть внутренний смысл и тайну переживаний.

Он любит Христа в Его унижении и любит самое унижение это. Не раз повторяет он мысль, что в "смирении Христовом" особенно сияет Его высота ("Беседы на Еванг. Матф.", т. VIII, стр. 122).

Внимательным и любящим взором всматривается он в отдельные черты униженного Образа.

Как любит он говорить о Христовой бедности, раскрывать все виды ее обнаружений, повторять, что Христос "когда благоволил родиться на земле, то не искал богато убранного дома, ни матери богатой и знаменитой, но избрал бедную, Которая обручена была древоделателю; рождается в вертепе и полагается в яслях. Выбирая также учеников, избрал не ораторов и мудрецов, не богатых и славных, но и между бедными самых бедных и нимало не знаменитых; равным образом, когда предлагал трапезу, то иногда предлагал хлеб ячменный, иногда перед самой уже трапезой повелевал ученикам купить на рынке; вместо ложа употреблял траву; одеяние носил бедное, не отличающееся даже от одеяния самых простых людей, а дома даже и не имел; если Ему нужно было переходить с одного места на другое, то ходил пешком и притом так, что иногда даже утомлялся; когда садился, не искал стула ни мягкого возглавия, но сидел на голой земле, иногда на горе, иногда при источнике, и даже один; разговаривал с самарянкой; также полагал меру и для самой печали: когда надлежало плакать, плакал тихо, повсюду, как я сказал, поставляя правила и границы, до которых позволительно доходить, но далее которых не должно идти" (т. VI, стр. 675).

Как бы предвидя лжемудрствования будущих толкователей, святитель останавливается на тех обстоятельствах, которые находятся во мнимом противоречии с Христовой бедностью.

Евангелист говорит о нешвенном хитоне Спасителя, и будущие комментаторы будут усматривать в этом "право на роскошь" христиан и даже "долг" высокопоставленных лиц одеваться в дорогие одежды, а Златоуст усматривает в этом рассказе об одежде новое свидетельство о бедности и простоте.

"Так как, — говорит он, — в Палестине ткнут одежды, сложив вместе два куска материи, то Иоанн, чтобы показать, что таков именно был хитон, говорит: свыше исткан. А говорит он об этом, мне кажется, для того, чтобы указать на бедность одежд и на то, что Христос, как во всем прочем, так и в одежде, наблюдал простоту" (т. VI, стр. 575).

И по другому поводу, по поводу рассказа о жене, возлившей миро на Христа, некоторые комментаторы говорят опять о "праве на роскошь". Златоуст же видит в нем только выражение любви милующей и снисходительной. "Велико человеколюбие Господа: Он принимает блудницу, блудницу, лобызющую ноги, возливающую елей и отирающую волосами, принимает и упрекает тех, которые обвиняют ее... Что труждаете жену... Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большому совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано и каково бы оно ни было, и не требовали полного его совершенства в самом его начале... Как прежде этого поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так и после того, как жена совершила его, Он имеет в виду только то, чтобы она не приведена была в смущение порицанием учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше через служение Ему" (т. VI, стр. 803, 804).

Наряду с бедностью, постоянно говорит Златоуст о других проявлениях унижения Христова — о страданиях, издевательствах, бичевании, кресте, о том, как Христос "через оплевание дорогого Своего Лица отер слезу со всякого лица" (т. XII, стр. 1333).

"Мы, — призывает святитель, — не только станем читать об этом, но и будем все это содержать в своем уме — терновый венец, одежду, трость, побию, удары по ланитам, заплевывание, посмеяние" (т. VII, стр. 570).

Он свидетельствует, что в его эпоху был обычай читать историю страданий в храме в вечер Пасхи, и видит в этом обычае доказательство того, что христиане не стыдятся страданий Христовых. Страдания эти не только не отвращают от веры в Божественность Христа, но, напротив, располагают к этой вере.

"Чтобы не сказали нам язычники: вы доказываете народу только блистательное и славное, например — знамения и чудеса, а позорное скрываете, благодать Святого Духа так устроила, что все это прочитывается у нас во всенародный праздник, именно в великий вечер Пасхи, когда мужи и жены предстоит в большом множестве, когда стекается целая вселенная, тогда и проповедуется это громким голосом. И не смотря на то, что это читается и сообщается всем, мы веруем, что Христос есть Бог, и как по другим причинам, так и потому поклоняемся Ему, что Он благоволил до того снизойти для нас, что претерпел такие страдания и научил нас всякой добродетели" (т. VII, стр. 860).

Наряду с внешней картиной унижения Христова стремится Златоуст проникнуть во внутреннюю сторону Его подвига, запечатлеть в своих толкованиях внутренние черты лика Христова.

Он указывает на кротость Христову, снисходительность, неизреченное человеколюбие, особенно настойчиво говорит он о том, как Спаситель "любил высочайшей любовью врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников" (стр. 623).

Высшее обнаружение этой любви Христа к врагам видит святитель в отношении Богочеловека к предателю, в проявленной здесь необычайной кротости, в неослабевающем стремлении отвратить грозящую гибель.

Христос не переставал отклонять Иуду от предательства "советами, увещаниями, благодеяниями, угрозами и всяким способом вразумления и постоянно удерживал словом, как бы уздой" (т. I, стр. 774).

В этом стремлении вразумить именно Иуду находит Златоуст объяснение трудного в экзегетическом отношении места о проклятии смоковницы. По его мысли, Христос вразумлял Иуду, должен был показать ему и Свою карающую силу, но по Своему человеколюбию Он не хотел проявить ее на людях и явил ее на растении. Таким образом, и люди все остались невредимыми, и Он явил Свою силу, когда наказанию подверглось дерево" (т. I, стр. 775).

Но в этом исполненном любви Образе нет ни тени слабости. Напротив, Златоуст внимательно отмечает соединение во Христе кротости с могуществом — по поводу изгнания бесов из свиней (т. VII, стр. 319) — и могущества с кротостью — по поводу вразумления вопрошавших Его саддукеев (т. VII, стр. 634).

И вместе с тем Лику Христову свойственна в представлении святителя ненарушимая серьезность. Он не раз повторяет, что Христос часто плакал, но никогда не видели Его смеющимся.

Таков Лик Богочеловека, Величественный и Смиранный, Кроткий и Могущественный, Благостный и бесконечно Серьезный в одно и то же время. Единственный, Неповторимый в Своем несказанном совершенстве. Так отобразился Он в глубине духовного опыта Златоустого святителя.

* *
*

Теми бесчисленными благодеяниями, теми дарами любви, которые рассыпаны были так щедро в городах и всех Палестины, не исчерпывается, по мнению Златоуста, совершенное Христом для мира.

Христос для Златоуста не только Великий Праведник, Учитель, Целитель, Обновитель тех, кто соприкасался с Ним в дни Его земной жизни.

Он Спаситель человеческого рода, великий Священник, Архидиакон, принесший жертву за весь мир.

Вслед за апостолом Павлом называет он Христа Священником по чину, по образу ветхозаветного Мелхиседека (т. V, стр. 294).

"Один и тот же был Жертвой и Священником: Жертвой был Плотью, а Священником духом, Один и Тот же приносил и был приносим Плотью" (т. II, стр. 438).

Не давая систематического учения об искупительном подвиге Христа, Златоуст говорит, однако, о принесенной Им Жертве именно как о жертве искупления. "Это подобно тому, как если бы кто за десять оболгов вверг какого-нибудь должника своего в темницу, и не только его самого, но, по вине его, и жену его, детей и слуг, а другой, пришедши, не только внес бы десять оболгов, но еще подарил десять тысяч талантов золота, привел узника в царский дворец, посадил на место самой высокой власти и сделал бы его участником самой высокой чести и других отличий, — тогда давший в заем не мог и вспомнить о десяти оболгах. Так же случилось и с нами. Христос заплатил гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море беспредельно в сравнении с малою каплею" (т. IX, стр. 596).

Но дело Христово не исчерпывается только принесением искупительной жертвы. Оно состоит в полном уничтожении смерти, преобразовании мира, в вознесении человека к пределу Божественного Существа. В день Вознесения Христос вознесся "с победою, поправ смерть, разрушив смерть, разрушив грех, прогнав бесов, истребив заблуждение, переменяя все на лучшее, возведши наше естество в прежнее или гораздо лучшее отечество. И когда Он выходил, то ничто не противостояло Ему, ни власть греха, ни могущество смерти, ни сила клятвы, ни владычество тления и нечестия, ничто подобное, но расторгнув все это, как паутину, ниспровергнув сонмища бесов и силы диавола и все прочее, Он восшел, совершив то, что благоволил" (т. V, стр. 221).

Таковы дела Христовы, "великие и ужасные" (т. V, стр. 196).

Но кроме этих дел, уже совершенных в веках, останавливается святитель еще на одном дрящемся, пребывающем с нами и особенно близком его, святителя, сердцу. Дело это — Евхаристия.

Как истинный священник, Златоуст жил Евхаристией и в Евхаристии. Поэтому понятно, что он возвращается к ней так часто, непрестанно, во всех своих беседах говорит о ней так пламенно.

Евхаристия для Златоуста — выражение величайшей любви Христовой.

"Он, — говорит святитель о Христе, — Он не удовольствовался лишь тем, что сделался Человеком, был заушен и умерщвлен; но Он еще сообщает Себя нам и не только верою, но и самым делом делает нас Своим Телом" (т. VII, стр. 826). "Какой пастырь, — вопрошает святитель, — питает овец своими членами, что и говорю — пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого. Он Сам питает нас Собственною Кровью и через все соединяет нас с Собою" (там же, стр. 827).

"Для того Он смешал Самого Себя с нами и растворил Тело Свое в нас, чтобы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с ним плотию: кто убо дал бы нам от плотей его насытиться (Иов, XXX, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этой целью так поступил и Христос, чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам. Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его и соединяться с Ним и насыщать Им всякое желание". (т. VIII, стр. 304).

Потрясающе яркими красками рисует святитель картину христианского священнослужения. "Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному. . . Не человек, не ангел, не архангел и не какая-нибудь другая сотворенная сила, но Сам Утешитель учредил это чиноположение, и людей, еще облеченных плотию, соделал представителями ангельского служения".

"Когда ты видишь Господа закланного, предложенного, священника, предстоящего этой жертве и молящегося о всех, окропляющихся этою драгоценною Кровию, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув все плотские помышления души, светлою душою и чистым умом не созерцаешь ли небесное. О чудо, о человеколюбие Божие. Сидящий горе с Отцом в этот час объемлет руками всех и дает Себя осязать и воспринимать всем желающим" (т. I, стр. 417).

Трапеза, которую предлагает верующим священник, в час евхаристического чуда, ничуть не менее той, которую предложил Христос Своим ученикам на последней вечери. Место, где она совершается, "есть та самая горница, где Он был с учениками". "Действие этого таинства совершается не человеческой силой. Тот, Кто совершил их тогда, на той вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место служителей, а освящает и предваряет Дары Сам Христос" (т. VII, стр. 827).

Такова Евхаристия в ее отношении к Ее Основателю и истинному Совершителю. Таков Христос, как открывается Он миру в этом таинстве величайшей любви и милосердия.

* *
*

Евхаристия не только выражение любви Христа к человеку, это вместе с тем и путь осуществления любви человека ко Христу, место встречи и соединения человека и Бога.

Так учил об Евхаристии Златоуст.

Здесь открывается для человека возможность самого тесного общения со Христом.

"Как многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желал видеть одежду Его, а Он дает тебе Самого Себя не только видеть, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь" (т. VII, стр. 826).

В Евхаристии, по словам святителя, "мы не любовью только, а самим делом" становимся членами плоти Христовой (т. VIII, стр. 304).

"Будем же, — призывает Златоуст, — отходить от этой трапезы как лвы, дышащие огнем, страшные для диавола, помышляя о нашей Главе и о той любви, которую Он показал нам" (т. VIII, стр. 304).

"Не видите ли вы, — говорит он в другом месте, — с какою готовностью младенцы берут сосцы и с каким стремлением прижимают к ним уста свои. С таким же расположением и мы должны приступить к этой трапезе и сосцу духовной чаши, или, лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа, и одна только у нас должна быть скорбь — та, что мы не приобретаем этой пище" (т. VIII, стр. 827).

В его время по-видимому среди верующих уже начал входить в жизнь обычай единократного причащения в год, в день Святой Пасхи. Он выражал явное несочувствие этому обычаю. "Пусть, — говорит он, — чистая совесть составляет для нас то время, когда мы должны приступать к Тайнам. . . И в пятницу, и в субботу, и в воскресный день, и в день мученика совершается одна и та же жертва". (т. XI, стр. 657).

Но главное в причащении не то, чтоб оно было частым, а то, чтобы оно было достойным. "Как предатель и распинатель, так и недостойно причащающийся виновен против Тела и Крови Христовой" (т. VII, стр. 726).

"Приступающие во грехах хуже бесноватого, последний не наказывается, потому что он беснуется, а приступающий недостойно предается вечному мучению".

О них говорит Златоуст словами ап. Павла: они попирают Христа, кровь Завета не почитают за святыню и ругаются над благодатью Духа (Евр. 10, 24 — т. VII, стр. 82).

Не удовлетворяет Златоуста и обычное приготовление к таинству, состоящее не в полной перемене жизни, не в отказе от себя. Он говорит: чистый от грехов не святой; святым делает не одно только отпущение грехов, но и наитие Духа и обилие дел благих (т. XII, стр. 155).

Другой путь осуществления внутренней близости Богу — молитва. По Златоусту, можно и надо молиться везде и всегда, и дома, и в храме, и у домашнего очага, и у пряхки, и на площади среди всевозможных дел.

Свободная от всяких ограничений пространства и времени, не связанная никакими внешними обстоятельствами, "молитва есть союз любви к Богу". Она приводит в нас навык собеседования с Ним (т. V, стр. 13).

"Бог не для чего-нибудь иного откладывает исполнение наших прошений, но для того, чтобы с замедлением возбуждать к неусыпным молитвам. Для того Он и отлагает исполнение наших прошений и часто попускает нам впасть в искушение, чтобы мы непрестанно к Нему прибегали и не оставляли Его. Так поступают и любящие отцы и чадолюбивые матери" (т. VII, стр. 108).

Поэтому главная ценность молитвы не в исполнении прошений, которого мы в ней просим Бога, не в том, что мы с ней связываем, но в ней самой.

"Хотя бы мы ничего не получали от Него, одно продолжительное собеседование с Ним не стоит ли считать стоющим бесчисленных благ?" (т. VII, стр. 233).

Молитва содействует людям храмами Божиими. Именно в отношении к молитве толкует Златоуст слова ап. Павла о вселении Христа в человеческое сердце. "Кого не вмещают небеса, Тот входит в душу, проводящую свою жизнь в молитвах. "Небо — престол Мой, говорит Господь, земля же подножие ногу Моею. Кий дом созиждете Ми, говорит Господь, или кое место покоища Моего" (Ис. 1, 16, 1).

Но, однако, Павел созидает дом святыми молитвами. "Преклоняю, говорит он, колена моя к Отцу нашего Иисуса Христа, да вселится Христос верою в сердца ваши" (т. II, стр. 841).

Молитва и божественная Евхаристия — два пути, неразрывно связанные; в них осуществляется таинственная созерцательная любовь человека ко Христу сокровенным обручением.

Христос есть Истинный Жених не только Церкви, но и каждой человеческой души.

Златоуст был пламенным апологетом нерасторжимости брака. Раз освященный Богом брачный союз считал он безусловным и во всем нерушимым. Тем большей верности требует он от души, обручившейся Христу, от этого таинственного небесного брака.

”Имеяй невесту жених есть” (Ис., III, 29).

”Апостол Иоанн называет Его Женихом, так как у жениха любовь бывает особенно сильна. . . и как невеста все делает для угождения жениху, таковы должны быть и мы всю жизнь. Как невеста с того самого дня, как поселится в брачном чертоге, заботится только об одном: как бы угодить жениху, так точно и мы в продолжение всей настоящей жизни должны заботиться об одном — как бы угодить Жениху и сохранить благонравие невесты” (т. V, стр. 39).

Таков этот идеал совершенной верности, любви целой жизни, где душа отдает себя Любимому каждый час и каждый миг, радостно, благоговейно и нераздельно.

* *
*

Наряду с любовью таинственной, созерцательной знает Златоуст и другой путь любви — путь любви деятельной.

Не только в Евхаристии пребывает в мире Живой и Действующий Христос. Не только в молитве встречает Он человека и открывает ему Свои объятия.

Выйдите на шумную площадь города, пройдите по городским многолюдным улицам. Тысячи рук протянутся к вам, рук, просящих о помощи. Это Христос протягивает к вам Свои руки, это Он умоляет вас о милостыне.

Прислушайтесь, и вы услышите гул. В нем сливаются миллионы голосов. Это голоса труждающихся и обремененных, изнемогающих от непосильных скорбей и непомерных страданий. И это — голоса Христа Скорбящего и Страждущего.

Златоуст был истинный антиохиец в своем понимании и способах истолкования Писания. В противоположность александрийцам, пытавшимся найти в каждом слове Писаний сокровенный аллегорический

смысл, антиохийская школа стремилась к выяснению точного, буквального значения каждого божественного изречения.

Совершенный пример такого прямого и непосредственного, буквального истолкования Писания дает Златоуст в своих комментариях.

И слова Христа ”так как вы это сделали одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Мф. XXV, 10) понимает он также прямо и буквально.

Для него несомненно, действительно, воистину ”Христос не ограничился только смертью и крестом, но благоволил сделаться нищим, странником, бесприютным, нагим, быть заключенным в темнице, терпеть болезни” (т. IX, стр. 687).

И он слышит голос Христа, обращенный к человеку: ”Если ты не воздашь Мне за то, что Я страдал за тебя, то жалься надо Мною ради нищеты. Если не хочешь сжалиться над нищетою, тронься Моею болезнию, умилосердись ради уз. . . Я хожу и прошу, стою у дверей твоих и стираю руку. Я желаю от тебя именно получить пропитание, ибо сильно люблю тебя. Я стремлюсь к твоей трапезе, как это бывает у друзей, и хвалюсь этим перед лицом целой вселенной, возвещаю тебе постоянно во услышание всех и показываю всем Своего кормильца” (т. IX, стр. 688).

И святитель ужасается холодности и бесчувственности человеческого сердца, отказывающего в милости Тому, Кто в страстных крестных мучениях отдал за человека Свою жизнь.

”Если мы, — говорит он, — видим человека, подвергающегося за нас опасности смерти, то предпочитаем его всем другим, причисляем его к первым своим друзьям, отдаем ему все свое — говорим, что это принадлежит ему более, чем нам, и при всем том думаем, что мы не воздали ему должным образом. А ко Христу мы не имеем благодарности даже и в этой мере. Он положил за нас душу Свою — Он пролил за нас драгоценную Кровь Свою, за нас неблагодарных, недобрых, а мы не расточаем и денег для своей же пользы, но презираем Его в наготе и странничестве Его, Который умер за нас. Кто же похитит нас от будущей казни? Если бы не Бог, а мы сами наказывали себя, то как бы произнесли мы приговор на самих себя? Не осудили бы себя на геенский огонь за то, что презираем жизнь Положившего за нас, тогда как Он истаеает от голода. И что говорить о деньгах? Если бы мы имели в себе по тысяче душ, не должны ли были бы положить все души за Него? Впрочем и таким образом не сделали бы еще ничего, достойного Его благодеяний. А мы до такой степени неблагодарны, что рабов и мулов и коней облакаем в золотые уборы,

а Господа, скитающегося в наготе, переходящего от дверей к дверям, стоящего на распутьях и простирающего к нам руки, мы презираем и часто смотрим на Него суровыми глазами” (т. VIII, стр. 176, 177).

Наряду с общением души со Христом в храме, открывается возможность не менее непосредственного общения с Ним на площадях, на улицах города. Наряду со священнодействием, совершаемым священником, это иное священнодействие — таинство любви, страшное и божественное — может быть совершено каждым верующим, и рядом с жертвенником алтаря предстоит другой жертвенник, живой жертвенник Живому Богу. Его создал Сам Бог... “не из камней, но из вещества, которое светлее самого неба — из разумных душ... Жертвенник этот создан из самих членов Христовых: и Тело Самого Владыки служит тебе жертвенником. Благоговей перед Ним: на Теле Владычнем ты совершаешь жертву. Этот жертвенник страшнее и нового, а не только древнего жертвенника. Однако ж не смущайтесь. Этот жертвенник чуден по причине предлагаемой на нем жертвы, а тот (жертвенник милосердия) удивителен и потому, что сооружается из той самой жертвы, которая его освящает. Чуден этот (жертвенник), потому что будучи по природе камнем, делается святым, так как принимает Тело Христово. Таким образом, страшнее этого жертвенника тот, перед которым предстоишь ты, мирянин. Что в сравнении с этим будет для тебя Аарон? Что Кидар?... Что звонцы? Что святое святых? Да и нужно ли сравнивать жертвенник милосердия с древним жертвенником, когда он и в сравнении с этим (новозаветным) жертвенником оказывается столь блистательным? А ты между тем считаешь этот жертвенник, потому что он принимает Тело Христово, и унижаешь тот жертвенник, который есть самое Тело Христово, не обращаешь внимания, когда он разрушается. Такой жертвенник ты можешь видеть везде — и на улицах, и на площадях, ежечасно можешь приносить на нем жертву, потому что и здесь освящается жертва” (т. X, стр. 647–648).

Раздвигаются стены храма, обнимают собою весь мир. Безмерно расширяются пределы священнодействия. Вся жизнь становится таинством, каждая встреча человека с человеком есть таинственное касание ко Христу, встреча с Ним.

И душа, обручившаяся Ему однажды в своей сокровенной глубине, в таинственной любви, обручается снова на стогах мира через любовь к человеку и через жертву этой любви.

* *
*

Деятельная любовь не только в подвиге милосердия, но и вообще в действительном следовании по стопам Христовым, в жизненном осуществлении Его учения.

Нужно облечься во Христа, нужно подражать Ему, отречься всего ради Него. “Облечемся во Христа, — призывает святитель, — всегда с Ним пребудем, а облечься во Христа значит никогда не оставаться без Него, но всегда являть себя своей святостью и правотою”.

Христос требует от нас полного, совершенного и немедленного послушания, чтобы мы ни малейшее время не откладывали, хотя бы того требовала крайняя необходимость. Вот почему, когда некто пришел к Нему и просил позволения “погребсти отца своего” (Мф. VIII, 21–22), Он и этого не позволил ему сделать, показывая тем, что последование за Ним должно предпочитать всему” (т. VII, стр. 144).

“Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет” (Мф. XVI, 24).

Златоуст толкует эти слова. Он указывает прежде всего, что заповедь, данная здесь Христом, дана не для избранных, а для всех: “аще кто хочет” — жена ли, муж ли, начальник ли, подчиненный ли — всякий должен следовать по этому пути”.

Далее указывает он, что Христос говорит здесь о трех действиях: отвержение самого себя, взятие креста своего и последование Ему, и на каждом из этих действий он останавливается отдельно.

Что значит отвергнуться самого себя?

Златоуст спрашивает, что значит отвергнуться другого, и отвечает: “отвергающийся другого, например брата или раба или кого иного, хотя бы и видел, что его бьют или вяжут, или ведут на казнь, или как иначе мучат, не заступается, не защищает, не соболезнет, не принимает в нем никакого участия, как бы он был ему совершенно чужой. Так точно и Христос желает, чтобы мы не жалели своего тела: бьют ли, гонят ли, жгут ли, или другое что делают — не жалея себя. Он не сказал: пусть не жалеет самого себя, но, что гораздо сильнее — да отвержется себе, т. е. пусть не имеет ничего общего с самим собою, а пусть обрекает себя на опасность, на подвиги, и их переносит так, как бы терпел другой кто-нибудь”.

И далее святитель предлагает филологический анализ, делающий его мысль еще более яркой. “Христос не сказал: “да отречется” (но “да отвержется”) — небольшим этим прибавлением придавая большую силу словам Своим, так как последнее гораздо выразительнее первого”.

Далее святитель комментирует слова “и возьмет крест свой” и указывает, что этими словами Христос и назначает предел, до которого

должно простираться самоотвержение, именно смерть или действие не раз или два раза, но целую жизнь совершаемое. "Беспреданно, — говорит он, — имей перед глазами смерть и каждый день будь готов на заклятие. Многие, хотя пренебрегали богатство, удовольствие и славу, но не презирали смерть, а страшились опасности; поэтому и говорит Он — хочу, чтобы Мой подвижник ратовал до крови и подвиги его продолжались до самого заклятия. Итак, если нужно будет претерпеть смерть, и смерть поносную, смерть под проклятием и по подозрению в худых делах, то все должно перенести с мужеством и еще тому радоваться. И по Мне грядет".

Наконец, в словах "по Мне грядет" усматривает святитель требование не только все терпеть ради Христа, но и оказывать ради Него всякую добродетель.

"В словах "по Мне грядет" заключается и то, чтобы ты оказывал не только мужество в бедствиях, но и целомудрие, и кротость, и всякую добродетель" (т. VII, стр. 564–565).

Так высоки, по представлению Златоуста, требования Христа, обращенные к человеку.

И однако Златоуст в противоположность многим позднейшим комментаторам не считает их слишком высокими, каким-то несуществующим идеалом. Он несокрушимо верит в возможность, в необходимость и даже легкость их исполнения.

Он неоднократно повторяет, что нет ни одной из заповедей Христовых, которой невозможно было бы исполнить людям (т. II, стр. 546).

Он указывает на естественность этих заповедей для нас. "Что тягостного нам заповедано? Горы ли рассекать? Или летать по воздуху? Или переплыть Тирренское море? Совсем нет. Нам заповедан столь легкий образ жизни, что не нужно никаких к тому орудий, нужна только душа и расположение. . . Что ж трудного в заповедях Христовых? Ни к кому не питай ненависти; никого не злословь; противное гораздо тяжелее" (т. VII, стр. 385).

"Любить ближнего как самого себя. Что может быть легче этого?" — спрашивает он в другом месте. "Ненавидеть тяжело и сопряжено с беспокойством, а любить легко, удобно" (т. V, стр. 3–8).

Святитель сравнивает два пути: путь Христов и путь дьявола. И хотя громадное большинство идет по второму и немногие возлюбил первый, однако это только результат обольщения. Достаточно сравнить оба эти пути, чтобы убедиться, насколько краше, совершеннее и лучше то, что заповедает нам Бог, того, чем обольщает нас дьявол. (т. IX, стр. 67).

"Бог обещает нам царство, и мы пренебрегаем его; дьявол готовит нам геенну, и мы чтим его. То — Бог, а это — дьявол. Но посмотрим на самую разность их заповедей. . . Ведь если бы даже ничего этого не было — если бы, то есть, то не был Бог, а это дьявол, если б Первый не уготовлял нам царство, а последний геенны — самого свойства этих заповедей не довольно ли было для того, чтобы побудить нас быть в союзе с Первым. Что же заповедает Тот и другой? Один — то, что покрывает нас стыдом, а другой то, что делает нас честными; один то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, Другой — то, что доставляет великую отраду. В самом деле, посмотри: один говорит: "научитесь от Мене, яко кроток и смирен сердцем, и обрячете покой душам вашим" (Мф. XI, 29), а другой говорит: будь жесток и суров, гневлив и раздражителен, будь лучше зверем, чем человеком. Посмотрим же, что полезнее, что благотворнее".

Впрочем, Златоуст не принадлежит к числу односторонних оптимистов, закрывающих глаза на те трудности, которые связаны с безусловным исполнением Христова учения. Но он указывает на спасительность этих трудностей, через которые избегаем мы грозящей нам гибели.

"Не думайте, — говорит он как бы от лица Христа, — чтобы Я вас не щадил; напротив, очень щаду, когда заповедаю вам это. . . Если военачальник, щадя воинов, позволяет им всегда сидеть дома, то погубит и тех, кто остается с ним вместе. . . Ведь и ныне уже возгорается ужасная брань. Поэтому не сиди дома, но поиди и сражайся, если и падешь на брани, то тотчас оживешь" (т. VII, стр. 566).

Есть одно, что делает легким путь Христов, — это любовь. "Если плотская любовь, — говорит Златоуст, — так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него" (т. I, стр. 141).

Златоуст — поэт любви. Неустанно говорит он о ней, и слова его слагаются в гимн. По его творениям можно изучать метафизику и психологию любви, любви благодатной, любви человека ко Христу и во Христе к человеку.

Она, по его представлению, способна трудное сделать легким, недоступное доступным, невозможное возможным. Она преобразует человека, делает его иным, пламенным и необыкновенным.

"Кто объят огнем Христовым, — говорит он, — тот делается таким, каковым был бы человек, если бы он жил один только на земле: так мало он заботится о славе и беславии. Как человек,

живущий один только на земле, не заботился бы ни о чем, так и он не заботится ни о чем. Испытания, наказания, узы он презирает так, как бы претерпел их в чужом теле или как бы имел тело адамантовое; а удовольствиям жизни посмеивается и бывает так к ним нечувствителен, как мы к телам мертвым или сами будучи мертвыми. Он так далек от того, чтобы предаться какой-нибудь страсти, как очищенное огнем золото бывает непричастно грязи; как мухи отлетают от огня, чтобы не попасть в него, так и к нему страсти не смеют даже и приблизиться" (т. IX, стр. 453).

Здесь мы вступаем в святое святых великого святителя, восходим с ним на вершину его духовного опыта.

* *
*

Самым, быть может, удивительным в любви Златоуста ко Христу было ее совершенное бескорыстие.

Говоря об апостолах, об их призвании, Златоуст подчеркивает быстроту их решения, готовность идти по первому призыву. "Как скоро услышали призыв Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: "Сходим домой и посоветуемся с родственниками", но, оставив все, последовали за Ним".

Но особенно удивляет Златоуста другое, что они пошли за Христом, не видя Его славы, тогда, когда Он не совершил еще ни одного чуда, пошли не ради чудес и знамений, но ради Его Самого. "Особенно удивляюсь им, что они, не видев еще ни одного знамения. . . всему предпочли последование за Христом" (т. VII, стр. 144).

Так и он сам идет за Христом не ради знамений, не из страха наказания, не ради наград, но ради Самого Христа, движимый пламенной к Нему любовью.

Он верит в непреложность и божественных угроз, и божественных обетований, в действительность и несказанных благ будущей жизни, и вечных мук геенны. Но когда мы восходим за ним на высочайшие вершины его духовного опыта и опускаемся в сокровенные глубины его внутренней жизни, мы видим тогда, что здесь вопросы о награде и наказании не занимают главного места, теряют свое первенствующее значение.

"Любить Христа, — говорит он, — это не значит быть наемником, не смотреть на благочестивую жизнь как на промысел или торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу" (т. II, стр. 65).

Он указывает, что у людей "взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия", в самой себе находит награду. Если это так, "то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна". Это блаженство познается не иначе, как только на опыте. Потому, призывает святитель, "чтобы познать опытно эту духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив все, станем искать этой любви как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога".

И он зовет любить "ради самой природы любви". Он утверждает, что самое высокое, то, что важнее и "избавления от геенны", и "приобретения Царства", то, что выше всего этого, это — "любить Христа и быть от Него любимым" (т. X, стр. 593).

Ясно, что Златоуст не знает ничего более страшного в жизни, как оскорбить Христа. Это само по себе страшнее всякого наказания, всякой геенны.

"Оскорбить Христа всего тяжелее и ужаснее", — говорит он. "Хотя многим геенна и кажется ужасною, но я никогда не перестану вопиать, что оскорбить Христа — мучительнее и ужаснее самой геенны" (т. VII, стр. 401).

Мало этого. Святитель указывает на свойство сильной любви: любимый сам ищет для себя наказания, искупления, если он чем-нибудь нанесет возлюбленному скорбь. "Когда кто-нибудь обидит любимого человека, то более всего успокаивается тогда, когда сам попросит себе какого-нибудь наказания и перетерпит какую-нибудь обиду". "Так и мы должны наказывать самих себя, когда согрешаем против Того, против Кого не должно грешить". "Кто любит Христа, как должно любить, тот понимает, что я говорю, — утверждает святитель, — он сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы Христос и простил его, так как одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Знаю, что я говорю невероятное для многих, однако дело обстоит именно так, как я сказал. Если мы любим Христа, как должно любить Его, то сами себя будем наказывать за грехи свои. Для любящих прискорбно не то, что за оскорбление Любимого они терпят какое-нибудь зло, но прежде всего самое оскорбление Любимого. . . Итак, будем страшиться не геенны, а оскорбления Бога, потому что когда Бог в гневе Своим отвратится от нас, то это будет тяжелее геенны, хуже всего, страшнее всего" (т. X, стр. 578).

И вопрос о наградах решается Златоустом также необычайно. Он сам готов признать, что для многих его решение покажется непонятным и "смешным". Высшая награда для него — сама любовь, самая высшая — страдания и муки во имя этой любви и ради нее. Поэтому

для него узы ради Христа дороже самого венца, доставляемого этими узами, страдания блаженнее и возжеленнее награды, за них обещанной.

"Быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником. Кто любит Христа, тот понимает эти слова. Кто не удержимо стремится к Владыке и горит любовью к Нему, тот знает силу уз. Павел предпочел бы узы ради Христа жизни на небесах". "Слова эти понятны любящим если не Бога, то людей — тем, которые более радуются терпя страдания ради своих возлюбленных, чем получая от них почести... Иным кажется смешно — бесчестие считать достоинством и обращать в предмет радости. Но знающий Христову любовь считает это бесчестие выше всякого блаженства".

И от ап. Павла Златоуст обращается к себе.

"Если бы кто давал мне или все, или эти оковы, я предпочел бы их, если бы кто хотел поместить меня или в горни с ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я избрал бы темницу. Если бы кто делал меня одним из тех сил, которые окружают небо и престол Божий, или таким узником, я предпочел бы сделаться этим узником. Нет ничего лучшего злострадания ради Христа. Я не столько ублажаю Павла за то, что он был восхищен в рай, сколько за то, что ввергнут в темницу. Не столько ублажаю его за то, что слышал неизреченные глаголы, сколько за то, что был в узах. Не столько ублажаю его за то, что восхищен был на третье небо, сколько за узы... Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести".

И он говорит о примере Христа, добровольно принявшего страдания и познавшего в Своей предсмертной молитве Свои грядущие страдания славою. "Прослави Мя Ты, Отче" (Иоанн, 17, 1).

"Что говоришь. Тебя вместе с разбойниками и грабителями ведут на крест, чтобы подвергнуть позорной смерти: Ты терпишь заушения и заплевания — и Ты это называешь славою. Называю, говорит. Так как Я страдаю за любимых Мною, то я считаю (эти страдания) славою. Если же Он, возлюбивши достойных сожаления и несчастных, называет страдание славою, если для Него слава состояла не в том, чтобы был на престоле Отчем, не в славе, а в бесчестии, и последнее Он предпочитал первому — то тем более я хочу считать это славою".

И, наконец, выражает святитель свое сокровенное желание: "Без всякого воздаяния мне довольно одного страдания ради Христа. Пусть только мне будет дана возможность сказать, что я восполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей (Кол., 1, 24), и мне ничего более не нужно... Не потому я ублажаю узы, что они (как бы)

наперед открывают путь к небу, а потому, что они претерпеваются ради Владыки Неба" (т. XI, стр. 65—68).

В одном из своих творений Златоуст изображает любовь ко Христу ап. Павла, и в этой характеристике, где как будто разорваны пути рассудочных поучений и вступает в свои права святое и священное безумие, мы узнаем самого святителя, невольно к нему самому относим сказанные им слова.

"Обратив же очи души на небо и прилепившись к тамошней красоте, он не хотел уже опять возвращаться на землю, но, как бедняк и нищий, все время скрывавшийся в темной и низкой хижине, увидев царя, блистающего золотом и лучами камней, не захочет уже и подумать о своем бедном жилище, а будет всячески стараться о переселении в другое жилище, если это возможно, так и блаженный, увидев небесные блага, смотрел с небрежением на здешнюю бедность и, по необходимости, телесно обращаясь с людьми, ни к чему не прилеплялся, а всецело переселился в тот небесный град. Любовь Христова так одушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как служили мы, наемники, страшась геенны и желая царствия. Быв объят какою-то другою, несравненно лучшею и блаженнейшею любовью, он и терпел и делал все не для иного чего, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего — т.е. с пребыванием со Христом — для чего он пренебрег и геенной и царством небесным, решившись для Христа встретить и с великою готовностью принять как одно из возжеленнейших благ даже и это невыразимое отлучение" (Римл. IX, 3 — т. 1, стр. 142).

Здесь мы восходим на высочайшие вершины духовного восхождения, на которые когда-либо восходило человечество в лице своих избранных. Здесь отступает, исчезает все, хоть сколько-нибудь отмеченное печатью тварной ограниченности, и перед нами выступают в своей белоснежной высоте осиянные высоты вечности. Полной грудью вдыхаем мы в себя воздух любви совершенной. Грани земного и небесного, человеческого и Божеского стираются, и кажется нам, что Сам Бог Утешитель, Бог-Любовь говорит устами человека.

И блаженно человечество, что на страницах его истории запечатлелись такие озарения.

Когда-то Магомет, принявший многие стороны христианского учения, не мог понять и принять учения о Богосыновстве. Человек всегда казался ему рабом и дрожащей тварью перед лицом Всевышнего.

Не в этих ли словах Златоуста, не в откровениях ли его любви живое и неопровержимое свидетельство, что человек уже не раб, но сын, голос возрожденного человека: "Отче наш" — и голос Божий: "Сын Возлюбленный".

"Как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, волющего: "Авва, Отче". Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа" (Галат., IV, 6—7).

И не в том ли величайшее непреходящее и непревзойденное значение Златоуста, что в его творениях явилась миру полнота тайны Богосыновства и голос Бога, голос Духа говорил его устами.

Когда Златоуст слагал свои хвалы Павловым узам и страданиям Христа ради, он был еще в Антиохии. Преклоняясь перед ними и лобызая их, выражая страстное желание им сопричаститься, он не знал еще тогда, не мог, конечно, предполагать и думать, что Бог уготовляет ему в его жизни те же страдания, что ему суждено до последней капли выпить ту чашу, которую он называл чашей величайшего блаженства, чашу страданий за Возлюбленного.

Быть может, в том особая сила, особое значение творений Златоуста, что каждое слово, сказанное им, запечатлено, засвидетельствовано всей его жизнью.

И его слова о любви ко Христу, гимн Христу, в который слагаются все его творения, так властно действуют на душу человека потому, что это не только слова, это — выражение души в ее самых сокровенных глубинах, опыт любви, проверенный в горниле многих искушений.

Различны эти искушения, через которые пронес Златоуст свою верность Христу.

Когда он был совсем юным, перед ним лежали соблазны языческой жизни, соблазны мира и плоти. Но вместо блестящей карьеры, открывавшейся ему, вместо широкой и привольной мирской жизни избрал он сначала уединенный и напряженный подвиг пустынного иноческого рвения, а потом тот путь, который сам считал самым трудным, самым страшным, требующим наибольшего самоотвержения — путь священства.

И когда здесь встретили его новые искушения, когда силой жизни был он перенесен в самый водоворот страстей и соблазнов, в величайший центр современного ему мира, в роскошную и развра-

щенную Византию, и когда престол его, как первосвященителя всего Востока, возвышался рядом с императорским престолом, и тогда ничто не поколебало его дух, не ослабило силу его любви.

И здесь, как прежде, он жил Одним и ради Единого.

Пышным покоем царедворцев всегда предпочитал он алтарь, где совершал богослужение, амвон, на котором проповедовал, уединение своего дома или обители человеческих нужд. Порог императорского дворца переступал он тогда, когда нужно было свидетельствовать перед сильными мира об истине или ходатайствовать за угнетенных.

Свои сокровища, принадлежавшие ему как архиепископу столицы, он расточал не на богатые обеды, как было принято, но, вызывая ропот и негодование окружавших, отдавал их в протянутые руки Христа в лице Его меньших братьев.

Дни свои он проводил не в придворной праздности, а в непрестанном труде молитвы и проповеди, и долгие ночи отдавал или молитвенному бдению, или проникновению в тайны Писания, которое изучать и проповедовать не уставал никогда.

И он не знал других пиров, кроме божественного пира святейшей Евхаристии.

Еще искушение ждало его на жизненном пути.

Общество, в котором он жил, особенно же придворная знать и духовенство, жило не верой в Евангелие, не подлинной религией Христа, но религией компромиссов, сделок, практического язычества и отступничества.

Перед ним, как перед пастырем, стоял соблазн во имя снисхождения и мира, принимая во внимание низкий нравственный уровень народа и особенно духовенства, принизить высоту того учения, которому он служил, приспособить его к этому общему уровню.

Но он не поддался и этому соблазну.

Вызывая против себя бурю неудержимой злобы своих собратьев и многих своих пасомых, прямо смотрел он в лицо этим бушующим стихиям; казалось, чем озлобленнее были его враги, тем выше поднимал он знамя Христовой правды.

И естественно, неизбежным следствием этой его неподклонности стихиям мира явились новые искушения, новые испытания.

Гнев сильных мира, лишение свободы, разлука с ангелами храма, с престолом, на котором он совершал Божественную Жертву, и со своей паствой, яд общественной клеветы, позор церковного осуждения, бесконечные телесные страдания, оставленность друзьями, горький хлеб изгнания, муку его далекого и страшного пути в пору тяжелой болезни и, наконец, одинокую смерть, ускоренную физическими и нравствен-

ными истязаниями, — все это во имя любви к Возлюбившему его до смерти крестной перенес он — исповедник и мученик.

Перенес и то, что было тяжелее всех этих страданий. Ему нужно было увидеть страшное падение церкви, массовую измену и предательство духовенства. Он видел, как оскверняются храмы и престолы руками священнослужителей, и притом не руками еретиков, а руками тех, кто продолжал называться и почитаться православными.

Но и это все не поколебало его в радостном уповании.

Как там, посреди пышности царственной мировой столицы, на высоте вселенского престола, так и в своем изгнании, в отдаленнейших трущобах, куда его забрасывала жизнь, на каменистых трудных дорогах, во время мимолетных стоянок в селениях, как там в проповедях, так здесь в письмах не переставал он славословить Того, за Кого терпел, слагать Ему гимны и исповедовать Его царственное могущество и силу, Его благодать, непобедимость Его Церкви.

И когда он умирал, последними словами, вырвавшимися из его груди вместе с последним дыханием, были слова любви, благодарной и славословящей, то есть самой высокой и совершенной:

“Слава Богу за все”!

Нет, не только там, на проповеднической кафедре, в порыве ораторского вдохновения, прославлял он любовь ко Христу как самое высокое, ничем и никогда нерушимое сокровище и страдание ради Христа называл величайшей наградой и блаженством.

Когда он прошел до конца путь мученичества, когда одинокий, отверженный, опозоренный, осужденный и преданный на страдание от имени Христовой Церкви он глядел прямо в глаза приближающейся вплотную смерти, как итог всей своей жизни и всех своих страданий он повторил свое исповедание:

“Слава Богу за все!”

Не звучат ли эти слова как бесконечно более могущественный, усиленный всей полнотой его скорбей и испытаний отзвук слов, сказанных когда-то в Антиохии: “Без всякого воздаяния мне довольно одного страдания ради Христа. Пусть только мне будет дана возможность сказать, что я восполняю недостаток скорбей Христовых в плоти моей (Колос. 1, 24) и мне ничего более не нужно”.

Из глубины веков смотрит на нас сияющий сквозь слезы радостью совершенной любви взор Златоуста.

Трагедия его жизни — живой укор мнимому христианству, в борьбе с которым он умер, но умер не как побежденный. Тем страшнее этот укор, что несмотря на века, отделяющие нас от Златоуста, несмотря на то, что в противоположность многим его современникам мы

признаем его не опасным мечтателем, но великим, величайшим вселенским учителем, мнимое христианство, христианство лжи и отступничества, по-прежнему властно царит среди нас.

И жгучий упрек, брошенный им современникам: “Мы погасили ревность и Тело Христово сделали мертвым”, — кажется обращенным непосредственно к нам.

Его творения, его призывы к любви непрестанной, совершенной звучат как набат над спящим, холодным и суетным миром.

И он сам в ореоле своей любви к Единому и своих страданий кажется пылающим лучом Вечного Невечереющего Солнца.

Дарница

5–10 февраля 1927 г.

Сказано с сокращениями в храме святителя Николая Доброго в г. Киеве за всеобщей в канун памяти св. Иоанна Златоуста — 27 января 1927 г.

ОТВЕТНОЕ СЛОВО
на присуждение Темплтоновской премии
Бэкингемский дворец, 10 мая 1983*

Впервые эта премия присуждена православному. В благодарности, что и наша доля замечена в мировом объеме, я ясно сознаю свою личную недостойность принять эту награду, оглядываясь на светлый ряд выдающихся иерархов нашей Церкви и православных мыслителей от Алексея Хомякова до Сергия Булгакова. И хорошо сознаю, что в восточно-славянском православии, перенесшем за коммунистические 65 лет гонения, по своей лютоści и по своей массовости превосходящие гонения первых веков христианства, — было много рук, более достойных, чем мои, и сегодня есть. От киевского митрополита Владимира Богдавленского, расстрелянного коммунистами у стен Киево-Печерской Лавры в первые ленинские дни — до отважного священника о. Глеба Якунина, домучиваемого сегодня, в дни андроповские, насильственно лишеного всех внешних знаков священства и даже права иметь Евангелие, по много месяцев содержимого без одежды, без постели и без еды в замороженной каменной коробке.

В этот век гонений выпало так, что и самое первое воспоминание моей жизни: как в храм Св. Пантелеймона в Кисловодске вошли чекисты в остроконечных шапках, остановили службу и с грохотом прошли в алтарь — грабить. А когда в Ростове-на-Дону я стал ходить в школу — мимо километровой каре ГПУ и сверкающей вывески Союза Воинствующих Безбожников, то школьники, науськанные комсомольцами, травили меня за то, что посещал с матерью последнюю в городе церковь, и срывали с моей шеи нателный крест.

* Премия "За прогресс в развитии религии" была основана в 1973 году Фондом Темплтона. Она присуждается лицам, имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире.

Среди лауреатов были: мать Тереза, получившая премию в год ее основания, брат Роже Шутц, инициатор монашеского возрождения в протестантском мире. Впервые премия присуждена православному.

Вручение премии происходит в Англии в Бэкингемском дворце, всегда 10 мая. По установившейся традиции, премию вручает принц-консорт Филипп, после чего в большом и торжественном собрании новый лауреат произносит речь.

Еще в 1922 году по замыслу Ленина и Троцкого были ограблены православные храмы, а затем, включая и сталинское и хрущевское время, десятки тысяч их снесены или отданы на поругание, так что Россия превратилась в обезображенную пустыню, не похожую сама на себя, какой стояла перед тем столетием. В целых областях и в полумиллионных городах не оставалось и по одному храму. И в этой темной безгласной пустыне десятилетиями осужден жить наш народ, как бы ощупью находя и сохраняя путь к Богу. В таких тисках мы жили и живем, что исповедание проступало не в свободном щедром развитии, но в отстаивании веры на рубеже гибели или на ломких рубежах соблазнительного марксистского красноговения — и много там сломано душ.

Сегодня в формулировке темплтоновского комитета мы слышим понимание того, как на нашей земле сквозь втолоченное безбожие сохранила жизненную силу православная духовная традиция. Какие обрывки звуков из этого просочатся через мясорубку глушения на мою родину — они поддержат наших верующих, что их не забыли, и что в их стоянии черпают мужество и тут.

Централизованное безбожие, устрашающее весь мир своим оружием, так же ненавидит эту безоружную веру и так же боится ее, как и 60 лет назад. Да! Все яростные преследования, какие обрушил на наш народ государственный палаческий атеизм, и точенье его лжи, и лавина оглуляющей пропаганды, — все они вместе оказались слабее тысячеконной народной веры — она не уничтожена, она есть высшее, что мы храним в вершинах нашего дыхания и сознания.

ТЕМПЛТОНОВСКАЯ ЛЕКЦИЯ

Гилдхолл, Лондон, 10 мая 1983

Больше полувека назад, еще ребенком, я слышал от разных пожилых людей в объяснение великих сотрясений, постигших Россию: "Люди забыли Бога, оттого и все".

С тех пор, потрудясь над историей нашей революции немногим менее полувека, прочтя сотни книг, собрав сотни личных свидетельств, и сам уже написав в расчистку того обвала 8 томов, — я сегодня на просьбу как можно короче назвать главную причину той истребительной революции, сглодавшей у нас до 60 миллионов людей, не смогу выразить точнее, чем повторить: "Люди забыли Бога, оттого и все".

Но и более, события русской революции только и могут быть поняты лишь сейчас, в конце века, — на фоне того, что произошло с тех пор в остальном мире. Тут проясняется процесс всеобщий. Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту в с е г о XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: "Люди — забыли — Бога". Пороками человеческого сознания, лишенного божественной вершины, определились и все главные преступления этого века. И первое из них — Первая мировая война, многое наше сегодняшнее — из нее. Ту, уже как будто забываемую, войну, когда изобильная, полнокровная, цветущая Европа как безумная кинулась грызть сама себя, и подорвала себя может быть больше, чем на одно столетие, а может быть навсегда, — ту войну нельзя объяснить иначе, как всеобщим помрачением разума правящих, от потери сознания Высшей Силы над собой. И только в этой безбожественной озлобленности христианские по видимости государства могли тогда решиться применять химические газы — то, что так уже явно за пределами человечества.

Таким же пороком сознания, лишенного божественной вершины, уже после Второй мировой войны было — поддаться сатанинскому соблазну "ядерного зонтика". То есть: снимем заботы с себя, снимем долг и обязанности с молодежи, не будем делать усилий защищать себя или тем более кого других, — заткнем наши уши от стонов с Востока, и будем жить в погоне за счастьем, а если грянет и над нами опасность — то нас защитит ядерная бомба, а нет — ну тогда пусть

сожжется к черту весь мир! Плачевное беспомощное состояние, в которое сегодня скатился Запад, во многом истекло от той роковой ошибки: что защита мира — не крепость сердец, не стойкость людей, — а сама только ядерная бомба.

Лишь при потере нашего божественного надсознания мог Запад после Первой войны спокойно отнестись к многолетней гибели России, раздираемой людоедской бандой, а после Второй — к такой же гибели Восточной Европы. А ведь то начинался вековой процесс гибели всего мира — а Запад не разглядел, и даже много помогал ему. За все столетие единственный раз собрал Запад силы на бой против Гитлера. Но плоды того давно растеряны. Против людоедов в этом безбожном веке найдено анестезирующее средство: с людоедами — надо торговать. Таков сегодняшшний бугорок нашей мудрости.

Сегодня мир дошел до грани, которую если бы нарисовать перед предыдущими веками — все бы выдохнули в один голос: "Апокалипсис!"

Но мы к нему привыкли, даже обжились в нем.

Достоевский предупреждал: "Могут наступить великие факты и заставить наши интеллигентные силы врасплох." Так и произошло. И предсказывал: "Мир спасется уже после посещения его злым духом." Спасется ли? — это еще нам предстоит увидеть, это будет зависеть от нашей совести, от нашего просветления, от наших личных и соединенных усилий в катастрофической обстановке. Но уже свершилось, что злой дух победно кружит смерчем над всеми пятью континентами.

Мы свидетели где подневольного разрушения, а где добровольного саморазрушения мира. Весь XX век втягивается в крутящую воронку атеизма и самоуничтожения. И в этом падении мира в бездну есть черты несомненно глобальные, не зависящие ни от государственных политических систем, ни от уровня экономики и культуры, ни от национальных особенностей. И сегодняшняя Европа, казалось бы так мало похожая на Россию 1913 года, — стоит перед тем же падением, хотя и притекшим иными путями. Разные части света шли разными путями — а сегодня все подходят к порогу единой гибели.

Знала же когда-то и Россия такие века в своей истории, когда общественным идеалом была не знатность, не богатство, не материальное преуспевание, а — святость образа жизни. Россия тогда была напоена православием, сберегшим верность первоначальной Церкви первых веков. То древнее православие умело сохранять свой народ под двумя-тремя веками чужеземного ига, еще одновременно отражая

и несправедливые удары крестоносных мечей с Запада. В те века православная вера у нас вошла в строй мысли и людских характеров, в образ поведения, в строение семьи, в повседневный быт, в трудовой календарь, в очередность дел, недели, года. Вера была объединяющей и крепящей силой нации.

Но в XVII веке наше православие было подорвано злополучным внутренним расколом. В XVIII Россия сотрясена насильственными преобразованиями Петра, подавившими религиозный дух и национальную жизнь в угоду экономике, государству и войне. А вместе с односторонним петровским просвещением донесся и до нас тонкоядовитый ветерок секуляризма, за XIX век пропитавший образованные слои и открывший широкий проход марксизму. Перед революцией вера в России испарилась из кругов образованных. И повреждена была в необразованных.

Все тот же Достоевский, судя по французской революции, кипевшей от ненависти к Церкви, вывел: "Революция непременно должна начинать с атеизма." Так и есть. Но такого организованного, военизированного и злоупорного безбожия, как в марксизме, — мир еще не знал прежде. В философской системе и в психологическом стержне Маркса и Ленина ненависть к Богу — главный движущий импульс, первое в всех политических и экономических притязаний. Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт ее. Для ее дьявольских целей надо владеть населением безрелигиозным и безнациональным, уничтожить и веру и нацию — и то и другое коммунисты повсюду совершенно открыто провозглашают и открыто осуществляют. Насколько атеистический мир нуждается взорвать религию, насколько она ему поперек горла — можно видеть и по недавней паутине покушений на Папу Римского.

20-е годы в СССР — это длинная вереница поголовного мученичества православных священнослужителей. Два расстрелянных митрополита, из них петроградский Вениамин, избранный всенародным голосованием. Сам патриарх Тихон, прошедший ЧК-ГПУ, а затем умерший при загадочных обстоятельствах. Десятки архиепископов и епископов. Десятки тысяч священников, монахов и монахинь, которых чекисты, заставляя отказаться от слова Божьего, пытали, расстреливали в подвалах, слали в лагеря, ссылали в безлюдную тундру на крайний Север, выбрасывали стариков голодными и бездомными на бедствия. И все эти христианские мученики стойко шли на смерть за веру, лишь редкие единицы дрогнули и отказались. И десяткам миллионов мирян загородили путь во храм, запретили

воспитывать в вере детей, отрывали от них в тюрьму, а самих детей угрозами и ложью отбивали от веры. Можно утверждать, что и бессмысленное разрушение российской сельской экономики в 30-х годах, так называемые раскулачивание и коллективизация, погубившие 15 миллионов крестьян и не имевшие никакого хозяйственного смысла, были жестоко проведены с главной целью: разрушить национальный быт и вырвать религию из деревни. И тот же замысел душевного разврата распространился над зверским Архипелагом ГУЛАГом, где людям указывалось выжить за счет смерти других. Только ополоумевшие безбожники могли решиться и на задуманное сегодня в СССР последнее убийство и самой русской природы: затопить русский Север, повернуть течение северных рек, нарушить жизнь Ледовитого океана, и гнать воду на Юг, уже раньше погубленный предыдущими, такими же вздорными "великими стройками коммунизма".

Лишь на короткое время, нуждаясь собрать силы против Гитлера, Сталин затеял циничную игру с Церковью — и эту обманную игру, продолженную потом брежневскими декорациями и рекламными публикациями, — увы, более всего и усвоили на Западе, приняв за чистую монету. Но насколько ненависть к религии укоренена в коммунизме — можно судить по самому либеральному их лидеру Хрущеву: решась на некоторые существенно освободительные шаги, Хрущев, рядом с этими реформами, снова воздуд остервенелый ленинский запал уничтожения религии.

Вот чего не ждали они: в стране, прокатанной от храмов, где атеизм торжествует и разнузданно свирепствует уже две трети века, где до предела унижены и лишены воли иерархи, и остатки внешней Церкви терпят лишь для пропаганды на западный мир, где и сегодня не только сажают за веру в лагерь, но и в самом лагере бросают в карцер собравшихся помолиться на Пасху, — под этим коммунистическим катком христианская традиция выжила в России! Да, миллионы у нас опустошены и развращены безбожием, внедренным властью, однако сохранились и миллионы верующих, они лишь внешне вынуждены и сегодня молчать, — но, как это бывает в преследованиях и страданиях, сознание Бога достигло на моей родине острой глубины.

И тут мы видим зарю надежды: как бы ни был коммунизм ошептан ракетными и танковыми, и как бы успешно он ни захватывал планету — он обречен никогда не победить христианства.

Запад еще пока не испытал коммунистического нашествия, религия свободна. Но и свой исторический путь привел его сегодня

к иссушению религиозного сознания. Тут были и свои раздирающие расколы, и кровопролитные межрелигиозные войны, и вражда. И само собой, еще с позднего Средневековья, Запад все более за-топляла волна секуляризма, а эта угроза вере — не от внешнего выжигания ее, а от внутреннего червоточенья силы — как бы не еще опасней.

На Западе незаметно, подтачиванием десятилетий, утеривалось понятие смысла жизни более высокого, чем добиться "счастья", — а это последнее ревниво закреплялось даже конституциями. Уже не первый век высмеиваются понятия Добра и Зла, и удачно изгнали их из общего употребления, заменив политическими и классовыми расстановками, которых срок жизни быстротечен. Стало стыдно аргументировать к извечным понятиям, стыдно промолвить, что зло гнездится в сердце каждого человека прежде, чем в политической системе, — а не стыдно: уступать интегральному Злу каждодневно — и по оползням уступок на глазах одного нашего поколения Запад необратимо сползает в пропасть. Западные общества все более теряют религиозную суть и беззаботно отдают атеизму молодежь. Какие еще нужны свидетельства безбожия, если по Соединенным Штатам, имеющим престиж одной из самых религиозных стран в мире, шел глумливый фильм об Иисусе Христе? Если американская столичная газета бесстыдно помещает карикатуру на Божью Матерь? Когда распахнуты внешние права — зачем же удерживаться внутренне самим от недостойности?..

Или зачем тогда удерживаться от раскала ненависти? — расовой, классовой, иступленно идеологической? Она и изъедает сегодня многие души. Атеисты-преподаватели воспитывают молодежь в ненависти к своему обществу. В этом бичевании упускается, что пороки капитализма есть коренные пороки человеческой природы, рассвобожденные без границ вместе с остальными правами человека; что при коммунизме (а коммунизм дышит в затылок всем умеренным формам социализма, они не стойки) — при коммунизме эти же пороки бесконтрольно распущены у всех, имеющих хоть малую власть; а все остальные там действительно достигли "равенства" — равенства нищих рабов. Эта разжигаемая ненависть становится атмосферой сегодняшнего свободного мира, и чем шире наличные свободы, чем выше достигнутая в обществе социальная обеспеченность и даже комфорт — тем, парадоксально, напряженней и эта слепая ненависть. Так нынешний развитой Запад ясно показал на себе, что не в материальном изобилии и не в удачливом бизнесе лежит человеческое спасение.

Эта разжигаемая ненависть распространяется далее на все живое, на саму жизнь, на мир, на его краски, звуки, формы, на человеческое тело — и ожесточенное искусство XX века гибнет от этой уродливой ненависти, — ибо искусство бесплодно без любви. На Востоке оно упало потому, что его сшибли и растоптали, на Западе оно упало добровольно, в издуманные претенциозные поиски, где человек пытается не выявить Божий замысел, но заменить собою Бога.

Снова, и тут, единый исход мирового процесса, совпадение результатов западных и восточных, и снова по единой причине: забыли — люди — Бога.

Перед натиском мирового атеизма верующие раздроблены и многие растеряны. А между тем и христианскому — бывшему христианскому — миру хорошо бы не упустить из зрения например вот Дальний Восток. Недавно мне пришлось наблюдать, как в Японии и в Свободном Китае — при, кажется, меньшей отчетливости их религиозных представлений, а при той же невозбранной "свободе выбора", как у Запада, — и общество, и молодежь еще сохраняются более нравственными, чем на Западе, менее тронуты опустожительным секулярным духом.

Что говорить о разъединении разных религий, если и христианство так раздробилось само в себе? В последние годы между главными христианскими Церквями сделаны примирительные шаги. Но они слишком медленны, мир погибает стократно быстрее. Ведь не слияние же Церквей ожидается, не смена догматов, но только дружное стояние против атеизма, — и для этого медленны те шаги.

Есть и организационное движение к объединению Церквей — но странное. Всемирный Совет Церквей, едва ли менее занятый успехами революционного движения в странах Третьего мира, однако слеп и глух к преследованиям религии, где они самые последовательные, — в СССР. Не видеть этого невозможно — значит политично предпочтено: не видеть и не вмещиваться? Но что ж тогда остается от христианства?

С глубокой горечью я должен здесь сказать, не смею умолчать, что мой предшественник по этой премии в прошлом году, и даже в самые месяцы ее получения, публично поддержал коммунистическую ложь, вопиюще заявив, что не заметил преследований религии в СССР. За это надругательство над всеми погибшими и подавленными — пусть его рассудят Небеса.

Сегодня все шире нам видится так, что при самых изощренных политических лавировках — петля на человечестве с каждым десяти-

летием затягивается все туже и безнадежней, и выхода нет никому никуда — ни ядерного, ни политического, ни экономического, ни экологического. Да, очень на то похоже.

И перед горами, перед хребтами таких мировых событий кажется несоответственным, неуместным напоминать, что главный ключ нашего бытия или небытия — в каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении реального Добра или Зла. Но это и сегодня остается так: это самый верный ключ. Обещательные социальные теории — обанкротились, покинув нас в тупике. Свободные западные люди могли бы естественно понимать, что вокруг них немало и свободно вскормленной лжи, и не дать так легко себе ее навязать. Бесплодны попытки искать выход из сегодняшнего мирового положения, не возвратя наше сознание раскаянно к Создателю всего: нам не осветится никакой выход, мы его не найдем: слишком бедны те средства, которые мы себе оставили. Надо прежде увидеть весь ужас, сотворенный не кем-то извне, не классовыми или национальными врагами, а внутри каждого из нас, и внутри каждого общества, и даже в свободном и высокоразвитом — особенно, ибо тут-то особенно мы все это сделали сами, свободною волей. Сами же мы повседневным легкомысленным эгоизмом эту петлю и затягиваем.

Спросим себя: не ложны ли идеалы нашего века? И наша уверенная модная терминология? И от нее — поверхностные рецепты, как исправить положение? На каждом поприще их надо, пока не поздно, пересмотреть незамутненным взглядом. Решение кризиса не лежит на пути усвоенных ежедневных представлений.

Наша жизнь — не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей — и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно. Одни материальные законы — не объясняют нашу жизнь и не открывают ей пути. Из законов физики и физиологии нам никогда не откроется то несомненное, как Творец постоянно и ежедневно участвует в жизни каждого из нас, неизменно добавляя нам энергии бытия, а когда эта помощь оставляет нас — мы умираем. И с не меньшим же участием Он содействует жизни всей планеты — это надо почувствовать в наш темный, страшный момент.

Опрометчивым упованиям двух последних веков, приведшим нас в ничтожество и на край ядерной и неядерной смерти, мы можем противопоставить только упорные поиски теплой Божьей

руки, которую мы так беспечно и самонадеянно оттолкнули. Тогда могут открыться наши глаза на ошибки этого несчастного XX века, и наши руки — направиться на их исправление. А больше — нам нечем удержаться на оползне, ото всех мыслителей Просвещения — не набралось.

Наши пять континентов — в смерче. Но в таких испытаниях и проявляются высшие способности человеческих душ. Если мы погибнем и потеряем этот мир — то будет наша собственная вина.

А. Солженицын не нуждается ни в том, чтобы быть представленным, ни в похвалах. Хорошо нам, а не ему, что изредка нам дается возможность вновь обрести его, вернуться, хоть на время, к нему, к его виденью, к его слову.

К нему. В наше время, отмеченное нравственной дряблостью, постоянной готовностью идти на сделку со злом, самостью и, часто, сведением жизни к сомнительным поискам счастья, он открыл нам подлинную красоту и глубину человеческой жизни, целиком посвященной этическим и духовным ценностям. В одиночестве, в заключении, когда его травили или когда он болел раком, он никогда не отказывался от борьбы за свою родину, за свой народ, лучше — за все человечество.

К его виденью. Ему было дано не только бороться и высказываться, но, выше всего, воплотить и выразить словом его видение жизни. Его "Архипелаг ГУЛаг" останется, я уверен, книгой века, вехой для всех тех, кто хочет строить жизнь согласно высокому нравственному идеалу, исполнить самих себя в вере и жертве.

И, наконец, к его слову, к его призыву, обращенному ко всем нам: жить не по лжи.

Многие сегодня, почти десять лет после его чудесного появления на Западе, ставят под сомнение и его как человека, и его виденье, и его слово.

Значительное движение, не только в его стране, но и здесь, среди нас на Западе, старается опорочить его, представить его анахроничным защитником прошлого и пустого мировоззрения. Но мы знаем, что мир никогда не прислушивался к пророкам, посланным ему, ненавидел и преследовал их. Для нас, христиан, конечная победа завершилась на Кресте.

Для меня это большая честь быть тут и делить с вами уверенность в том, что Солженицыну нечего тревожиться. Его виденье, его слово, он сам целы, и ничто не может их уничтожить. Мы благодарим Бога, что он послал нам пророка. Мы благодарим Солженицына за его слово и виденье. С тех пор, что он появился, и наша жизнь, и даже весь мир в чем-то изменился.

И. А. ИЛЬИН

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?*

Глубокоуважаемый Николай Викторович!

Вы просили меня, чтобы я написал для Вашего журнала "о самом себе". Я понимаю это так, что мне следует формулировать для Ваших читателей мои жизненные воззрения и убеждения. Я делаю это с радостью. И при этом исхожу из вопроса: что нам делать? — нам, русским людям, верным России и ищущим путей к ее возрождению...

И вот, с самого начала нам надо признать, что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а духовный. Трудности хозяйственные и политические могут возникнуть и накопиться везде и могут обрушиться на каждое государство. Но каждому народу даются духовные силы именно для того, чтобы преодолевать эти трудности и творчески справляться с ними, не впадая в разложение и не отдавая себя на соблазн и растерзание силам зла... Но в роковые годы первой мировой войны (1914–1918) русские народные массы не нашли в себе этих необходимых духовных сил; эти силы нашлись только у героического меньшинства русских людей; а разложившееся большинство, — ибо за вычетом пассивно-нейтральных "хороняк" это было, повидимому, большинство, — соблазнилось о вере, о церкви, о родине, о верности, о чести и о совести, пошло за соблазнительями, помогло им задавить, замучить и выбросить за рубеж верных и стойких, а само было порабощено на десятки лет своими соблазнительями.

Политические и экономические причины, приведшие к этой катастрофе, бесспорны. Но сущность ее гораздо глубже политики и экономики: она духовна.

Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости.

* "День русского ребенка", вып. XVI (1949).

И. А. Ильин (1921–1922)
Картина М. В. Нестерова, известная под названием "Мыслитель"

Кризис русской чести и совести. Кризис русского национального характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры.

Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и возобновит свою славную национальную историю. Но для этого ему необходимо прежде всего свободное дыхание воли и разума; — и честные, верные слова диагноза, целения и прогноза. А это дыхание отнято у него в России — уже тридцать лет. Оно имеется только у нас, за рубежом, и то далеко не у всех и не цельное. Отсюда наша величайшая ответственность перед Россией.

Мы не должны, мы не смеем упрощать и снижать проблему нашего национального возрождения. Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши упущения; признать их, и приступить к внутреннему очищению и исцелению. Мы не смеем предаваться церковным раздорам, партийным распрям, организационным интригам и личному честолюбию. Мы должны строить себя заново; внутренне, духовно; готовить те верные слова и те оздоравливающие идеи, которые мы выкажем нашим братьям в России, в глубокой уверенности, что мы и там найдем наших единомышленников, втайне все время помышлявших и радевших о России, о ее очищении и восстановлении.

После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеем никакого основания гордиться тем, что мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывавшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры.

Мы должны заново спросить себя, что такое религиозная вера? Ибо вера цельна, она строит и ведет жизнь; а нашу жизнь она не строила и не вела. Мы во Христа крестились, но во Христа не облекались. Наша вера была заглушена страстями; она была разделена и подорвана рассудком, который наша интеллигенция принимала за Разум. Поэтому мы должны спросить себя, что такое Разум и как добывается его Очевидность. Эта очевидность разума не может быть добыта без сердечного созерцания. Им-то Россия и строилась больше всего: из него исходила (в отличие от католичества и протестантства)

Православная вера; на нем покоилось в России верное правосознание и военная доблесть; им было проникнуто все русское искусство; им вдохновлялась ее медицина, ее благотворительность, ее чувство справедливости, ее многонародное братство.

И вот, созерцающая любовь должна быть вновь оправдана после эпохи ненависти и страха и вновь положена в основу обновляющейся русской культуры. Она призвана возжечь пламя русской веры и верности; возродить русскую народную школу; восстановить русский суд, скорый, правый и милостивый, и переродить русскую систему наказания; она призвана перевоспитать в России ее администрацию и ее бюрократию; вернуть русскую армию к ее суворовским основам; обновить русскую историческую науку в традициях Забелина; окрылить и оплодотворить всю русскую академическую работу и очистить русское искусство от советчины и от модернизма. И главное: воспитать в народе новый русский духовный характер.

Подготавливая это духовное возрождение в наших исследованиях, мы должны поставить перед собою и разрешить ряд вопросов глубокого, последнего измерения.

Почему так необходима и драгоценна человеку духовная свобода? Почему так важно воспитать в человеке самостоятельную и ответственную духовную личность? В чем сущность верного характера и как взрастить его в русских людях? Что такое христианская совесть и как осуществляется совестный акт? Почему надо беречь и держать в чистоте семейную жизнь? Как найти духовные основы и духовные пределы патриотизма и национализма? Чего требует справедливость — равенства или неравенства? Каковы суть аксиомы правосознания, нарушение которых разложит всякий режим и погубит всякое государство? Каковы суть необходимые аксиомы демократии, без коих ее нелепо вводить и бессмысленно поддерживать? В чем основы монархической власти, отсутствие которых погубит всякую монархию? Каковы суть аксиомы и задачи академического преподавания? Почему оно требует свободы для профессоров и самостоятельности от студентов? В чем состоит истинная свобода художника? В чем состоит художественность искусства? Почему ни одна отрасль духовной деятельности не терпит ни продажности, ни лести, ни личной, партийной и всякой иной закулисной протекции? В чем сущность здорового хозяйственного акта? Почему он требует свободной инициативы, частной собственности и братской щедрости? В чем состоит воочию обнаружившаяся антисоциальность социализма? В чем состоит противоестественность и отвратительность всякого тоталитаризма, — все равно левого или правого? В чем различие между авторитарным

строим и тоталитарным? Почему Россия выросла политически и духовно в авторитарном строе и стала мировой ранюю при тоталитарном порабощении? —

Ясно: вся, вся духовная культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых, национально-русских ответов... И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения; покаяться в своих соблазнах и в своем падении, неизмеримо величайшем, чем то, о котором взывал некогда Хомяков; вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений; но это будет осуществлено и достигнуто.

А теперь позвольте мне сказать два слова о себе лично.

На протяжении всей моей жизни, с тех пор как я приступил к самостоятельным научным исследованиям, я работал именно в этом направлении. Ибо я понял политические опасности России еще во время первой революции; я увидел соблазнительность новой русской поэзии и новой русской публицистики в годы, предшествовавшие первой мировой войне; и пережил крушение России кровью сердца и пять лет изучал большевизм на месте. И в советских тюрьмах давал себе клятву идти безоглядно по пути этих исследований.

Но я не торопился писать и печатать мои книги. Так, мое исследование "О сущности правосознания", законченное в 1919 году, читанное в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсужденное не раз в заседаниях московского юридического общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры, доселе еще не увидело света. Я давал моим трудам спокойно вызреть в течение десятилетий. У меня есть темы, вынашивающиеся по тридцать лет ("Учение о духовном характере", "Аксиомы религиозного опыта") и по сорок лет ("Учение об очевидности", "Монархия и республика"). Я возвращался к каждой теме по многу раз, через пять-шесть лет, и все время накапливал материал; потом садился писать, записывал все, что было зрело, и снова откладывал. Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю — одну книгу за другою и даю их читать моим друзьям и единомышленникам. Эмиграция этими исканиями не интересуется, а русских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь

убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России.

Июнь, 1948

ПУТЬ ЖИЗНИ

Родился 28 марта 1883 г. в Москве. Среднее образование – в пятой и первой московских классических гимназиях. В 1901–1906 юридический факультет Московского Университета. 1906–1909 гг. подготовка к магистрантскому экзамену. Декабрь 1909 г. пробные лекции и звание приват-доцента по кафедре истории философии права. 1910 г. чтение первого курса в Московском Университете. 1910–1912 заграничная командировка (Германия, Франция, Италия). 1912–1922 г. преподавание в Московском Университете и многих других высших учебных заведениях Москвы. 1918 г. защита магистерской диссертации "Философия Гегеля": степень доктора государственных наук. 1921 г. избрание в преподаватели историко-филологического факультета; избрание в председатели Московского Психологического Общества. – После процесса в революционном трибунале и нескольких арестов – в августе 1922 года приговор по 58 статье с заменой пожизненным изгнанием. С октября 1922 года – жизнь в эмиграции. 1923–1934 г. профессора в Русском Научном Институте в Берлине. Публичные выступления в Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Чехии, Югославии, Латвии и Эстонии. В 1934 году – лишение кафедры за отказ преподавать, следуя партийной программе национал-социалистов. 1934–1938 г. доносы и преследования усиливаются; конфискация печатных работ и полный запрет выступлений. Июль 1938 г. – переезд в Швейцарию. Лекции в швейцарских Народных Университетах и ученых обществах. Ученые и литературные работы.

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ (1881–1962)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ*

В тяжелые дни, которые я переживаю, я испытываю чрезвычайную потребность пересмотреть свою жизнь в отношении к Церкви.

Мне хочется проверить все то в себе, что привело меня к изгнанию из родины. Я не знаю, к чему я приду, когда опишу все, но я хочу ничего не утаивать от себя, – я хочу полной и искренней исповеди в своем отношении к Церкви за всю свою жизнь. Я до сих пор верю, что я и мои друзья шли верным путем. Но недавно, когда я пересматривал всю вторую часть своих воспоминаний, относящихся к личной, интимной жизни моей, мне стало ясно, какую огромную долю в тех страданиях, которые испытал я и те, с кем был я связан здесь, внес я сам. . . Я не хочу себя и здесь щадить, я пишу прежде всего для себя – я хочу правды, полной, всецелой правды. Помогите мне, Господи, в этом деле!

Глава 1

Из отрывочных детских воспоминаний своих я с трудом мог бы восстановить детскую религиозность. Последние два года перед смертью отца, т. е. около 9 лет, я часто ходил с ним в церковь – он был церковным старостой, и я чрезвычайно любил вместе с ним ходить в церковь. Служба меня, сколько помню, не утомляла, но и не увлекала. Своих детских молитв я не помню. Никаких ярких следов этот детский период в моей религиозности не оставил.

11 лет я поступил в гимназию – и первый год был на "частной" квартире. По воскресеньям, помню, я ходил со старшими в церковь; мне запомнилось, как мы ходили в Софиевский собор, в Михайловский, в Покровский монастырь, в Железную церковь. Я пережил этот год очень тяжело; разлука с семьей была для меня невыносимо тяжелой. До сих пор живо помню то внутреннее отталкивание от города, тот "мистический" ужас, который во мне возбуждали безжизненные, как

* Печатается впервые, с небольшими сокращениями, по рукописи, обрывающейся на полуслове. Согласно некоторым указаниям, воспоминания написаны были в Белграде в 1921 г. Конец рукописи утерян. – Прим. Ред.

мне казалось, чужие и "холодные" здания. Но когда мама уехала в Ямполь, и я остался один в Киеве (впрочем, в Институте была старшая сестра Валя, с которой мы могли видеться по воскресеньям), то долго-долго я не мог прийти в себя. Много дней я плакал, когда оставался один.

В 1893 г. я поступил в пансион, стал певчим, каждую субботу и воскресенье стал ходить в церковь. В феврале 1894 г. умер скоропостижно мой отец, но мне об этом сообщили лишь через месяц — приехали мама и Валя. Помню свою детскую тоску, свое горе, сознание, что я никогда не увижу больше отца, что его похоронили без меня, давило меня чрезвычайно. Года четыре перед этим — я пел в хоре городского училища в Ямполье — мне впервые пришлось быть на похоронах дочери дьякона. Никогда не забуду двух врезавшихся переживаний: лежавшая неподвижно в гробу, казалось, перешла в ведение Церкви, и это выражалось в каком-то странном "торжестве": гроб был богато украшен, горели свечи, служили панихиды. Я не понимал смысла смерти, но понял лишь одно — что из обычной, всем понятной формы жизни эта девушка перешла в другую жизнь, в которую можно входить лишь через Церковь. Песнопения Церкви при погребении печальны, но в них есть и свои торжественные стороны. Церковь идет навстречу *людскому* горю, но сама она при смерти человека *не теряет* его, наоборот, еще ярче и полнее власть Церкви над душой, когда она уходит от земли... И от печальных, но спокойных, порой торжественных (как напр., торжественно и победно звучит погребальное "Святый Боже", плывущее над движущейся толпой, над гробом, над смертью!) песнопений на меня веяло *каким-то мистическим ужасом*, живое ощущение которого сохраняется во мне и доньше. Да, Церковь спокойно, победно поет о жизни после смерти, за гробом, но моя детская душа металась в скорбном страхе перед неведомой страной, где бессильны живые люди, где нельзя держаться за близких, любимых, куда всякий должен идти *по одиночке*. И это ощущение мистического ужаса перед тайной смерти усиливалось другим глубоким впечатлением — горя у дьякона, отца покойной. О, как и до сих пор живо ощущаю я то, что в нем почувствовал я тогда — эту давящую скорбь, что умерла дочь, и решительную непоправимость смерти, *бессилие* вернуть ее к жизни и страшный порыв умереть с дочерью. Дьякон стал как безумный: перед тем как закрывали гроб, он бросился к гробу с криком и рыданием. Его схватили, но он метался в безумии... А над всеми плыли скорбные, но спокойные, печальные, но торжественные звуки, словно говорившие: теперь она в целом наша — примирилась с вечной разлукой...

Когда я узнал о смерти отца, я ощутил тот же ужас перед страшной властью смерти, — но особенно горько и невыносимо было сознание своего сиротства, сознание, что я никогда не увижу отца... Не помню того, какие религиозные отзвуки вызвала в душе моей смерть отца, но думаю, что эти отзвуки были и что выразились они в молитве и слезах...

Когда я летом приехал домой, в доме было грустно и пусто. Я чувствовал, как глубоко перестрадала мама смерть отца... И как было странно, что хотя мы занимали ту же квартиру, но что в усадьбе распорядился уже новый начальник училища...

Когда я был уже в третьем классе гимназии (мне было 14 л.), то как раз от этого времени остались во мне самые глубокие и задушевные религиозные воспоминания. Помимо того, что тут был какой-то внутренний религиозный рост, — в высшей степени благотворным обстоятельством было то, что как раз в это время мы изучали богослужение. Законоучителем у нас был о. Андрей Иванович Коровицкий; он не умел нас увлекать религиозным одушевлением — в нем всегда мы чувствовали учителя, чувствовали начальство. Холодком, строгостью, даже подчас суровостью нередко веяло от него. Но он хорошо говорил — в частности, его толкования богослужения глубоко запали мне в душу, а главное глубоко меня захватывали: когда я бывал в церкви — я до сих пор живо помню это, — богослужение было полно глубокого, захватывающего смысла, я сливался с тем, что происходило в церкви. Это слияние с церковной службой разрыхляло почву для мистической жизни, учило меня от слов, от песнопений как от символов подыматься к Богу. Меня увлекала церковная служба: ее поэзия, ее внутренний смысл, ее глубокая связь с тем, над чем грустит и размышляет наш ум — со смыслом жизни, с смертью, — все это питало меня. Мне было *сладко* в церкви! Я помню, как замирала моя душа на литургии верных, как отрывалась она, следуя дивным звукам песнопений, от "земных попечений". Очень нравилась мне, помню, вечерняя служба, — в ней была иная поэзия, — она по-иному нравилась мне...

Я много читал в это время. Когда я перешел в 4-й класс, во мне была потребность серьезного чтения — в лето 1895 г. я впервые стал читать Белинского, статьи которого меня чрезвычайно увлекали; одного я не мог понять — и это отчетливо мне запомнилось — как такой умный, глубокий человек, как Белинский, мог относиться к христианству, как к чему-то угасающему и угасшему! Выше Христа, выше Его учения я не мог ничего представить себе, и мне было очень грустно, что Белинский, личность которого я так полюбил, что он не понимал, не чувствовал Христа...

Я не помню, как и почему во мне начала тускнеть религия — но я сам приписываю это (насколько я прав, решительно не могу сказать, за отсутствием определенных воспоминаний по этому поводу) исключительно влиянию "духа времени". Что я читал, будучи в 4-м классе — я не помню; отчетливо я помню лишь, что когда в 5 классе я прочитал с увлечением и запоем всего Писарева (6 томов), то он завладел мной решительно и *без сопротивления*: от религиозного миропонимания, как оно было у меня, не осталось и следа. Разумеется, не один Писарев произвел этот переворот: если еще летом 1895 г., читая Белинского и скорбя о том, что он не поклоняется Христу, чувствовал я несовпадение христианского миропонимания (которое у меня под влиянием З. Б. сложилось) и современного взгляда на вещи, — то ясно, что дальнейшее погружение в современную культуру еще больше раздвигало это несовпадение. Писарев не пришел ли в моей душе уже на пустое место? Не помню точно; лишь через несколько лет, как это будет видно дальше, началась во мне борьба за религиозное мироотношение. . . В эти же годы — в 1896 г. и дальше — я впервые составил себе некоторое мировоззрение. Действительно, в статьях Писарева я нашел и понимание природы, и учение о человеке, и философию истории, и этику, и педагогику. Все это было проникнуто такой верой в жизнь, таким бодрящим, здоровым, увлекательным оптимизмом, верой в творческие силы человека, в его безграничную мощь, что я отдался всей душой тому, что находил у Писарева. Помню то глубокое впечатление, какое во мне оставило *сознание условности и относительности* религиозного мироотношения. Моя детская религия была проникнута верой в то, что Бог не только существует, но что Он слышит наши молитвы, что между Богом и человеком возможно общение. Учение же о том, как *развиваются* религиозные представления, учение Канта о трех фазах (причем, религиозная рисуется как самая низшая), не отрицая религии на известной ступени развития, выдвигает мысль о том, что, войдя в современную культуру, мы уже не нуждаемся в Боге. Зыбкость, релятивность религиозных представлений возбуждали сомнение в ценности их со стороны их содержания. История же насильственного обращения в христианство, фанатизма и необходимости веротерпимости — все это ярко и сильно рассказано у Писарева, — рисовали религиозную жизнь *как таковую*, т. е. независимо от того, каково ее содержание, — как не только низшую, но и опасную форму жизни.

Так или иначе, уже в 5 классе гимназии, т. е. в 1896—1897 гг., я не только отошел от религии, но стал постепенно увлекаться идеей *борьбы* с религиозным мировоззрением, которая меня увлекала

несколько лет. Правда, очень скоро я стал хорошо отдавать себе отчет в том, что я потерял в религии, — но пока в *сознании* моем не была преодолена мысль, что религия является низшей, угасающей и опасной формой мироотношения, эта *тайная* борьба за религию, происходившая во мне, ни к чему не вела.

Глава 2

Уже в 7 классе гимназии я стал заниматься философскими вопросами. Хорошо помню я влияние, которое на меня имели две книги: проф. Грота "Очерки развития новой философской мысли" и особенно Гефдинга "Очерк психологии, основанной на опыте". Обе эти книги навсегда определили тот интерес к общим вопросам, который проявлялся у меня уже при чтении Белинского и Писарева, — а вместе с тем обе они укрепляли меня не только в *внерелигиозной, но и антирелигиозной позиции* моей. Особенно глубокое впечатление оставила во мне книга Гефдинга, и как раз не тем тонким психологическим чутьем, которое я стал позже в ней ценить, а тем общим включением психического мира в систему природы, которое мы находим у него. Самый метод — выведение высших форм из низших — казался мне совершенно правильным, и я написал уже на первом курсе в Университете очерк, где я пытался разрешить проблему *возникновения сознания* на почве эволюционного миропонимания. Выведение не только высшей духовной жизни из элементарных данных опыта, но производность самой психики, ее принципиальный эпифеноменизм казались мне стоящими вне всякого сомнения; в этом смысле я склонялся последовательно к теоретическому материализму. Позже — когда я писал свою диссертацию "Проблема психической причинности", я понял, что я верно воспринял основные идеи и тенденции науки вообще и психологии в частности. . .

Но странное дело — в то время как сознание мое с энтузиазмом и непонятным подъемом работало в направлении обесценения духовной жизни и психики вообще — в глубине моей души обозначался и все резче выступал тяжелый внутренний конфликт. Для меня все яснее выступало роковое, обесценивающее значение моих теоретических взглядов для внутренней моей жизни, — и на всю работу моего сознания стал ложиться какой-то пессимистический и даже трагический отпечаток. Я не мог, я не хотел отказаться от своих духовных запросов, от того напряженного этического идеализма, который проникал все мои мысли. Как раз в это время я мечтал

всецело отдаться делу народного просвещения, много читал по вопросам педагогическим, интересовался и жил той широкой общественно-политической перспективой, в которую меня увлекали разные книги. Меня никогда не тянуло в подпольную революционную работу, но революционный дух увлекал меня, звал меня на борьбу с невежеством, с темными силами. Я презирал монархию, мечтал о республике, мечтал о светлом дне русского просвещения: меня привлекало жертвенное служение народу, этот привкус народничества, как раз особенно сильного в годы пребывания в 7–8 классах (1898–1900 гг.), навсегда остался в моей душе. Душа жила глубокой поэтической жизнью, — а сознание в это же самое время напряженно и лихорадочно работало в направлении материалистического монизма. "Из страха истины себе я не солгу" — этот трагический вопль Надсона находил в моей душе глубокий отзвук, — я не хотел и не мог пожертвовать тем, что считал я истиной, чему я, как рыцарь верный, хотел служить, но не мог пожертвовать и всем тем, что так наполняло и одушевляло мою внутреннюю жизнь. Помню, как в драматических отрывках, писанных мною в 1899–1900 гг. (последний год пребывания в гимназии) я вкладывал в уста героя горькую тираду о том, что, в сущности, все то, что так светит душе, так увлекает, наполняя ее поэзией, переживается ею как прекрасное, бесценное создание жизни — что вся эта внутренняя жизнь, горящая таким чистым и ясным пламенем, гордая таким высоким идеализмом, — что все это — пустое создание нашей фантазии, все есть иллюзия, в основе своей имеющая чрезвычайно простую и грубую цепь явлений. Раздвоение моего духовного и теоретического сознания мешало мне, раздражало меня, я не мог отречься ни от одного, ни от другого направления в своей душе — оттого и культ свободы, и вера в человечество и прогресс, и напряженное искание жертвенного служения народу — приобретали какой-то пессимистический характер. Оба течения во внутренней жизни были одинаково сильны и одинаково казались неискоренимы; печать скорби, порой даже отчаяния была на всей моей внутренней жизни, следы чего сохранились и кое в каких отрывках, писанных в то время. Я страшно напоминал самому себе впоследствии, когда обращался мыслью к этому периоду, Дмитрия Карамазова, которому было "жалко Бога", после того как он уверовал в то, чему его учил брат Иван — что Бога нет. Так и я — не только не веровал в Бога, но вообще считал, что жизнь есть слепой, бессмысленный, по законам слепой необходимости развивающийся механизм, считал, что все наши искания смысла жизни, смысла мира есть атавизм, есть фиктивная и неразрешимая задача; я сам хотел с непонятным пылом раз-

рушать последние иллюзии. И в то же время я глубоко чувствовал — по крайней мере в пределах того, с чем была связана моя личность — не только смысл, но и красоту, и правду идеальных устремлений в человеке — в его любви, в его служении другим людям. Если добро, красота — иллюзии — то я не мог и не хотел от них отказываться; я жил ими, с страстью, всегда и во всем мне присущей, я всей душой, всей жизнью своей отдавался именно этим иллюзиям...

Религиозные, церковные переживания и запросы словно ушли в подвал души — но в сущности под покровом борьбы теоретического и духовного сознания шла борьба и за религию, за веру. Когда эта борьба кончилась, нужны были чисто внешние благоприятные обстоятельства для того, чтобы я вернулся к неизжитой вере.

Борьба, шедшая во мне, подготовила теоретическую восприимчивость во мне к кантианству, очень глубоко повлиявшему на всю мою дальнейшую духовную жизнь. Еще в лето 1900 г. (как раз по окончании Университета) я читал "Историю материализма" Ланге; эта книга, так сказать, утончала и углубляла мои замыслы в духе материалистического монизма, но она же и приближала меня и к Канту. В 1901 г. я все еще шел в старом направлении и взялся писать весной 1901 для семинара проф. Г. И. Челпанова реферат "Этическая система Т. Спенсера". Кант уже заметно влиял на меня — и в 1902 году во мне уже начался философский перелом. Больше всего на меня повлияла книга Паульсена "Введение в философию", которая с таким изяществом, с такой проникновенностью и широтой выдвигала кантовское учение о мире между наукой и религией. *Для всей духовной жизни открывалось в моем сознании свое достойное место; даже религия приобрела для меня внутреннее содержание, внутреннюю ценность, и хотя я лично до весны 1903 года оставался на позиции религиозно-философского релятивизма, но внутренне готов был легко перейти и в этой области к тому "критическому догматизму", а точнее говоря, "догматическому критицизму", который позволяет Канту совмещать в его системе абсолютное знание с условностью.*

Весной 1903 г., на Пасху, я имел знаменательный разговор с В. Н. Лашинюковым, — от которого пошел во мне новый период моей религиозной жизни. В. Н. Лашинюков, служивший тогда на скромном месте сотрудника еженедельника, издаваемого Синдикатом Сельскохоз. Промышл., где служил мой брат, принадлежит к числу замечательнейших людей, каких я встречал в своей жизни: он был необыкновенно типичен в своем *вольном пастырстве*. Давно придя к сознательному ортодоксализму, он всюду, где возможно, старался направить умы к Богу вообще, к Христу в частности. С удивительной

ясностью усвоив целый ряд лучших трудов, имевшихся на русском языке, по апологетике, по философии религии, по истории христианства, он обладал замечательными диалектическими способностями и чрезвычайным умением связывать религиозные идеи с общественными запросами, с общественными движениями. Обладая большим художественным дарованием, Лашнюков всю свою жизнь разменивался на мелкую монету, а его единственный крупный религиозно-художественный труд — Царь Давид — оставшийся в рукописи, утерялся. Когда чьей-нибудь любящей рукой будут собраны лучшие статьи, стихотворения на религиозные темы, написанные Лашнюковым, — и это должно быть когда-либо сделано, — его творчество, высоко ценимое людьми, близко к нему стоящими, найдет, надеюсь, более широкое признание.

Была Пасха 1903 г. — первый день. Как всегда, я был накануне в церкви, хотя я давно отошел от церкви душой, хотя в последние два года я никак не мог пойти дальше общего религиозного настроения и оставался в глубоком убеждении, что христианство есть тускнеющая религиозная система, — но я любил обрядовую сторону пасхального служения, я не хотел давить в себе тот не вполне понятный для меня самого внутренний подъем, который я переживал на Пасху. Я любил Пасху и в годы, когда душой я был вне Церкви.

Около 3-х часов дня — помню отчетливо этот знаменательный день в моей жизни, я вернулся домой после нескольких визитов и застал у себя худого человека с лицом литератора или художника, с горящими вдохновением глазами... То был В. Н. Лашнюков, которого я раньше не знал и который пришел со мной познакомиться, слыша раньше обо мне от моего брата, служившего вместе с ним. После небольшого общего разговора мы незаметно обратились к религиозно-философским темам, — и я с полной откровенностью и определенностью высказал В. Н. свой взгляд на религию (в духе Паульсена). К христианству я относился как к высшей, но все же преходящей форме религии... На этом и сосредоточился весь наш разговор. Лашнюков прямо и открыто заявил, что он верует в Христа Воскресшего, и начал тут же с замечательным, присущим ему мастерством, излагать основания, взятые им из апологетики, не только о возможности, но и о необходимости верить в Христа Воскресшего. Он развивал идеи исторического христианства и в то же время настойчиво развивал идею "экспериментального" богословия, — говорил о том, что, по слову Христа, мы должны жить согласно заповедям Его — и тогда только мы можем узнать, от Бога ли они... Если бы я сказал, что я был заинтересован тем, что я слушал, с напряженным вниманием, не

прерывая Лашнюкова, в течение 3 часов, то это было бы слабым и недостаточным выражением того, что я пережил в эти часы и что совершенно изменило направление моей духовной жизни: я был захвачен его словами. Я ничего не мог противопоставить блестящей аргументации Лашнюкова, которая отбрасывала все мелочи и прямо подходила к самым трудным и глубоким сторонам вопроса, — и в то же время я настолько внутренне уже созрел, что я не боялся того, куда меня может завести углубление в вопросы, поднятые Лашнюковым. Эти вопросы были так важны, их положительное решение настолько меняло обычную постановку проблем жизни, — что я не боялся известного "метафизического риска", сопряженного с следованием за тем, что раскрывал передо мной Лашнюков. Да, я ощущал этот "риск", я хорошо понимал, что в момент, когда затронуты Лашнюковым вопросы предстали передо мной, я не могу, не смею и не хочу отступать перед тем, куда приведет меня решение их, но что я в то же время подхожу к какому-то краю, к поворотному пункту. Оглядываясь назад, я понимаю, что это высшее и безусловное следование истине, куда бы она ни привела меня, осталось во мне как продукт всецелой преданности Богу, которая присуща всякой религиозности, которую я знал ребенком. Если истина во Христе — я пойду за ней к Нему! То, что говорил мне Лашнюков, еще не убеждало меня в том, что истина во Христе, но оно заставляло меня заняться изучением Евангелия, жизни и учения Христа. Перспективы, к которым звало изложение Лашнюкова, были слишком ценны и глубоки, чтобы я, оставаясь честным рыцарем Истины, смог бы отвернуться от изучения, от углубления в христианство. Ничто, ничто не могло удержать меня в этот момент от того духовного сдвига, который намечался предо мной в этот момент. И чем "страннее" было оно в той духовной атмосфере не только неверия, но и признания христианства за отжившую форму религии, в которой я жил, — с тем большей решительностью и настойчивостью хотел я стучаться в те двери, которые в детстве были открыты передо мной... Я должен прямо и искренно сказать: я возвращался к христианству своей мыслью, — и в этом повороте Господь помог мне выпутаться из тины мелких, близоруких и ограниченных построений нашего времени — через Лашнюкова, — но это был пока лишь поворот *внимания*, это был чисто мыслительный сдвиг. Я не знал еще, приду ли я к тому положительному решению вопросов христианства, которое наполняло таким одушевлением и энтузиазмом Лашнюкова; я не думал о том, что принесет с собой, к чему обяжет, чем зажжет меня это положительное решение вопросов христианства: я знал одно, что я должен быть честен как в

в вере, так и в неверии, что я должен быть честен в своих сомнениях, что личность Христа, Его жизнь, Его смерть — заслуживают того, чтобы тщательно и внимательно их изучить. Образ Христа, когда-то столь близкий, столь дорогой, вновь вставал передо мной; я еще не знал, поклонюсь ли я в Нем Богу, но я знал, взволнованно ощущал в воскресавших, пробуждавшихся чувствах, что во всем мире, в человеческой истории явление Христа есть самое великое, самое чудесное и пленительное явление. И если этот Учитель жизни, сладкую близость которого словно я стал ощущать трепетавшей душой в огненной проповеди Лашнюкова, если Он называл Себя Сыном Божиим, если Он звал к проверке в опыте Его правды, — неужели я мог уклониться, неужели я мог забыть о Нем. Детская религиозность не возвращалась еще, но она звучала каким-то музыкальным обещанием — она вновь подымалась в своей музыке, в своей мистической восторженности. Я любил Христа — хотя так был еще далек мыслью от Него — и когда слушал я речи Лашнюкова, дышавшие таким энтузиазмом, я ощутил в себе правду этого энтузиазма, я отозвался на него. . . Да, да, Христос — это высшее, что было на земле! Ему поклониться звало непобедимое чувство — поклониться в духе и истине. Истина о Христе — вот перед чем я стал, во что я должен был войти. . .

Все значение духовного сдвига, происшедшего так внезапно, так чудесно под музыку, в которую с такой жадностью, с таким упоением вслушивался я в вдохновенной и полной энтузиазма речи Лашнюкова, — заключалось в том, что мысль моя, моя духовная работа обращалась к историческому Христу. Не общая религиозная мистика светила мне, не она зажигалась во мне, — а влечение ко Христу, как Он явился в конкретной исторической обстановке. . .

Незабвенный день! Оглядываясь на него, я чувствую благую руку Промысла, которая извлекала меня из темных и узких коридоров лабиринта, в котором я блуждал. Еще не было веры в сердце моем — но поворот к Богу вдруг — чудесно и мгновенно — осуществился во мне. Духовный поворот во мне происходил в условиях полной духовной свободы: ничто, ничто, никакая тревога, — личное горе, скорбь не отвлекали моего сердца в те дни и недели, когда я лихорадочно углублялся в Евангелие, в богословские книги. Вера во Христа, с исключительной силой, ясностью и быстротой зревшая во мне в эти дни и недели, зрела на полном духовном просторе. Благословение Промыслу, сподобившему меня пережить с такой яркостью и полнотой всю правду и ценность и красоту Христианства! Да благословит Господь и В. Н. Лашнюкова, который первый напомнил

мне, ушедшему в работу отвлеченной мысли, о Живой Звезде, зажженной на небосклоне в начале нашей эры, помочь моему духу поднять свой взор и поклониться той Живой Звезде — Христу Спасителю!

Глава 3

Еще в 1900 году летом, т. е. за три года до описываемого моего сдвига в духовной жизни моей, я по совершенно случайному, но неотвратимому поводу занялся анализом литературного и теоретического творчества Гоголя. Тогда же летом я убедился, что в Гоголе не было столь глубокого сдвига, как это обычно рисуется в его биографии. Я изложил свое понимание душевного развития Гоголя в небольшом этюде, который однако остался у меня без употребления. На втором курсе естественного факультета (т. е. осенью 1901 г.) я обратился к ныне покойному проф. Н. П. Дашкевичу, практические занятия которого я неизменно посещал, чем он дорожил и что ценил (в его аудиторию часто заходили студенты других факультетов, что он очень любил), — с просьбой просмотреть две тетрадки, написанные мной, и сказать мне, заслуживает ли то, что я написал, разработки или его можно без всякого сожаления бросить. Просмотрев мои тетрадки, Н. П. Дашкевич отнесся с большим сочувствием к общей концепции, намеченной там, и рекомендовал мне заняться изучением вышедших тогда писем Гоголя, а из литературы о Гоголе ограничиться только 4 томами Шенрока. Я упоминаю об этом потому, что думаю, что изучение писем Гоголя, оставившее такой глубокий след в целом ряде моих умонастроений, несомненно разрыхлило почву в душе моей, подготавливая ее к религиозному возрождению; насколько помню, особенно глубоко подействовали на меня письма того периода религиозной жизни Гоголя, когда она была отмечена глубоким эстетическим восторгом и энтузиазмом перед той внутренней красотой, откровением которой служит религия. Семена, посеянные этими письмами Гоголя, взошли значительно позже — но там, в глубинах души, где намечаются и осуществляются важнейшие события нашей духовной жизни, они действовали очень глубоко. Весь тот процесс религиозного пробуждения, который начался во мне после знаменательного разговора с Лашнюковым на Пасху 1903 г., шел быстро и захватывал все более широкие сферы духовной жизни, *не встречая особого сопротивления в моей душе*. Я считаю, что к этому пробуждению я в значительной мере был подготовлен чтением писем Гоголя, своеобразная музыка которых никогда не переставала звучать в моей душе. . .

После беседы с В. Н. Лашнюковым я прежде всего обратился к Апологетике нашего проф. богословия П. Я. Светлова. Курс этот очень недурен — и хотя меня совершенно не удовлетворила гносеологическая и философская сторона книги Светлова, но зато очень много дала и глубоко повлияла чисто апологетическая часть его труда. Не частности, не отдельные апологетические построения увлекли меня, — сколько самый дух книги, перед которым я не мог не склониться. Тот пессимистический культ истины, какой бы она ни была ("Из страха истины себе я не солгу", — говорил любимый в мои гимназические годы поэт Надсон), закалил во мне честное отношение к Истине. Я не боялся идти до самых страшных и неожиданных выводов, я не боялся чудачества, не боялся того, как посмотрят, что скажут другие люди: я знал одно — честное поклонение Истине, смелое исповедание ее... Эта черта моей духовной жизни была бесценным подспорьем в моем религиозном пробуждении: решительно не знал того, что называют "трусостью в мышлении". И когда я прочитал книгу Светлова, я не побоялся себе признаться, что она убедила меня в основном — что человек Иисус, основавший высшую в мире религию, не только сам считал себя Единородным Сыном Божиим, но в делах своих и особенно в воскресении своем явил себя Богом. Я не мог бы сказать, что я *поверил* в Христа, это еще не был акт веры, — ибо вера, как выражение мистических встреч с Богом, как выражение религиозного опыта, вошла во мне значительно позже, — но я убедился, что явление Христа, Его смерти и воскресения есть *несомненные* исторические факты. Все предрассудки, предубеждения, которые так характерны для научного духа нового времени и которые *заранее* (т.е. *недобросовестно*!!) отвергают Богоявление в мире, не проверив всего того, что говорит об этом, *для меня перестали существовать*. Я еще ничего не вмещал, еще во многом сомневался, многое не мог принять, но во мне сложилось зато непоколебимое убеждение, что позиция современной науки, которая отвергает участие Бога в мире, а потому заранее в Иисусе видит только человека, не только ложна, но главное *недобросовестна*.

Впечатление, произведенное книгой Светлова на мою умственную жизнь, имело огромное *освобождающее* влияние на мою духовную жизнь. Если психологически я был подготовлен к пониманию религии как воспоминаниями детства, так и изучением Гоголя (я вспомнил сейчас, что как раз в лето 1902 г., т.е. за год до этого, я впервые перечитал *Les Misérables* Гюго; книга эта произвела во мне огромный внутренний сдвиг, тогда еще мало осознанный — в сторону мистики. И если до сих пор роман Гюго, прочтенный с тех пор не менее 3 раз с новым

восторгом и волнением — является с моей точки зрения лучшим произведением всех литератур, — то изучение Светлова показало мне всю сложность и глубину религиозно-философских и религиозно-исторических проблем христианства). Непосредственно после Светлова я перешел к изучению Влад. Соловьева. Чем дальше я читал Соловьева, чем больше входил в его систему, тем больше она увлекала меня. Она имела в моей духовной жизни такое же значение — как в свое время чтение Писарева. Соловьев впервые во мне разбудил потребность в *законченном*, всеохватывающем философском синтезе. Хотя я никогда не был последователем Соловьева в подлинном смысле этого слова, но меня захватили проблемы Соловьева, как известно, охватывающие с одинаковой глубиной вопросы метафизики и гносеологии, философии истории и эстетики, этики. Особенно глубокое и несомненно не исчезнувшее доселе влияние имели на меня "Чтения о Богочеловечестве", хотя и замечательная книга Влад. Соловьева "Критика отвлеченных начал" тоже произвела сильное впечатление.

С осени 1903 г. начались более систематические занятия по философии религии, по истории религии. Почти каждый день я бывал в Публичной библиотеке, где брал книги по интересовавшим вопросам, брал между прочим и сочинения отцов Церкви. Из русских богословских книг на меня ярче всего подействовала книга Несмелова "Наука о человеке".

Как известно, в эти годы на страницах русских журналов стали появляться религиозно-философские статьи. Старое поколение философов религиозной жизни, как напр. Розанов, мне оставалось незнакомым — за исключением Влад. Соловьева, зато молодые течения — С. Булгакова, Бердяева, Мережковского — находили у меня самый живой отзвук. У меня окончательно стало складываться религиозно-философское мировоззрение — пока еще без возврата к историческому конкретному христианству, т.е. без возврата в Церковь. Христианство, вообще религия питала преимущественно мой ум, хотя медленно, как бы под спудом, робко и несмело просыпалось во мне религиозное чувство. Особенно хорошо помню я, как я стеснялся заходить в церковь. Удивительная и ныне уже ставшая мне непонятной черта! Я заходил в церковь украдкой, словно я совершал что-то "неприличное", "недолжное". И все же меня тянуло в церковь, тянуло настолько, что я стал почти каждый праздник заходить в церковь, забираясь куда-либо в темный угол.

Ныне покойный мой друг, Адам Карлович Шиманский, следил, помню, с живым интересом за моими религиозно-философскими интересами, которые были близки ему по преимуществу с эстетичес-

кой стороны. Мы часто беседовали с ним на темы религиозной метафизики и эстетики — в 1904 и 1905 году. Как известно, эти именно годы отмечены огромным общественным возбуждением, которое отзывалось во всех сторонах общественной жизни. К 1903—1904 году относятся и первые пробы литературного выражения духовного перелома, мной пережитого, — правда, робкие и неясные пробы, но все же дававшие толчок к духовной работе — это несколько статей в "Юго-западной Неделе", фактическим редактором которой состоял В. Н. Лашнюков, начавший печатанием очень интересной, хотя и неоконченной работы "Исповедь интеллигента". Там же, в "Юго-западной Неделе", если мне не изменяет память, впервые я познакомился с С. Н. Булгаковым, к которому меня тогда вовсе не влекло, о чем я скажу подробнее дальше. 1904—5 г. был уже временем напряженной литературной работы в газете "Голос Юга", выходившей под редакцией того же В. Н. Лашнюкова в Елисаветграде. Сначала я печатал там "в подвалах" большие философские фельетоны; помню сейчас отчетливо статью свою "На скользком пути", где я разбирал книгу Л. Шестова "Апофеоз беспочвенности". Как этот, так и другие фельетоны, помню, вызвали очень живое одобрение Г. И. Челпанова. Осенью и зимой 1905—1906 года я перешел на роль литературного обозревателя. Вся эта оживленная литературная деятельность давала мне повод все яснее и последовательнее развить синтез прогрессивно-общественного и религиозного мышления. К этому же времени, как это свидетельствует появившаяся в "Голосе Юга" статья о Чичикове, у меня вполне оформились религиозно-философские итоги изучения Гоголя.

Теоретическое углубление в новые вопросы, построение нового мирозерцания, с замыслом широкого синтеза (не без влияния Влад. Соловьева), подымали во мне творческое настроение, содействовали росту во мне духовной жизни. Но я все еще был далек от конкретной церковной жизни, все еще с робостью и стесненностью ходил в храм...

Глава 4

Весна 1906 года принесла несколько новых толчков в моем религиозном созревании. В марте 1906 г. В. Н. Лашнюков, поверив обещаниям некоего В. И. Винокурова, бывшего экспедитора "Киевлянина", очень увлекавшегося идеями В. Н. Лашнюкова о соединимости радикализма социально-политического с верностью Православной Церкви, — задумал издавать религиозно-народническую газету "Народ".

Мы много толковали с ним вместе и решили, что если обещает свое сотрудничество С. Н. Булгаков, недавний переход которого "от марксизма к идеализму" и Вл. Соловьеву, недавние яркие статьи которого в журнале "Вопросы жизни" обратили на себя всеобщее внимание, — что если С. Н. Булгаков согласится принять участие в газете, то стоит взяться за дело. В марте же месяце начались наши совещания с С. Н., которые закончились согласием его на эту работу. Я пишу здесь свои воспоминания и потому не хочу обойти вопроса об этих первых шагах своего сближения с С. Н.

Осенью 1904—1905 года С. Н. Булгаков собирал на свои лекции в Политехнический Институт (в Киеве) очень много публики кроме студентов-политехников. Особенно интересны были практические занятия, в которых принимали участие студенты. Народу собиралось так много, что наибольшая аудитория обыкновенно бывала совершенно заполнена. Был несколько раз и я, но мне не очень понравился тогда С. Н.: мне показался он недостаточно искренним и православным. Он как будто стеснялся сознаться аудитории в том, что он вернулся к Богу, и предпочитал укрываться за формы "религиозного мировоззрения" — "вообще". Может быть потому, что я сам в это время боролся в себе с застенчивостью, с отвратительной для меня самого смущаемостью, когда я посещал Церковь, но поведение С. Н., казавшееся мне выражением мелкой, недостойной трусливости, отталкивало меня. Мне казалось еще, что С. Н. слишком дорожит своей репутацией у молодежи, чтобы прямо и честно сказать ей о своем возвращении к Православию...

Не помню, когда и где я познакомился лично с Булгаковым; мне кажется, что это было у Челпанова, у которого я был несколько раз на его вечерах, где тогда же познакомился с Бердяевым, с Л. Шестовым.

Когда мы пришли вместе с В. Н. Лашнюковым к С. Н. Булгакову в его квартиру (с женой его, Еленой Ивановной, я раньше встречался в Обществе защиты женщин), мне пришлось излагать план. С. Н. слушал внимательно, пристально всматриваясь в меня — словно желая заглянуть в глубину души, удостовериться, насколько искренна и сильна моя вера. По своей натуре я принадлежу к числу тех людей, которые, раз поверивши во что-либо, идут без оглядки смело и прямо вперед. Я — по самому складу своего ума — очень осторожен и скепичен в предварительную фазу — но когда оформится во мне то или иное движение, я становлюсь его верным рыцарем, без оглядки и сомнений иду за ним. Эта, если угодно, догматическая складка моего ума в моей личности занимала всегда очень большое место...

Ко времени, к которому относится мой рассказ, обращение мое ко Христу было решительным и окончательным; правда христианства была для меня уже вне всяких сомнений, хотя еще не всей душой, а скорее умом воспринимал я эту правду, хотя моя внутренняя жизнь еще была закрыта от общения с Богом в молитве. Еще робко подходила душа к конкретной Церкви — к Православию: еще не все сомнения были разрешены, не все затруднения были устранены.

С. Н. Булгаков упорно и настойчиво глядел на меня, когда я говорил ему о наших планах, словно хотел заглянуть в мою душу и вывести тайну ее обращения к Богу. Не знаю, прав ли я — но это первое большое свидание с Булгаковым не только не приблизило меня к нему, а скорее охладило. Я почувствовал, что мне нечем у него напиться, нечего у него взять, что он сам еще беспомощный, не имеет твердой и решительной веры в сердце своем, что он сам во мне что-то ищет, словно хочет опереться на меня...

Булгаков не дал нам сразу решительного ответа, так как он должен был списаться с тогдашними своими друзьями — с Бердяевым, Волжским, Свентицкими, Эрном. Как раз перед тем Булгаков написал статью "Союз христианской политики", где в pendant к яркому революционным, но в строго христианских тонах статьям Свентицкого и Эрна (а позднее — на Пасху 1906 г. и о. Флоренского в его проповеди "Голос крови") развивал идеи социального христианства, идеи христианизации социальных и политических отношений. Именно эти идеи и привлекали меня особенно к этой группе: если и тогда не была мне симпатична революционная фразеология этой группы, то самая идея христианизации общественных отношений, высказанная с такой яркостью (хотя и недостаточно) Влад. Соловьевым в его "Оправдании Добра", была мне очень дорога.

Ко второй половине марта было получено согласие группы Булгакова, причем в Киев должны были приехать Волжский и Свентицкий. Булгаков становился фактически редактором газеты (официально числился В. Н. Лашнюков), — работа стала налаживаться. Первый номер газеты, которую мы выразительно называли "Народ", должен был появиться в Пасху. В этот первый номер я дал большую статью "Либерализм и социализм" — наметившую уже тогда те мысли, которых я держусь и ныне и которые стремлюсь выразить в книге, сейчас мной подготовляемой к печати "Современная культура и Православие". Номер был составлен очень хорошо, интересно и содержательно...

В начале Страстной недели приехал Волжский. Он оставил во мне мало впечатлений: того, чего я искал тогда у Булгакова и не нашел — религиозной значительности и глубины — я не нашел и у Волжского.

Это был типичный литератор — так мне казалось тогда — очередные темы которого обращены к религии. Позже различные статьи Волжского изменили мое общее мнение о нем, убедили в том, что ему присуще глубокое чувство Православия. Лашнюков вместе со мной был разочарован Волжским, почему-то его особенно выводили из себя длинные волосы его, известная манерность, присущая ему. . . Обсуждение планов газеты шло очень напряженно; были распределены основные статьи, готовились к первому номеру, много волновались по поводу иллюстрированного приложения, в чем принимал большое участие А. С. Кульженко. Но уже в начале Страстной недели обнаружилось, что издатель не может представить тех средств, которые он обещал. Правда, он все еще рассчитывал после выхода первого номера добыть деньги, но вера в его слова была подорвана, настроение у всех чрезвычайно упало. Особенно тяжело переносил это С. Н. Булгаков, который успел войти в большую переписку с Москвой и Петроградом, привлекая выдающиеся литературные силы. Он как-то слепо поверил в то, что газета обеспечена прочно на несколько месяцев, в течение которых она сможет стать на ноги, — и помимо того, что ему было грустно и неприятно отказываться от дела, в которое он столько вложил, ему было очень неловко и неудобно перед теми, кого он звал из Петербурга и Москвы. У него совершенно пропало прежнее одушевление идей церковной газеты — и это сказывалось во всем деле. В святой четверг приехал в Киев Свентицкий, слава которого тогда была очень велика и к которому питали благоговейное чувство и Булгаков, и Волжский. Обоим им он — наиболее пылкий из "троицы" (еще Эрн и Флоренский) в Москве — чрезвычайно imponировал, — в нем до известной степени они видели пророка. Кстати сказать, та программа "революционного христианства", которую разделял тогда, хотя и в более смягченной форме, С. Н. Булгаков, — она увлекала очень многих — особенно В. Н. Лашнюкова.

Я относился с большим интересом к этому течению, но его церковный радикализм не казался мне каким-то "откровением"...

Свентицкий остановился, если не ошибаюсь, у С. Н. Булгакова. Не знаю, в чем заключалась первая беседа Булгакова с Свентицким, но думаю, что Булгаков, сильно расстроенный тогда неожиданным если не провалом газеты, то во всяком случае — мизерностью возможностей, открывавшихся перед ней, — жаловался на то, что столь хорошо задуманное дело разрушилось. Думаю, что, с присущей ему по-видимому уже тогда мистической напряженностью, он не видел в этом случайности, а ощущал злую работу злого духа. . . Не зная содержания этой первой беседы Булгакова со Свентицким, строю

предположения именно в этом направлении; дело в том, что вечером, когда Булгаков, Волжский и Свентицкий были в редакции и взволнованно говорили о том, что дело расстраивается — и когда вошел туда Лашнюков — с которым до того времени не виделся Свентицкий, но о котором конечно уже слышал от Булгакова и которого со слов Булгакова считал очень виновным в происшедшем, — то Свентицкий, бывший и дальше оставшийся истериком, истерически взвизгнул "Черт. . ." и упал без сознания на пол. Я не был при этой сцене и знаю ее лишь со слов Лашнюкова, на которого она произвела самое гнетущее и долго в нем не умолкавшее впечатление. Очевидно напряжение было у всех велико. . . Булгаков быть может и дорожил и почитал в Свентицком эту напряженную чувствительность — не знаю. . . Но на меня Свентицкий не произвел решительно никакого *религиозного* впечатления. Образ его хорошо сохранился в моей памяти — глаза его, способные загораться каким-то фосфорическим блеском, рыжие волосы, лицо в веснушках, мелкие черты — все это я помню. Но то, что на меня действует в людях религиозных, здесь отсутствовало, во всяком случае, Свентицкий как религиозный тип не только мне ничем не imponировал, но передо мной все время стояла загадка того, как этот человек мог иметь влияние на Булгакова, Волжского и других. (Правда, уже и тогда в Булгакове было то, что я позволил бы себе охарактеризовать несколько вульгарно и грубо как религиозное генеральство, уже тогда ему непременно хотелось попасть в "религиозные аристократы", попасть в самую тонкую, глубокую и непременно "талантливую" группу. Какой-то мелкий бес тщеславия — от которого, как мне кажется, он стал освобождаться лишь с принятием священства, мешал раньше Булгакову войти в простое человеческое отношение к окружающим. . . Он относился ко мне хорошо — с вниманием, интересом, уважением даже к моим различным познаниям — впоследствии с несомненной, искренней любовью, но я не был в моде, не пользовался славой — и это глядяние сверху вниз так и звучало невольно в Булгакове — и быть может ощущалось уже тогда мной и мешало мне полюбить С. Н.)

После тяжелой сцены при встрече Свентицкого с В. Н. Лашнюковым стало совершенно ясно, что революционная семья спеться не может. Булгаков весь ушел в приехавших друзей — Волжского, Свентицкого, мы отошли на задний план и как-то невольно стали с Лашнюковым теснее друг к другу. . . Изредка показывался в редакции П. П. Кудрявцев — но об этих первых впечатлениях расскажу позже, когда коснусь его личности.

Продолжаю о "Народе". Последние два дня перед Пасхой были всецело заняты внешними заботами — печатанием литературного

приложения с иллюстрациями (Воскр. Христово — Врубеля, если мне не изменяет память), корректированием №, который должен был появиться в субботу вечером.

Когда номер вышел, я чувствовал себя взволнованным — меня сильно увлекала мысль о служении идее христианской общественности, я горячо верил в правильность основной позиции газеты. Для меня это не была литературная затея, а был *орган* несложившейся еще христианской группы. Помню, как на первый день Пасхи под вечер пошел я к А. К. Шиманскому — как мне было приятно слышать от него, что газета очень удачная; большие комплименты достались и мне за мою статью. Среди моих знакомых "Народ" встретил своим интересным подбором материала большой интерес — но в общем первый номер все же разошелся слабо. Реклама была поставлена скверно, на Пасху вообще не очень покупают газеты, — да и правду сказать, "Народ" не был настоящей газетой — это было нечто вроде партийного органа. Дальнейшие №№ были по-прежнему интересны, но кажется уже на 4-й день Пасхи стало ясно, что денег никаких нет, что дальше 7—8-го № газета продержаться не может. В. Н. Лашнюков прибег к приему других газет — вопреки сопротивлению моему он поместил статью столь яркого, столь радикального содержания, что газета была немедленно закрыта, а № конфискован. В сущности, газета должна была умереть естественной смертью, но было стыдно умереть на 7-й день — и Лашнюков сумел скрыть от широкой публики истинное положение вещей. Закрытие газеты собственно говоря даже подняло ее шансы — в публике симпатии к газете поднялись: идея христианского радикализма, мысль о возможности сочетания социально-политического радикализма с ортодоксальным Православием получила действительное выражение. . . По-своему Лашнюков был быть может и прав — но мне было его поведение — конечно в связи со всем тем, что произошло в последние полторы недели, в связи с невольным подозрением, что он знал тайны В. И. Винокурова и скрывал их, — было глубоко противно. Но очень скоро Лашнюков показал себя еще хуже. Дело в том, что Булгаков, кажется с 3-го №, почти совершенно отошел от газеты, стал очень холоден к Лашнюкову и не раз жестоко и сурово ему выговаривал, что напрасно ему доверился. С каждым днем отношения их портились и закончились при ликвидации газеты настоящим разрывом. Лашнюков со свойственной ему страстностью и стремительностью от поклонения Булгакову перешел к самому резкому отрицанию его; по этому времени он стал сильно запивать и в тех случаях, когда мы с ним видались, грубо и пошло ругал Булгакова. К сожалению, его руготня не ограничилась

рамками бесед, — он круто повернул — и не помню в каком органе стал обливаться помоями Булгакова. Было это так пошло, так глупо, так ненужно — но он в это время не показывался мне.

Короткий эпизод с изданием "Народа" помимо довольно близкого знакомства с С. Н. Булгаковым, очень углубившегося в переписке в последующие годы (осенью того же года Булгаков получил место, если не ошибаюсь, в Московском Коммерческом Институте, директ. которого — первым — был избран П. И. Новгородцев), — помимо мимолетных, но интересных наблюдений над Волжским, Свентицким, знакомства с П. П. Кудрявцевым, впоследствии столь дорогим для меня, — много способствовал кристаллизации во мне тех идей христианизации общественных отношений, которые и до сих пор определяют направление моих религиозных дум.

Уже летом этого года я сблизился с болгаринном о. Евфимием, — человеком исключительной душевной красоты, вдумчивым богословом, работавшим под руководством П. П. Кудрявцева над сочинением "О вере и разуме". Кажется, по рекомендации Кудрявцева он пришел ко мне, очаровал меня — и мы с ним сблизились, я стал заходить к нему — и из этих бесед зародились у нас идеи создать в Киеве Религиозно-философское общество. Память неотчетливо сохранила во мне картины этого времени, помню только, что я стоял за организацию Рел. Фил. Общества им. Влад. Соловьева — как уже названо было аналогичное общество в Москве, — а из инициативной группы, в которую вошел В. И. Экземплярский, покойный Федор Павлович Истомин, Т. В. Петровский, Влад. Зен. Завитиев, П. П. Кудрявцев, я и о. Евфимий* (может быть был еще кто-нибудь — не помню; из священников, кажется, не было никого), как раз П. П. Кудрявцев, указав на ряд слабых сторон Влад. Соловьева, стоял на ненужности добавки "имени Влад. Соловьева". Я был тогда в таком упоении философией Влад. Соловьева, она так увлекала меня, что на меня очень неприятно подействовали замечания П. П. Кудрявцева; они меня мало убеждали, мало мне imponировали и казались мне выражением какой-то ограниченности. Дальше я подробнее скажу о своих первых неблагоприятных впечатлениях от П. П. Кудрявцева — впоследствии столь любимого мною, столь близкого мне.

Возникновение Религ. Фил. Общества сблизило меня с целым рядом людей, ставших впоследствии моими друзьями. Начну с

* Если память меня не вводит в заблуждение, в инициативную группу входил и Андрей Аполлонович Евсевский — один из интереснейших "искателей" — цельных, бесталанных, но с удивительным сердцем и любовью к Христу.

П. П. Кудрявцева. Помню, как в первый раз мы встретились с ним в редакции "Народа". Раньше я его видел в качестве Председ. Педагогического Общества, где докладчиком был Вал. Степ. Костецки и К. М. Аггеев. Все они были для меня — почему, решительно не помню — очень милыми, но бесконечно провинциальными, можно сказать, учителями захолустной семинарии. Тут был типический для нашей провинции романтический идеализм и наивность и элементарность — добродушие и "принципиальность"... Когда П. П. пришел в редакцию "Народа" — его бледное лицо, к которому так не шел казенный вицмундир с зеленым отливом и с белыми академическими пуговицами, его тусклые глаза — казавшиеся неестественно расширенными благодаря сильной близорукости — все это показалось таким захолустным... Не по душе мне был генеральствующий Булгаков, но и серая фигура П. П. не удовлетворяла меня, не imponировала мне... Как неумно бываем мы порой требовательны!

В заседаниях инициативной группы по образованию Рел. Фил. Общества П. П. сразу показался мне куда значительнее, глубже и интереснее. Ко мне он относился с чрезвычайным вниманием и лестным для молодого человека уважением. — Из других лиц мне никто не imponировал; легко мне было лишь с о. Евфимием — он путался в трудных вопросах, его занимавших, но его тянуло в эти таинственные глубины, и это мне нравилось. По душе мне были и Андрей Аполлонович Евсевский за его сердечную преданность к Христу, за его пламенное стремление соединить с Христом свободу...

Не помню точно, когда общество возникло — но помню, что оно скоро стало модным, на его заседания сходились много публики. Состав общества очень пополнялся людьми серьезными и интересными (напр., покойный Ник. Эрнестович Глокке и др.) Бывала там и О. Дм. Форш, тогда очень льнувшая ко мне и с каким-то усиленным вниманием относившаяся ко всем моим выступлениям.

Общение с большой группой мыслящих религиозно людей действовало на меня очень благотворно. Во мне все определеннее, все смелее, если позволено так сказать, выступал вкус к ортодоксальности, тяготение к Церкви, как носительнице Традиции — а с другой стороны залагались и уяснились постепенно и основы рел. фил. мировоззрения. К этим кажется годам (т. е. до лета 1908, наметившего резкий перелом в моей личной жизни, сильно отразившейся на моей религиозной жизни) относится мое выступление в богословском кружке, работавшем в Унив. под руководством о. Светлова. Уже там я резко высказывался за идею православной жизни, считал протестантскую позицию неприемлемой для христианина, католическую —

для культурного общества. Реферат этот под заглавием "Наука и религия" был впоследствии напечатан в сборниках, выходящих кажется под редакцией Аггеева, — но точно не помню.

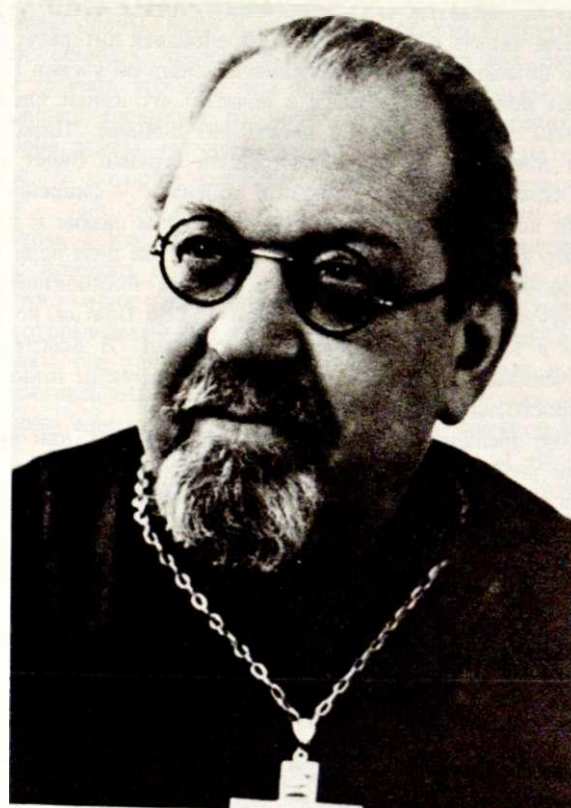
К этому же времени относится первая встреча с Ал. Андр. Семко, с которым меня познакомил Евсевский. Какой это был интересный человек! Тогда он был еще православным, внешне обращавшим на себя внимание своими благоговейными поклонами у храмов, изучавшим св. Отцов. Для меня все, все это было полезно и нужно — все тягивало — и мистически и идеологически — в Церковь. Не доставало только глубокого личного надлома, который бы связал в интимнейшем религиозном опыте душу мою с Богом — но жизнь принесла и это: приближалось лето 1908 г.

Глава 5

Летом 1908 г. в моей личной жизни произошел глубокий перелом, имевший чрезвычайное влияние на мою религиозную жизнь. Не место здесь описать этот важнейший момент в моей личной жизни; скажу лишь в нескольких словах, что в это лето — мне было уже 27 лет — я впервые глубоко и страстно, нежно и пылко полюбил женщину. Бог не судил нам сочетаться браком, но Он дал двум любящим сердцам приблизиться друг к другу настолько, что во взаимном вращении друг в друга, во все большем интересе и потребности делить друг с другом радость и горе, мысли и планы — но и жажда духовного уподобления — открылся новый и плодотворный двигатель жизни. Женщина, которую я полюбил, не только была внешне прекрасна, грациозна и обаятельна, но краше, ярче ее внешности была чудесная ее внутренняя прелесть, удивительная ее душа — нежная и задумчивая, робкая и застенчивая, пережившая много горя, но сохранившая неистощимый запас любви к человеку и веры в него...

Весь год — до конца весны — чувство мое к любимому человеку разгоралось все с большей силой. . . Параллельно с этим внутренним ростом, с этим натуральным окрылением, пробуждавшим во мне священную силу страсти, разгорелось во мне и религиозное настроение, которое я мог бы охарактеризовать словами — "эстетический пантеизм". В мире все прекрасно, пока следуем Богу, красота есть "естественное" состояние мира вещей и людей, (. . .) выражение гармонии, все должно найти свою связь с Богом, все должно найти себя в Боге. Нет ничего естественного, что бы не могло быть освящено Богом, что не могло бы светиться чистыми лучами Божиими... Это

общее умонастроение развивалось во мне. Мой прежний социально-политический радикализм получил глубокий внутренний "удар" — во мне прежде всего и больше всего стало меняться отношение к русскому самодержавию. Под влиянием молитв о царе, которые я, при новом своем отношении к церковной службе, произносил с полной и сердечной искренностью, я стал искать более глубокого понимания природы царской власти, вопроса о благословении ее Богом и церковью. С той духовной смелостью, которая проснулась и развернулась во мне именно в это время, я постепенно стал высказывать свои "еретические" мысли — и живо помню до. . . . .

Литература и жизнь

К. С. ЛЬЮИС (1898—1963)

О СТАРИННЫХ КНИГАХ*

Почему-то считается, что старые книги должен читать специалист, а с любителя хватит и современных. Преподавая литературу, я обнаружил, что обычный студент, желающий узнать об учении Платона, и не подумает пойти в библиотеку и почитать его книги. Он примется за нынешний скучный труд, в десять раз длиннее "Пира", полный "измов" и влияний, где раз в двенадцать страниц будет цитата из Платона. Ошибка эта трогательна, ибо корень ее — смирение. Студенту страшно встретиться с великим философом лицом к лицу. Ему кажется, что тот ему не по зубам. На самом же деле великие тем и велики, что понять их гораздо легче, чем их толкователей. Самый отсталый студент поймет почти все, что сказал Платон, но мало кто разберется в книге современного платоноведа. Я всегда стараюсь внушить ученикам, что узнавать все из первых рук не только достойнее, но и просто легче и приятней.

Нигде не предпочитают новых книг старым так, как в богословии. Когда неопиты принимаются за христианское чтение, можно поручиться, что это не Лука и не Павел, не Августин и не Аквинат, а Бердяев, Маритэн, Нибур или даже я.

Мне кажется, что это неправильно. Конечно, раз я сам пишу, мне бы не хотелось, чтобы все нас вообще не читали. Но если уж выбирать, выбирайте книги старые. И даю такой совет именно потому, что речь идет о любителе, который хуже защищен, чем специалист, от опасностей современной диеты. Новая книга — на испытании, и не новичку ее судить. Она поверяется многовековой христианской мыслью, и лишь в этом свете мы видим ее ошибки, неведомые автору. Если вы застали в одиннадцать часов разговор, начавшийся в восемь, вы поймете далеко не все. Самые обыкновенные, на наш взгляд, фразы вызовут смех или гнев, а вы растеряетесь, потому что не знаете их

* Из книги разных статей и интервью, составленной после смерти автора и озаглавленной "Бог под судом".

контекста. Может случиться и так, что вы даже примете то, что несомненно отвергли бы, приди вы к началу. Верную перспективу дает лишь контекст всего христианства, а вы не узнаете его, не читая старых книг. Было бы хорошо, если бы после каждой современной книги вы читали одну старинную. Не можете — читайте ее хотя бы после каждых трех.

У всякой эпохи свой кругозор. Она особенно четко видит одно и особенно слепа на другое. Поэтому всем нам нужны книги, это восполняющие — то есть, книги других веков. Авторы одной и той же эпохи грешат каким-нибудь общим недостатком — даже такие, которые, как я, стараются идти против духа времени. А когда я читаю старые споры, меня всегда поражает, что противники принимают, как данность, что-нибудь совершенно для нас неприемлемое. Сами они думают, что ни в чем не согласны, но на самом деле множество мнений соединяет их друг с другом и противопоставляет всем прочим векам. Не сомневайтесь, что и слепое пятно XX века (то самое, о котором потомки скажут: "И как они могли так думать?") — там, где мы и не подозреваем, и роднит оно Гитлера с Рузвельтом, а Уэллса с Карлом Бартом. Из нас никому не дано полностью избежать этой слепоты, но мы ее увеличим, если будем читать только своих современников. Когда они правы, они сообщают истины, которые мы и без них в какой-то мере ощущали. Когда же они не правы, они углубят наше заблуждение. Средство против этого одно: проветрить мозги воздухом других веков, то есть — читать все те же старые книги. Конечно в прошлом нет никакой магической силы. Люди были не умнее нас, и ошибались, как мы. Но они ошибались иначе. Они не поддержат наших ошибок, а их ошибки видны невооруженным взглядом. Книги будущего были бы не хуже, но их, к сожалению, не достать.

Я начал читать христианские книги почти случайно, изучая историю нашей литературы. Одни — Трахерн, Херберт, Тейлор, Буньян — сами прекрасные английские писатели; другие — св. Августин, св. Фома Аквинат, Данте — влияли на них и на других. Джорджа Мак-Дональда я открыл раньше, в шестнадцать лет, и с тех пор любил его всегда, хотя долго старался не замечать его христианства. Как видите, авторы эти — самые разные, разных культур, направлений и эпох. Христианство разделено, и у многих из них это очень ясно проявляется. Но если, начитавшись новых книг, вы решили, что у слова "христианство" слишком много значений и потому оно просто ничего не значит, обратитесь к старым книгам, и мнение ваше изменится. На фоне веков христианство отнюдь не расплывчато, оно весьма опреде-

ленно и четко отличается от всего прочего. Я знаю это по собственному опыту. Когда я еще ненавидел его, я узнавал, как знакомый запах, почти неизменное "нечто" и в пуританине Буньяне, и в англиканине Хукере, и в католике Данте. "Оно" было сладостным и нежным у св. Франциска Сальского, простым и суровым у Спенсера и Уолтона, мужественно-мрачным у Паскаля и Джонсона, а у Трахерна меня пугал в нем какой-то райский привкус. Даже в учтивом и скептическом XVIII веке поджидали, как два льва на пути, Лоу и Батлер. Пресловутое язычество у елизаветинцев не заглушило его, и вы на него натыкались в "Королеве Фей" и в "Аркадии". Конечно, "оно" бывало не совсем одинаково, и все же — снова и снова узнавал я ни на что не похожее благоухание, которое было мне к смерти, пока я не понял, что оно — к жизни.

Все мы страдаем из-за разделений христианства и стыдимся их. Но тот, кто всегда был внутри, может подумать, что они глубже, чем на самом деле. Он не знает, как выглядит христианство извне. А я знаю, я его видел; и враги его это знают. Выйдя за пределы своего века, это увидите и вы; и сможете, если захотите, поставить увлекательный опыт. Вас сочтут папистом, когда вы процитируете св. Фому и т. п. Вы подниметесь на воздух, перекрывающий века, который высок, когда смотришь из долины, низок, когда смотришь с горы, узок по сравнению с болотом и широк перед козьей тропой.

ИЗ ДВУХ ИНТЕРВЬЮ

1.

Вопрос. О любви к ближнему.

Ответ. Нам заповедано любить ближнего, как себя. Как же мы любим себя? Я, например, люблю себя не за то, что я, скажем, милейший человек. Я люблю себя не за то, что я хорош, а за то, что я — это я, при всех моих недостатках. Часто я искренне ненавижу какое-нибудь свое свойство, и все же разлюбить себя я не могу. Другими словами, та резкая черта, которую проводит христианство между любовью к грешнику и ненавистью к его греху, существует в нас, сколько мы себя помним. Вы не любите того, что сделали, а себя любите. Вы, быть может, считаете, что вас мало повесить. Быть может,

вы даже пойдете в полицию и добровольно примете наказание. Любовь — это не полное чувство, а упорное желание, чтобы тот, кого мы любим, обрел высшее благо.

Вопрос. Что такое истинный христианин?

Ответ. Если вы имеете в виду того, кто никогда ни в чем не отступил от христианства, я могу назвать лишь Самого Христа. В этом смысле истинных христиан нет, есть только люди, которые в разной степени пытаются быть христианами, срываются и пробуют снова. Совершенная христианская жизнь состоит, конечно, в подражании Христу. Не надо понимать это по-идиотски, скажем, отращивать бороду или становиться странствующим проповедником. Просто каждый ваш помысел, каждое ваше действие и все, что с вами случается — и хорошее, и плохое — должно быть предано Богу. Вы должны считать, что все ниспослано Им, и всегда смотреть на Него и искать Его воли и спрашивать себя: "А как бы он поступил?"

Вопрос. О делах и вере.

Ответ. Спор этот идет давно и оброс несметным множеством чисто технических сложностей. Для меня очень важен парадоксальный текст: "...совершайте свое спасение, потому что Бог приводит в нас хотение и действие по Своему благоволению" (Фил. II, 12). С одной стороны, выходит, что от нас не зависит ничего, с другой — что зависит очень многое. "...Со страхом и трепетом совершайте свое спасение", а если страха и трепета в вас нет — дело плохо.

Вопрос. О вере и диаволе.

Ответ. В Символе веры нет упоминания о диаволе, и можно быть христианином, не веруя в него. Я в него верю. Если мы предположим, что бесы есть, придется признать, что люди воспринимают их по-разному. Я хочу сказать, что чем сильнее бес овладел человеком, тем меньше человек его замечает. Принцип этот тот же, что с пьяницей: если вы знаете, что пьяны, значит, вы еще достаточно трезвы. Особенно остро смущают диавола те, кто бодрствует и стремится к совершенству. Конечно, сами бесы не хотят, чтобы в них верили. Если они существуют, они первым делом дают вам наркоз, усыпляют вас. И вы ощутите их только в том случае, если это им не удастся.

Вопрос. Какая религия дает наибольшее счастье?

Ответ. По-моему, поклонение самому себе, пока оно держится. Я знаю человека лет восьмидесяти, который восхищался собой с самого раннего детства и, как ни жаль, живет на удивление счастливо. Я не ставлю так вопроса. Вы, наверное, знаете, что я не всегда был христианином, и обратился не для того, чтобы обрести счастье. Я понимал, что бутылка вина даст мне его скорее. Если вы ищите религию,

от которой ваша жизнь станет легче и удобнее, я бы вам не советовал избирать христианство. Несомненно, есть какие-нибудь американские таблетки, они вам больше помогут.

Вопрос. Есть ли несомненные внешние признаки искренне верующего человека? Бывает ли он сердитым? Может ли он курить?

Ответ. Мне припоминается реклама зубной пасты. Обычно она гарантирует:

1) Что зубы у вас будут лучше, если вы ее купите.

2) Что если вы ее не купите, они станут хуже.

Но вы не можете, на этом основании, сравнивать купившего ее человека с плохими зубами и белозубого негра, который о ней и не слышал.

Возьмем такой пример: старая дева искренне верит в Бога, но часто ворчит, а добрейший человек в Бога не верит. Откуда мы знаем, насколько больше бы ворчала старая дева, если бы она не верила, и насколько лучше был бы добряк, если бы он верил? Чтобы судить, надо знать, с каким сырьем возится Господь в каждом данном случае.

Вопрос. О разделении Церквей.

Ответ. Разделения внутри христианства — наша беда и наш позор, и мы всегда должны, хотя бы молитвой, стремиться к соединению. Я не так уж давно в Церкви, но всегда старался быть ортодоксом. И вот, я получаю сочувственные письма от самых разных христиан — от иезуитов, монашек, квакеров, диссентеров и так далее. Мне кажется, "экстремисты" в каждой церкви ближе всего друг к другу, а "люди широких взглядов" никак не могут столкнуться. В мире догматического христианства тысячи людей различных исповеданий говорят одно и то же, а в мире размытой, расплывчатой религиозности маленькие группки единоверцев говорят совершенно разное, и меняют мнение каждые пять минут. От них соединения не дожدهшься.

II.

Вопрос. Вы пишете очень легко, даже когда речь идет о самых сложных богословских вопросах. В чем тут дело?

Ответ. Мне кажется, дело тут в душевном складе. Однако, меня поддержали средневековая литература и книги Честертона. Честертон, к примеру, не боялся сочетать серьезные богословские вопросы с острословием и смехом. И в средневековых миражах было много смешного.

Вопрос. Значит, по-вашему, христианский писатель должен шутить?

Ответ. Нет. По-моему, натянутые шутки на священные темы отвратительны. У некоторых христианских писателей это просто невозможно вынести. Одни пишут серьезно, другие легко. Мне больше нравится легкий слог, потому что и так накопилось очень много фальшивого благочестия. Слишком торжественно, слишком сусально говорят на священные темы.

Вопрос. Но ведь торжественность присуща священному?

Ответ. И да, и нет. Торжественность хороша в храме, но это не значит, что она хороша и за его стенами. Так же и с легкостью, только наоборот. Я часто молюсь, когда чищу зубы, но не стану чистить зубы в Церкви.

Вопрос. Какие христианские писатели помогли вам?

Ответ. Из современных книг мне больше всего помог "Вечный человек" Честертона.

Вопрос. Профессор Льюис, когда читаешь ваши работы, кажется, что вам нравится их писать. Это редко ощущаешь при чтении богословских книг.

Ответ. Если бы мне не нравилось, я бы писать не мог. Только одну книгу мне было трудно писать.

Вопрос. Какую?

Ответ. "Письма Баламута". Она очень туго шла. Я думал тогда о возражениях против христианской жизни и мне пришлось в голову изложить их в виде советов беса. Но я устал скрупулезно называть плохое хорошим, а хорошее — плохим.

Вопрос. Считаете ли вы, что непристойность нынешней литературы способствует ее реализму?

Ответ. Нет. По-моему, это — зловещий симптом, признак культуры, утратившей веру. Нравственный срыв следует за духовным срывом. Я с большой тревогой смотрю в будущее.

Вопрос. По-видимому, вы чувствуете, что современная культура становится не-христианской?

Ответ. Я не стану говорить о политической стороне дела, но я вижу, что не-христианской становится церковь. Мне кажется, что пастыри слишком приспособляются к миру, а в пастве — достаточно много верующих мало или неверующих. Христос не говорил нам: "Идите в мир и скажите ему, что он прав". Весь дух Евангелия другой, он противостоит миру.

Вопрос. Как по-вашему, что нас ждет в ближайшие годы?

Ответ. Откуда мне знать? Я занимаюсь прошлым, сижу спиной к паровозу. Мир может кончиться за десять минут, но мы должны

оставаться там, где поставил нас Господь, жить каждый день, как последний, а планы строить так, словно мир простоит сотни лет. Новый Завет ясно говорит нам, что нас когда-нибудь ждет. Мне просто смешно, когда люди в отчаянии от какой-нибудь будущей катастрофы. Разве они не знают, что рано или поздно умрут? Наверное, нет. Одна молодая девушка сказала недавно, когда разговор зашел о смерти: "Ну, когда я состарюсь, ученые что-нибудь придумают".

◇ ◇ ◇

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ОТРЫВОК ИЗ ВТОРОГО ТОМА
„ОЧЕРКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ” *

Из „7-го Дополнения” (май 1982)

НАШИ ПЛЮРАЛИСТЫ

Шесть лет не читал я ни сборников их, ни памфлетов, ни журналов, хотя редкая там статья не заострялась также и даже особенно против меня. Я работал в отдалении, не обязанный нигде, ни с кем из них встречаться, знакомиться, разговаривать. Занятый Узлами, я эти годы продремал все их нападки и всю их полемику. Уже загалдели всё печатное пространство, уже измазали меня в две дюжины мазутных кистей, уже за меня в одной новоэмигрантской газете удивлялись: да что ж я вовсе не отбиваюсь? да меня не бьет только ленивый, меня бить — легче нет, сношу все удары. Да можно узреть и такое гнездышко, где мечтали бы, чтоб я с ними сцепился, повысил бы им цену, а без этого хиреют на глазах, захлебнулись в собственном яде. И если б касалось только меня, то без затруднения прожил бы я так и еще двенадцать, и умер бы, так и не прочтя, что ж они там понаписали.

Но нет, облыгают — народ, лишенный гласности, права читать и права отвечать. Пришлось-таки взяться, непривычная, несоразмерная работа: доставать и читать эти самосознания, противостояния, альтернативы, новые правые, старые левые, и не везде даже синтаксический уровень. Вот сейчас в первый раз прочитал их, кончивши три Узла, — сразу посвежу и пишу.

О ком я собрался тут — большей частью выехали, иные остались, одни были участники привилегированного коммунистического существования, а кто отведаль и лагерей. Объединяет их уже довольно длительное общественное движение, напряженное к прошлому и будущему нашей страны, которое не имеет общего названия, но среди своих идеологических признаков чаще и охотнее всего выделяет „плюрализм”. Следуя тому, называю и я их плюралистами.

„Плюрализм” они считают как бы высшим достижением истории, высшим благом мысли и высшим качеством нынешней запад-

* Том первый — „Бодался теленок с дубом”, YMCA-PRESS, 1975

ной жизни. Принцип этот они нередко формулируют: „как можно больше разных мнений”, — и главное, чтобы никто серьезно не настаивал на истинности своего.

Но может ли плюрализм фигурировать отдельным принципом и притом среди высших? Странно, чтобы простое множественное число возвысилось в такой сан. Плюрализм может быть лишь напоминанием о множестве форм, да, охотно признаём, — однако же цельного движения человечества? Во всех науках строгих, то есть опертых на математику, — *истина одна*, и этот всеобщий естественный порядок никого не оскорбляет. Если истина вдруг двоится, как в некоторых областях новейшей физики, то это — оттоки одной реки, они друг друга лишь поддерживают и утверждают, так и понимается всеми. А множественность истин в общественных науках есть показатель нашего несовершенства, а вовсе не нашего избыточного богатства, — и зачем из этого несовершенства делать культ „плюрализма”? Однажды, в отклик на мою гарвардскую речь, было напечатано в „Вашингтон пост” такое письмо американца: „Трудно поверить, чтобы разнообразие само по себе было высшей целью человечества. Уважение к разнообразию бессмысленно, если разнообразие не помогает нам достичь высшей цели.”

Да, разнообразие — это краски жизни, и мы их жаждем, и без того не мыслим. Но если разнообразие становится высшим принципом, тогда невозможны никакие общечеловеческие ценности, а применять свои ценности при оценке чужих суждений есть невежество и насилие. Если не существует правоты и неправоты — то какие удерживающие связи остаются на человеке? Если не существует универсальной основы, то не может быть и морали. „Плюрализм” как принцип деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается в релятивизм, в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей. Остается — кокетничать мнениями, ничего не высказывая убежденно; и неприлично, когда кто-нибудь слишком уверен в своей правоте. Так люди и запутаются как в лесу. Чем и парализован беззащитно нынешний западный мир: потерю различий между положениями истинными и ложными, между несомненным Добром и несомненным Злом, центробежным разбродом, энтропией мысли — „побольше разных, лишь бы разных!”. Но сто мулов, тянущих в разные стороны, не производят никакого движения.

А истина, а правда во всем мировом течении одна — Божья, и все-то мы, кто и неосознанно, жаждем именно к ней приблизиться, прикоснуться. Многообразие мнений имеет смысл, если прежде всего, сравнением, искать свои ошибки и отказываться от них. Искать

истинные взгляды на вещи, приближаться к Божьей истине, а не просто набирать как можно больше „разных”.

Однако я не настаиваю, что правильно выбрал термин. Будем пользоваться им как рабочим. Зато — какое духовное пиршество нас ждет! Как изумимся мы сейчас бесчисленным переливам плюралистической мысли, бескрайнему спектру!

Увы, доглядысь: даже в иных западных странах сегодня „плюрализм” остается скорее лишь лозунгом, чем делом. Современное западное образованное общество (а оно-то и диктует) — на самом деле мало терпимо, и даже особенно — к общей критике себя, всё оно — в жестком русле общепринятого направления; правда, для обуздания противящихся действует не дубиной, а клеветой и зажимом через финансовую власть. И — подите пробейтесь через клубок предвзятостей и перекосов в какой-нибудь сверкающей центральной американской газете.

С удивлением видим, что таковы и первые крепнущие шажки плюралистов наших: „Проповедывать демократиям о вреде демократий — дело неблагодарное.” Справедливо изволили заметить. Но — тоталитаризму о вреде тоталитаризма тем более не напроповедуешься, тогда разрешите узнать, чем демократия вдумчивей и объективней? Странно, вот уже несколько лет ширяет крыльями на Западе наш ничем не стесненный плюрализм (уж ни на кого не кивнешь, что не дали „самовыразиться”) — и где же вереница его освежающих спасительных открытий? Всего лишь несколько поверхностно-плечных, да еще и наследованных убеждений. И первейшее из них — о русской истории. Разумеется — „в целом”, в самой общей сводке, а не в конкретном анализе.

Когда я попал в Швейцарию и услышал от тамошних радикалов (есть и там радикалы, а как же?), что „это у вас такой плохой социализм, а у нас будет хороший”, — я изумился, но и снисходительно: сытые, неразвитые умы, вы же еще не испытали на себе всей этой мерзости! Но вот приезжают на Запад „живые свидетели” из СССР, и вместо распутывания западных предрассудков — вдруг начинают облыжно валить коммунизм на проклятую Россию и на проклятый русский народ. Тем усугубляя и западное ослепление, и западную беспомощность против коммунизма. И здесь-то и лежит вся трагедия между нами.

И поразительно: разные уровни развития, разные возрасты, разная самостоятельность мысли, а все — в единую оглушающую дуду: против России! Как сговорились.

„Марксистская опрличина — частный случай российской опрлич-

нины.” – „Сталинское варварство – прямое продолжение варварства России.” – „Царизм и коммунизм – один и тот же противник.” – „Всё перешло в руки деспотизма не в 1917, а в 1689” (по другому варианту – в 1564). – „Русский мессианизм под псевдонимом марксизма.” – „Разделение русской истории на дооктябрьскую и послеоктябрьскую – под сомнением...” – „Коммунизм – идеологическая рационализация русской империалистической политики, – более универсальная, чем славянофильство или православие.” – „Нет изменения в русской политике с 1917 года.” – „Преувеличенное отношение к октябрьскому перевороту: ...уничтожение первоначальной модели (революции), возврат русской истории на круги своя.” – „Семена социализма погибли в русской почве.” (Тут соглашусь: почва оказалась для социализма крепенькая, пришлось киркой добавлять.) – „К а к до революции господствовало зло и подавлялось добро, т а к и после революции.” – „Между царизмом и советизмом прямая преемственность в угнетении”, „качественное сходство”.

Господа, опомнитесь! В своем недоброжелательстве к России какой же вздор вы несете Западу? зачем же вы его дурачите? Не было ЧК, не было ГУЛага, массового захвата невинных, ни системы всеобщей присяги лжи, проработок, отречений от родителей, наказаний за родство, люди свободно избирали вид занятий, и труд их был оплачен, городские жены не работали, один отец кормил семью в 5 и 7 детей, жители свободно переезжали с места на место, и, самое дорогое, – в эмиграцию тотчас, кто хотел, – и философ нам говорит, что тут *качественное* сходство?

„Христианство – это путь, не испытанный Россией.” – „Религиозность русского народа и в прошлом была сомнительной.” (Цитаты из разных, из разных, я чаще не указываю кто, однако на полях рукописи помечаю – книгу, журнал, страницу.) – „Русское православие столь же поверхностно, как и русский марксизм.” – „Религия, которую *как будто* исповедует русский народ” (вернулись к Белинскому). – „Совесть... у нас постоянно находилась на положении пасынка.” (Прочистим уши: это о России? Да где же шире жило покаяние, и на людях? Или, при всеобщем отвращении к судебной волоките, купеческая и ремесленная деятельность по устному слову, а не по письменному договору – много ли такого в Европе? Да даже это проникало и в государственные документы (Екатерина, 1778): купцам платить налог 1% „с капитала, объявленного *по совести*”. Но в народные свойства не погружается глаз их.) Даже: „духовная структура” русских унаследована от монголов, „она застойна, неспособна к развитию и прогрессу” (понимать: унтерменши? безнадежная ра-

са?). – „Страна Иванов и Емель.” – „Грузин Сталин больше всех приближается к русскому идеалу.” – „Жандарм Европы Суворов, реакционер Кутузов” (протереть глаза: воскрес Покровский? так же учили в 20-е годы). И на каждом шагу у самых разных: „гениальный маркиз де-Кюстин”... „великолепная книга маркиза де-Кюстина” (это – хором, нашли себе достойного учителя-туриста, отчето тогда не Теофила Готье?). – „Была ли Россия тюрьмой народов? У кого достанет совести это отрицать?” А у кого достало совести эту ленинскую мерзость повторять? У Шрагина.

С большой легкостью рассуждает он (они) о любом веке русской истории – то из XIII века, тут же держи из XVII, да откуда же такая эрудиция крылатая? Да разве можно хотя бы по русской истории знать все века уверенно и равномерно? У меня вот, слабака, вся жизнь ушла на один 1917 год. А секрет прост, доглядитесь в сноски: Шрагин не затрудняет себя чтением источников, он цитаты выдергивает вторичные, из уже нахвачанных кем-то обзоров, да всё ревдемократов или радикалов, а уж как они там отбирали? – совесть-то у нас, пишут, была пасынок. (Знаю, знаю я эту слабость, сам когда-то обжегся на „Истории русской общественной мысли” Плеханова, такие же нахвачанные цитаты приводил и я. Тому потоку, *как понимали все умные люди*, нашей освобожденческой идеологии – очень легко поддаться, трудно сопротивиться. Встречалось это и у меня – и пока идешь в направлении потока, с тем большей силой тебя уверенно поддерживает слитное *общество*.) И Чернышевского цитирует нам целыми страницами, спасибо! С таким фундаментом вот и выводят они „русский либерализм – от конца XIX века”. Вот и узнаём: „идея ‚святой Руси’... предусматривает, что ответственность за всё плохое несем не мы с вами”, – ну, откуда это притянуто? тогда и понятия г р е х а не было в России?

О самом народе: „Русские – сильный народ, только голова у них слабая”, „умственная слабость”. „Широкая русская натура Подонка.” И о России в целом: „Что это за девушка, которую все, кому ни лень, насилуют?” А один глубокий их мыслитель открыл: все нации – существительные, только „русский” – прилагательное! Так вы что, усмехаетесь, сами себя за людей не считаете? Боже, как это пронизательно! Только не подумал ни мыслитель, ни редактор журнала, что ведь „Пинский” и „Синявский” – тоже прилагательные. Да ведь какой „ученый” – а то тоже прилагательное. (Эта мысль до того показалась им глубока, что в двух смежных номерах журнала приводят ее от двух разных лиц, оба претендуют на авторство.)

Но были всё же у России и заслуги: „Россия отличается от азиат-

ских обществ лишь тем, что сумела создать европейски мыслящую интеллигенцию.” А уж „вина интеллигенции за удручающие события русской истории сильно преувеличена”, хотя, правда, интеллигенция и „пыталась подменить прошлое и будущее России”. Вот это — самокритично. Вот это — очень верно сегодня.

В процессе глубокого плюралистического исследования рождены и новые важные термины: не „славянофильство”, а „монголофильство”. И — „татаро-мессианская Россия”, „татарский мессианизм”. Термины настолько богатые и загадочные, что хоть объявляй конкурс на истолкование.

И как ни обтрагивают мертвое тело старой России равнодушные пальцы наших исследователей — всё вот так, одно омерзение к ней. А потому — вперед! к перспективе! к октябрьской революции!

Рвут к Октябрю, объяснить нам скоренько и Октябрь — но я умоляю остановиться: а Февраль?? Разрешите же хронологически: а что с Февралем?

Вот удивительно! Столько отвращения к этой стране, такая решительность в суждениях, в осуждениях порочного народа — а слона-то и не заметили! Самая крупная революция XX века, взорвавшая Россию, а затем и весь мир, и так недалеко ходить по времени, это ж не Филофей с „Третьим Римом”, и единственная истинная революция в России (ибо 1905 — только неудавшаяся раскачка, а Октябрь — легкий переворот уже сдавшегося режима), — такая революция *никем из наших оппонентов не упоминается*, не то что уж не исследуется. Да почему же так?

Да откровенно: нечего сказать. Трудно объяснить в благоприятном смысле для либералов, радикалов и интеллигенции. А во-вторых, не менее главное, снижу голос: не знаю т. Вот так, всё учили, до, и после, и вокруг, и XVI век, а Февраля — не знают. Отчасти потому, что и большевицкие пропагандисты и учащие профессора всегда спешили вперед — к Октябрю и к интернациональному счастью народов, освободившихся из российской тюрьмы. Отчасти — и сами промаршируют эти неприятные 8 месяцев, трудные к оправданию.

А между тем, господа, вот тут-то и был взрыв! Вот тут-то и выхвачен бомбовый черный ров — а вы как легко облетаете его на крылышках.

А я — взялся напомнить. Я годами копил, копил — не цитаты из чьих-то обзоров, а самые первичные факты: в каком городе, на какой улице, в каком доме, в какой день и в котором часу, и несколько сотен важнейших деятелей всех направлений, всех видов общественной жизни, и каждого жизнь осматривается, когда доходит

до описания его действий, и повествование без главного героя, ибо не бывает их в истории миллионных передвижений. И начал из тех Узлов публиковать главы, обильные фактами и цитатами из жизни, сгущенный, объективный исторический материал, открытый для суждения всем, дюжина глав, страниц уже до 400, да петита.

И что же? Вот поразительно! Обмолчали! Любую фразу моей публицистики (десятая часть написанного мной) — выворотили, обнюхали, истолковали, испровергли с 10 сторон. А эти главы — как не заметили. Отчего же их перья не клюют вот это? Казалось бы: философу Шрагину с его искренней „тоской по истории” (перепечатывает из книги в книгу, и как верно требует — помнить! вспоминать!) — вот бы и брать историю! разведать, оценить, указать на ошибки, раскритиковать, разнести вдрызг? Нет!.. Во-вторых опять-таки: это не та доступная обзорная либеральная культура, нарастающая сама на себе слоями — вторично, третично, где уже до нас потрудились многие просвещенные умы, а мы только — хватить пример из XV века, хватить из XVIII, — а здесь труда много класть, и здесь потребно собственное вживание в обнаженную историю, стать и ощутить себя в ее трясении беспомощным стебельком. Куда легче порассуждать „вообще”. Но и, во-первых, это всё — крайне неприятный материал, идущий в противоречие с теориями и желаниями, непривлекательное знание. И — смолчали, обошли, как нет, как не было!

Не все, отдадим справедливость. Один профессор, из самых пламенных плюралистов, окрикнул (это место и другие все заметили): зачем я в думском заседании цитирую крайне правого Маркова 2-го? (А он держал там речь больше полутора часов, ему продляли, как же мне отобрать? я там не председатель. Значит — вычеркнуть, переписать историю по оруэлловскому рецепту?) А главное, окрикнул: „Нет смысла задним числом устраивать суды над Миллюковым или, скажем, Парвусом (над Сталиным — нужно, это вопрос иной).” А — почему иной? а как насчет Ленина? — не указал. И еще один историк: „нас не интересует роль Парвуса в русской революции”.

Вот так так! Вот это „тоска по истории”! Да ведь и пишут: „что пользы расчесывать язвы, и без того зудящие нестерпимо”?

Ба! Так от демократических плюралистов я слышу то же самое, что слышал от коммунистических верзил с дубинами, когда прорвался „Иван Денисович” (не пускали меня дальше, к „Архипелагу”): не надо вспоминать! зачем ворошить прошлое? — это так больно, это сыпать соль на старые раны!

Так тем опаснее станет для нас Февраль в будущем, если его не вспоминать в прошлом. И тем легче будет забросать Россию в ее но-

вый роковой час — пустословием. Вам — не надо вспоминать? А нам — надо! — ибо мы не хотим повторения в России этого бушующего кабака, за 8 месяцев развалившего страну. Мы предпочитаем ответственность перед ее судьбой, человеческому существованию — не расхлябанную тряску, а устойчивость.

О Семнадцатом годе потому и судят так невежественно и с такой легкостью, что года этого не представляют. (Кто дерзает и на фантастические выкладки, почти вроде марсианского десанта: а вдруг бы „черносотенцы взяли в свои руки“?..) Народную распущенность, возбужденную еще до большевиков всеми образованскими подстрекательствами Февраля, — теперь изображают коренно-народным прорывом векового классового гнева, для которого большевики оказались лишь послушными удобными выразителями.

И поэтому заговорщицкий октябрьский переворот — ? „Бунт народа.“ — „Лидеры октябрьского переворота скорее были ведомыми осуществителями массовых желаний (а лидеры Февраля — стало быть не массовых? — А. С.). ... Они не порывали с народной почвой“ (! — в Женеве, в бреде соцдемовских брошюр). „Как революция, так и ее последствия — национальны.“ (Да товарищи-господа, зачем же вы из Советского Союза уезжали? — это можно всё и там открыто печатать.) „Взбунтовавшийся народ руками ленинской партии свергнул интеллигентскую демократию“, — и барашкам-ленинцам реабилитация. И даже так рыдают: „развитие марксизма было приостановлено Октябрьской революцией“. И размышляет философ: „Октябрьская революция последовательно, ни минуя ни одного пункта, опровергла все утверждения марксизма.“ (Например — марксизму „науку восстания“, захват банков, телеграфа, власти? диктатуру „авангарда“, классовую борьбу? атеизм как стержень идеологии, сокрушение „жандарма Европы“? — да многое...) „Октябрьский переворот — прорыв азиатской субстанции.“ Но, в противоречие с этим, другой философ: „Пока старые большевики не были истреблены — над ЦК и ЧК клубился дух демократии.“ (Попал бы ты к ним туда!)

От октябрьского переворота мой обзор несколько разветвится: наши плюралисты стопроцентно единодушны в осуждении старой России и в игнорировании Февраля — но с Октября разрешают себе различие оценок, правда, не слишком пестрое. От этого чтение их не так безнадежно уныло, как я опасался; бывает написано совсем не зло, и не со злости.

Можно встретить такое: „Ленин прежде всего был гений, и нет сомнения в его субъективно честных намерениях... Обаяние его всё еще сильно в России, перед ним всё еще благоговеют и преклоняют-

ся.“ (Очень сердечно, узнаете? Это Левитин-Краснов.) „Ленин не был убийцей подобно Сталину или Гитлеру“ (это наследница ревдемократов. Да это так общеизвестно, что и западным радиостанциям указано не критиковать Ленина, чтобы... не потерять аудиторию в СССР!). „Слово ‚советский‘ глубоко привилось в России и не вызывает у большинства населения отрицательных эмоций.“ „Советская ‚нация‘ существует... *Положительные идеалы ‚советскости‘*“ (это — наследник коммунистического вожака). „Коммунистический интернационализм — общемировое движение с общечеловеческими целями“ (это — присоединившийся М. Михайлов) — а не какой-нибудь „прорыв азиатской субстанции“, да и приняли же большевики „самую разумную и умеренную эсеровскую программу“ по земле (просто отобрали в с ю землю государству и весь урожай). Правда, „дравящая партия надругалась над *идеалами*“ (мне и самому неудобно, но это — Шрагин). — „Перерождалась и умирала сама партия.“ Той, в которую „я вступила радостно, давно нет в живых.“ (Позволительно поправить — что *та самая*, которая в Киеве 1918 года, вместе и с молодым активом, творила первые каннибальские убийства, а сегодня — в Абиссинии, в Анголе. И хотя „не берусь ответить, почему произошло то, что произошло“, но „отречения от моего прошлого никто не дожидается“. Какая способность к развитию! Дальше и „советское отношение к литературе, к мысли — это вовсе не выражение советских идей“, — так понять, что русская традиция, что ли? И, наконец, отступая, отступая по ступенькам, всё же упинаются, что советское правительство — не „самое гнусное“ на планете. (А отчего бы тогда не назвать, какое же гнусней?)

Историю своего просветления и умственного обогащения плюралисты не скрывают: „новая интеллигенция“ — от XX съезда КПСС. „В 1953 почти никто не признавал реальности.“ (Совсем уж глупенькими народ представляют. Сознали — десятки миллионов, да уже полегли, или языки закусил. „Не признавали“ — кто был на элитарном содержании.) А потом „у интеллектуалов будто пала катаракта с глаз“. (И как не стыдно такое печатать? Кому „открыл глаза XX съезд“ — вот это и есть р а б ы: о миллионных преступлениях им должны открыть сами палачи, иначе они не догадываются.)

Да Михайлов-то, издавая глядя, раньше их всех и открыл: „Что во всем виновата марксистско-ленинская идеология — не выдерживает никакой критики... Идеология ничего не определяла.“ Когда уничтожают целые классы по 20 миллионов человек — это оказывается всего лишь „жажда власти“. „И борьба с религией ведется не из-за идеологии, а из-за власти“, — без уничтожения верующих какая же нынче власть может устоять? „Идеология никогда — (и в комин-

терновские времена) — не определяла внешней политики Кремля! Ну, а из „жажды власти” и американские политики погрызывают друг другу глотку, так что это всё понятно, близко, обыденно, и бояться Западу нечего. Да идеологию „мировой революции или построения социализма” наш планетарный автор называет „передовой”, ее-то тем более нечего бояться.

Наиболее изо всех раздумчивый Шрагин настойчиво убеждает нас: „дело не в марксистской идеологии, а в нас самих”. О да, конечно, в высшем смысле — в нас самих, да! Во всяком грехе, которому мы поддаемся, например, сотрудничаем на марксистских кафедрах, прежде всего виноваты мы сами. И в том, что сегодня человечество на 50% уже проглочено коммунизмом, на 35% туда ползет, а на 15% шатается, — виноваты сами эти 50, и эти 35, и даже те 15. Но почему уж так вовсе „не в идеологии”? Если мы умираем от яда, хотя бы и добровольно выпитого, — хил наш организм, что не мог сопротивиться, — но яд все-таки был?

Итак, что же мы получили в результате величайшего исторического и т. д. интернационального (межнационального) акта? Ну конечно же — „то, что у нас называют социализмом”, — „это государственный капитализм”. — „То, что зовется у нас социализмом, есть типически-азиатское — и русское в том числе — порождение.” — „У внутреннего строя СССР *ничего общего* с социализмом нет”, „когда-то начали строить совсем другое общество” (пожить бы тебе в том военном коммунизме, когда баржами топили, да расстреливали крымских жителей через одного). — „В России коммунизм в прошлом” (да сбудется это как пророчество!), Сталин, де, погубил и убил истинный коммунизм, — размазывают самое затасканное представление о Сталине, какое на Западе мызгают уже четверть века — с XX съезда, когда у всех у них „катаракта пала”. (И с их руки русскоязычная радиостанция с дрожью в голосе спешит передать эту новинку в СССР.)

Никто из плюралистов не взялся нам нарисовать подробное историческое полотно, как это коммунизм хотел утвердиться, да не вышло на русском болоте. Но дают нам некоторые бесценные детали. „Ведь не угрожали же тем, кто именовал бы (города и улицы) по-прежнему, ни аресты, ни расстрелы, ни даже увольнения с работы.” (Это в подлбом контексте выражено, что быдло русский народ сам не хотел постоять за свое прошлое.) О, коротка же память! О, еще как грозило! Промолвили бы вы „Тверь” или „Нижний Новгород” — где бы вы были? Мой Тверитинов погиб на этом, и случай подлинный. А и за уличный вопрос „где Таганрогский проспект?” вместо „Буден-

новского” — вели вас в милицию тотчас и неизвестно, с возвратом ли. — „Враждебность интеллигентской и народной психологий в терроре 30-х и 40-х годов”. — „Не случайно жертвы партийных чисток получают название „врагов народа””. — „Вина русской интеллигенции перед самой собою” (а не перед народом). — „Интеллигенция не была информирована, разделена взаимным недоверием и страхом” (как будто масса была информирована и не разделена тем же), и не из советской интеллигенции состоял „контингент давителей,” — да побывали, побывали, и в прокуратурах, и в ЧК. (Особенно когда „над ЧК клубилась демократия”.) А — среди пылающих партийных, комсомольских активистов и доносчиков 20-х и 30-х годов? „Представляют большевизм естественным порождением интеллигенции, однако это неверно”. (Однако это уже некрасиво, это как в 1937 отречься от осужденного брата. Все ревдемы все революционные годы никогда не оклеветывали так большевиков: верно чувствовали их частью себя, из-за того и бороться с ними не умели.) А всё это раскулачивание, 15 миллионов жизней, против чего интеллигенция никогда не протестовала, а кто и тек в деревню в городских бригадах-отрядах, и можно бы теперь хоть покраснеть? — нет! — это „крестьяне сами увлеклись собственным раскулачиванием”. (Ахнешь! И это нашлепал уважаемый диссидент.) — „Колхозы — чисто русская форма.” (Смотри ее во всех веках: план посева из города, бригады, палочки трудодней, ночная стрижка колосков.) — „Лишь русские и китайцы могут находить этот социальный порядок естественным.”

То есть „природное” вечное „русское рабство”, о котором уже столько нагужено.

А плюралисты — не „рабы”, нет! Но и не подпольщики, и не повстанцы, они согласны были и на эту власть и на эту конституцию — только чтоб она „честно выполнялась”. Это не один только прием у них был — „соблюдайте ваши законы!”. Они это писали в СССР и пишут в эмиграции: „У правозащитников не было цели установить в Советском Союзе другой политический строй или хотя бы определенно изменить тот строй, который существует.” Они никак не схожи ни с бойцами белого движения (из того „рабского народа”), ни с крестьянами-партизанами 1918-22, ни с доонскими и уральскими казачками (всё из тех же „рабов”), ни с Союзом защиты родины и свободы в московском подполье, ни с ярославскими и ижевскими повстанцами, ни с „кубанскими саботажниками”, — а это всё наша сторона. В моем „Иване Денисовиче” XX съезд и не ночевал, он бил не по „нарушениям советской законности”, а по самому коммунистическому режиму. На нашей стороне не знали мудрости Померанца, что не

надо бороться с окрепшим злом: мол, через 200 лет оно само изведет-ся; что коммунистическому перевороту в Индонезии не следовало противостоять, ибо это „вызвало резню”. Так и нашей Гражданской не следовало затевать? — а сразу сдать переворотчикам? „Пусть Провидение позаботится, как спасти то, что еще можно спасти.” Против безжалостной силы, которая сегодня обливает желтым дождем лаосцев и афганцев, накопила атомные ракеты на Европу, — не надо бороться? Конечно, живя в Советском Союзе, приходится выражения выбирать. Но — не так же далеко. Но ведь это и искреннее убеждение многих плюралистов, что коммунизм — не зло.

А мы, войой, не войой, — все равно „рабы”. И — „революция в России осталась национальным делом”.

Так — заканчивается „тоска по истории”. Так — меркнут волшебные переливы плюрализма. Увы, увы, где-то на свете он есть, да что-то нашим не достигим.

Так — не надолго и не далеко разветвлялись течения плюрализма, вот они снова все плотно текут проверенным руслом. — „Это рас-тление человеческих душ не содержит в себе ничего специфически коммунистического.” — „Русский социализм вылился в формы, специфичные для данного народа.” — „Сталин возможен был только потому, что русскому человеку нужен был новый царь-Бог.” — „Из-под коммунистической маски — традиционная российская государственность”, советское общество „приобрело структурные очертания Московского царства”. — „Хитрый татарский механизм.” — Большевицкое „обоготворение техники — это трансформированное суеверие крестьянского православия.” (И с таким сумбуром автор идет в священство.) — „Россия строила свое народное государство”, и получила, что хотела: партия и народ едины, власть общенародна, держится народом, — это мы и в „Правде” читаем, это и общий главный пункт плюралистов, об этом и все рефрены Зиновьева.

В какую же плоскость сплющил сам себя этот плюрализм: ненависть к России — и только.

Таким единым руслом потекли, что в десятке их главных книг даже не встретишь названия „СССР”, только пишут „Россия, Россия”, можно подумать, что от душевного чувства. И даже чем явнее речь идет об СССР — тем с большей сладостью выписывают: нынешняя „Россия делает достаточно гадостей, а в будущем может их наделать и еще больше.” А всё ж иногда и помучит научная добросовестность: ну Россия ладно, Россия, или там „Советский Союз — это терминологический трюк”, — а как же остальные 30 стран под коммунизмом? — они тоже „в структурных очертаниях Московского царства”

ва”? И тут, кто пофилософичней, находит мудрый ответ: „К русскому варианту вообще склонны остальные страны, не имеющие опыта демократического развития.” Вот это называется утешил, подбодрил! Так таких стран на земле и есть 85%, так что „хитрый татаро-мессианский механизм” обеспечен. А в оставшихся 15% был бы социализм самый замечательный! — да только их раньше проглотят.

Худ же прогноз.

Прогнозы? В будущем „тоталитаризм может даже отбросить атеизм” (Михайлов. Жди-пожди, кто ж от своего фундамента откажется? Да никого озвереннее не ненавидели хоть Маркс, хоть Ленин — как Бога.) — „Что в России происходит духовное возрождение — это вызывает смех.” В освобождении от тоталитаризма „национальное возрождение совершенно не при чем”. — „В качестве общественного человека русский человек останется навсегда рабом”. — Программы будущего? „Есть все основания надеяться, что повторится Февраль и повторятся свободные выборы в Учредительное Собрание — (будто то были выборы) — и никакие враги плюралистического строя не смогут его разогнать.” — Одни предполагают, что обойдется без революции (неясно откуда тогда Февраль), другие (Плюш) откровенно жаждут революции, которая изменит „и политическую сферу, и экономику”. Кто видит лучшим выходом — „как предложил Ленин!” — избрать в нынешний ЦК „сто простых рабочих” — (непонятно, почему Ленин при власти сам же их и не избрал) — можно и нужно инженеров и ученых, но не от всего населения, а от крупнейших предприятий, институтов, и разумеется чтобы все они были членами партии, — и так СССР, простите Россия, будет спасен. Дело в том, что „для великого и образованного народа все дороги ведут к демократии, притом основанной на социалистических идеалах”. У народа нет навыков демократии? — неважно, но „есть потребность в ней”. Один заносится и на более решительный проект: предлагает внутри переходной России между спорящими группировками или классами установить западный, видимо военный, арбитраж. (Насколько ж надо у дальнего океана потерять реальное чувство соотношения сил, чтобы такое вылепить?) Есть и так: „Обязательно должно сохраняться государственное планирование, пока мы не перейдем к коммунизму” (курсив мой).

А вот — закружившийся планетарист. Он вообще отказывается решать будущее в пределах одной страны: „не будет даже полутора лет и ни для одного народа спокойной жизни, посвященной только внутренним задачам”. (Упаси нас Бог от такого будущего! и жить не надо.) Идет „подготовление человечества к общемировому объедине-

нию”, „дуть планетаризации человечества необратим”, „так называемое „национальное самосознание””, „никаких национальных государств вообще в мире не будет”, — а будет общемировое правительство?

Страшная картина. Грандиозный нынешний кабак ООН, безответственный, на пристрастных голосованиях, не способный ни на какой конструктивный шаг и за 40 лет не решивший ни одной серьезной задачи, — да наделить его кроме парламентарных прав еще и исполнительными? Если даже в малых странах, где всё обозримо, то и дело открываются коррупции, скандалы — то кто ж докричится мировому зевлу о нуждах своего отдаленного края? Всё будет — в чужих, равнодушных, а то и нечестных руках. Это уже — конец жизни на Земле. Если серьезно уважать „швейцарский” принцип, что местное управление должно быть сильнее центрального, то в этой иерархии что остается всемирному правительству? Ноль. Тогда — и зачем оно?

Но — снова же об интеллигенции. Дело в том, что интеллигенция „самим фактом своего существования утверждает права личности” — и „именно поэтому всегда была и остается чужда народу”... Да и вообще: „протест их индивидуален, они никого не хотят вести за собой”. И даже: „Вести за собою массы могут лишь демагоги, выбрасывающие „народу” вовсе не те лозунги, которые намерены осуществить.” Вот те раз. А как же тогда с ценностью демократии и из чего состоят демократические выборы? Да не волнуйтесь, успокаивает нас запредельный демократ: даже „самые обманчивые, демагогические, подкупные выборы в каком-нибудь американском штате — в моральном, этическом, духовном и христианском смысле несравнимо выше *всей* (курсив автора) многовековой истории русского самодержавия”! Потому что „идеология демократического общества определяется стремлением к Богу”... (И *тот же самый* автор убеждал нас, что марксистско-ленинская идеология ни в чем не виновата, ибо „идеология ничего не определяет”). А например, „вполне законно сомневаться, что монополия католической церкви в Польше была бы намного лучше, чем монополия коммунистической партии.” И вот: „Террористы появляются только там, где в самом деле под видом демократии скрывается какая-либо форма неравенства перед законом, а значит и скрытый авторитаризм.” А так как террористы кишат более всего в Западной Европе — то и...? Разбирайтесь сами.

Всё говоримое тут о плюралистах отнюдь не относится к основной массе третьей, еврейской, эмиграции в Штаты. В их газетах на русском языке круг авторов, а значит и читателей, далеко обогнал

наших плюралистов в понимании Запада. Они — всё яснее видят язвы Америки и всё отчетливей о них говорят. Приехав в эту страну, эти люди хотели бы прежде всего не теоретизировать о демократии, а видеть тут элементарный государственный порядок. Но тем вопиюще обнажается тыл плюралистов, в котором они были уверены! И теперь они публично жалуются на еврейскую эмиграцию, что та находит американские свободы избыточными до опасности. Нельзя без улыбки читать жалобы ведущего плюралиста, его возмущение трезвыми пожеланиями новой эмиграции: ограничить вмешательство общественного мнения в дела правительства; усилить административную власть за счет парламентаризма; укрепить секретность государственных военных тайн; наказывать за пропаганду коммунизма; освободить полицию от чрезмерных законнических пут; облегчить судопроизводство, при явной виновности преступника, от гомерического адвокатского формализма; перестать твердить про права человека, а сделать упор на его обязанностях; воспитывать патриотическое сознание у молодежи (караул! что это делается? куда мы попали??); запретить порнографию; усилить сексуальный контроль; искоренить наркотики из молодежного употребления; и еще о многом подобном — о гибели школы, о моральной гибели детей. Но это идет в полный развал идей высочайшего и широчайшего демократизма, с которыми наши плюралисты приехали из Москвы! Они-то привезли, что „Америка через Ватергейт очищалась от грязи вьетнамской войны”, а тут — отчаяние: „большинство эмигрантов настроены антидемократически”, „антидемократическое настроение как единственно возможное...”, „выступления Солженицына воспринимаются большинством наших эмигрантов как выражающие очевидность”, „почему среди выходцев из Советского Союза антидемократы берут верх?” Увы, и еще я должен отличить: иные авторы эмигрантских еврейских газет и журналов не скрывают, что навек пронзены русской культурой, литературой, и нападки на Россию в целом у них заметно реже, они открыли в себе глубину сродства с Россией, какого раньше не предполагали. Не то плюралисты. „Выбрав свободу”, они спешат выплеснуть в океан самовыражения, что русские — со всей их культурой — рабы, и навсегда рабами останутся.

Комично печальное впечатление от того, как плюралисты несут и слагают свои жалобы и надежды к стопам Запада, ослепленно не видя, что Запад сам — накануне гибели, и сам себя уже не способен защитить.

Кто активнее, кто менее, они спешат преподнести Западу свои советы, как держаться относительно коммунизма. Но вместо ожидае-

мого плюралистического спектра мы и тут встречаем довольно унылое однообразие. Мы уже видели, что по их оценкам либо не коммунизм виноват в том, что делается в СССР, либо даже это вообще не коммунизм. — „Борются против коммунизма и тем расходуют силы впустую.” Черную и опасную работу — снова, и впредь, и вечно выставлять против живого коммунизма, они оставляют другим. Себе они видят более актуальные задачи. — „Логически невозможно доказать, что русский вариант коммунизма единственно возможен.” — „Кто знает, возможен и бархатный коммунизм?” „Чего нам бояться? Зачем рисовать грандиозный образ мирового зла? ... Они тоже начинали с борьбы за добро” (Померанц. И даже я бы добавил: во скольких странах прямо сегодня на наших глазах начинают с борьбы за добро при помощи автоматов и ракет.) А вот европейские марксистские компартии — это „грозная опасность Советскому Союзу”. — „Мне не хочется встречать анафемой первые шаги еврокоммунизма.” „Такое важное явление как еврокоммунизм”. (А меж тем — он уже и испарился.)

Еврокоммунизм — надежда, а угроза — это русская „националистическая банда”, которая всё уже приготовила, чтобы сменить Брежнева в СССР. И когда касается этого — еще острее сужается весь ожидаемый спектр плюрализма. „Проблема национализма” — любимейшая для их изданий, и даже когда вот сейчас собрались в Бостоне на литературную вроде бы конференцию — то сразу же и сбились на проблему „национализма”. И — одиноко, и — осуждаемо прозвучали отдельные голоса (да и совсем не тех философов, кем наполнена эта глава), что может быть этот пресловутый „национализм” — попытаться бы понять? и даже войти с ним в союз? Нет! нет! отрезали вершители, выступая и по дважды. И — восстановили то единомыслие, какое беспомешно течет все эти годы по их плюралистическим каналам и в западные уши. Не дать, не дать русским очнуться к национальному сознанию!

Где Западу разобраться? Почему ему не верить — если *сами русские* предупреждают: будет „православный фашизм”! „Крест над тюрьмой вместо красного флага”! — Синявский по „Штерну” „кроткий христианин из СССР”, по „Вельтвохе” славянофил, а сам себя публично не раз называл православным, — так зря на своих не скажет? До него осторожно указывали плюралисты: „У нашей интеллигенции есть все основания быть предубежденной против православия”, православная Церковь прежде должна „вернуть себе доверие интеллигенции” — то есть православию еще надо заслужить себе место в плюрализме. А тут — „Сны на православную Пасху”, название вызывает

особое доверие, православие так и выпирает из груди автора. А он — эссеист не простодушный, не однослойный, вот умеет вовремя увидеть и нужный сон, умеет и пропользовать слово, так вывернуть абзац и фразу, что как бы совсем не от него, неизвестно от кого, вдруг выползают эти нужные каракатицы: „Крест над тюрьмой вместо красного флага”. Кто это? где это? А — лови. Умеет как-нибудь так построить, пугануть: „Альтернатива: либо миру быть живу, либо России” (и в языке раскоряка: древняя форма рядом с „альтернативой”). И каждый здравомыслящий откинется в ужасе: ах, вот как? И нас о том предупреждает русский? Какой же выход, какой же выбор подсказывается прочему миру, если он хочет жить?..

И — никто из плюралистов не возразит, не остановит. Да ведь — истины же нет, и никто не знает, „как надо” и „как не надо”.

Нераздумчивым американцам как угодно выворачивают нашу старую историю, чтобы соорудить эстакаду Грозный-Петр-Сталин, а все века русской жизни потопить в болотной невыразимости. А чего стоит нечестное, неосмысленное употребление термина „неославянофилы” (как и в XIX веке „славянофилы” изобретено оппонентами, кличкой-дразнилкой) — вот уж ни одного живого „славянофила” сейчас в России не знаю. Есть патриоты умирающей родины — так так надо и говорить, не юля. А если „профессиональному историку” потребуется срочно под перо славянофил XX века, так не глядит на ведущих — Дмитрия Шилова, Александра Самарина — а хватает ничтожного Шарапова и сдувает с него пыль в глаза. Вот так и мотают нам „историю” на шарапа. А произошла кровавая революция в Иране — наши честные и образованные плюралисты задули во все трубы, что православие — это и есть исламский фундаментализм и даже еще кровавей. Лепят басенки о „голубях” и „ястребах” в Кремле, об обещательной смене старого поколения вождей на молодых, и как СССР можно обуздать и направить торговлей с советскими „динамичными менеджерами”, лавочный анализ, и на этом строят прогнозы на тараканьих ножках — а в их компетентности вольная американская демократия не посмеет усумниться до самого дня своей гибели. Так и читаем мы в видных американских изданиях: то „Брежнев — миротворец” (перед вторжением в Афганистан), то „советская агрессия — старая сказка”, „от коммунизма остались одни слова”. Наш плюрализм до того не имеет объемного взгляда, что, вместе с Западом, не видит, как коммунизм шагает через горные хребты и океаны, с каждым шагом раздавливает новые народы, скоро придушит и всё человечество вместе с плюрализмом, — нет! У наших плюралистов: то злокозненный мессианизм, которым якобы пылала масса русского народа от

XV века до XX; то темное православие; то гнилость русской истории (обновленная лишь идеалистическими ленинскими годами); мракобесие всех национальных течений и учений, извечная скотскость народа; и новая опасность для всего человечества — русского выздоровления, которое непременно станет еще страшнейшим тоталитаризмом.

А забегливые спешат забежать перед Западом и многобрызно: у русских националистов — „братское соединение с режимом“! „Сближение ‚правых диссидентов‘ и официальной Новой Правой“!

Сближение — через кандалы. „Брата“ Огурцова догноили 15 лет до конца и послали умирать в лесоповальную глушь. И второй восьмеркой, до тех же 15 лет, догнаивают „брата“ Осипова. И посадили на второй срок „брата“ Бородина. Не как врагов-плюралистов, не как тех свободомыслящих журналистов отпускали на Запад, не как враждебного Синявского, „единственно опасного из писателей эмигрантов“ (как понял из интервью с ним „Штерн“), — освободили из лагеря досрочно. (Предлагаемые им аспекты дwoятся: „Монд“, 7 июля 79 — „находился в плохих отношениях с лагерной администрацией“; „Штерн“, октябрь 81 — „благодаря хорошему поведению“.)

Победа „Новой Правой“ будет — „конец детанта и усиление гонки вооружений“ (да куда ж еще усиление?), их цель — „реставрация сталинизма“, „сочетать ленинизм с православием“. И громко срывается метучая журналистическая чета: „Секретная Русская Партия — очень мощная и всё захватывает“, „у нее есть свой ЦК, теневой кабинет, железная связь между Москвой и провинцией“, даже „защита памятников старины связана с Госбезопасностью“, „в этом обществе особенно видна зловещая роль Русской Партии“. И даже добавим: только эта националистическая банда и могла задумать уничтожить русский Север — ограбить реки, затопить пространства, а сам русский народ так отечески привести к вымиранию. — „КГБ и Русская Партия имеют тенденцию перекрыватьсь“, хотя „большинство основателей Русской Партии — журналисты и литераторы“. (Что-то соскользнули, тут уже не так страшно.) Да жми железку до конца: „Русские националисты — попросту фашисты и используют немецкие приемы“, „Русская Партия переходит в национал-фашизм“. — „Они нагло следуют аргументам и процедурам (?), которыми пользовались их германские братья по оружию“.

Тут уже — сердце Запада не откажет, в реакции можно быть уверенным: русских надо уничтожать! А коммунизм меж тем — во все затмен и исчез. (Так что можно и воспользоваться китайской мощью.)

Эти настойчивые призывы — уже не по-русски печатаются, не

для эмигрантов, а — для американских простаков, и формируют же мнения, и обещают действия. Афганистан? Польша? — на Западе шлются проклятия не советскому имени, но русскому, и плюралисты не поправят, но сами то и создают. „Русский империализм“, „за жесткую внешнюю политику СССР ответственна ‚Русская Партия‘“, этот гибрид лагерников с маршалами. Неразумно, безумно толкают Запад повторить гитлеровскую дорожку: воевать не против коммунизма, а против русского народа.

Никак не обещали нам в спектре плюрализма — лжи и обманых приемов. Уж их-то можно было оставить советской пропаганде? Нет, прихвачены по наследству.

Отчасти по московско-ленинградской нечувствительности к страданиям деревни и провинции (эти два города полвека были усыплены и подкуплены за счет ограбления остальной страны), наша образованщина слепа и глуха к национальному бытию, не научилась видеть и не тянется видеть процессы истинные, грандиозные: вода, воздух, земля, еда, отравленные продукты, семья, вымирание, новое брежневское наступление на деревню, уничтожение последних остатков крестьянского уклада; что 270-миллионный народ мучается на уровне африканской страны, с неоплаченной работой, в болезнях, при кошмарном уровне здравоохранения, при уродливом образовании, сиротстве детей и юношества, оголтелой распродаже недр за границу, — но читайте журналы и сборники плюралистов: об э т о м ли они пекутся? Если бы действительно заботились о России — то почему ни о чем об э т о м? Для славянских народов нашей страны дума сегодня уперлась в простое: они вымирают, еще останутся ли на земле? Но ни у кого из плюралистов мы такой кручины не встречаем. Как их предшественники и отцы спокойно пропустили тотальное уничтожение еще ленинских лет, тотальное вымирание Поволжья, потом геноцидную коллективизацию, голод на Украине, на Кубани, послевоенные потоки ГУЛага (только заметили вовремя партийные чистки 37-го года, „космополитов“ и „дело врачей“), так и сегодня наши плюралисты не замечают, что Россия — при смерти, что она уже — обмерший полугруп, — а кружится на павшем теле хоровод оживленных гномов, всё нашебечивая свое. Для доверчивого Запада переписывают нашу новейшую историю по вехам диссидентских выступлений. Преувеличением столичного диссидентства и эмиграционного движения отвратили внимание мира от коренных условий народного бытия в нашей стране, а лишь: соблюдает ли этот режим-убийца свои собственные лживые законы? После своевременной эмиграции их забота теперь: возликует ли неограниченная свобода слова на другой день после то-

го, как кто-то (кто??) сбросит нынешний режим. Их забота — над какими просторами будет завтра порхать их свободная мысль. Даже не одумаются предусмотрительно: а как же устроить дом для этой мысли? А будет ли крыша над головой? (И: будет ли в магазинах не подделанное сливочное масло?)

Сколько среди них специалистов-гуманитаристов — но почему ж нам не выдвигают конкретных социальных предложений? — да разумными давно бы нас убедили! Чем восславлять себя безграничными демократами (а всех инакомыслящих авторитаристами), да расшифруйте же конкретно: *какую* демократию вы рекомендуете для будущей России? Сказать „вообще как на Западе” — ничего не сказать: в Америке ли, Швейцарии или Франции — всё приурочено к *данной* стране, а не „вообще”. Какую вы предлагаете систему выборов: пропорциональную? мажоритарную? или абсолютного большинства? (От выбора системы резко меняется состав парламента, и большие меньшинства могут „проглатываться” бесследно, либо напротив никогда не составится стабильное правительство.) Должно быть правительство ответственно перед палатами или (как в Штатах) — нет? — ведь это совсем разное действующие схемы, и если, например, парламентское большинство обязано поддерживать „свое” правительство из одних партийных соображений — то это опять власть партии над народным мнением? А степень децентрализации? Какие вопросы относятся к областному ведению, какие к центральному? Да множество этих подробностей демократии — и ни об одной из них мы еще не слышали. *Ни одного* реального предложения, кроме „всеобщих прав человека”.

А — переходный период? Любую из западных систем — к а к именно перенять? через какую процедуру? — так, чтоб страна не перевернулась, не утонула? А если начнутся (как с марта 1917, а теперь то еще скорей начнутся) разбои и убийства — то надо ли будет разбойников останавливать? (или — оберегать права бандитов? может, они неменяемы?) и — к т о это будет делать? с чьей санкции? и какими силами? А шире того — будут вспыхивать стихийные волнения, массовые столкновения? как и кто успокоит их и спасет людей от резни?

Ни о чем об этом наши плюралисты не выражают забот.

Ну, скажут, и пусть их? Там, в России, их здешний гулок не воспринимается как имеющий значение, а тем более как угроза нашему реальному будущему.

Если бы опыт Семнадцатого года не пылал у меня под пальцами — вероятно и я не придавал бы значения. Но что-то становится —

весьма похоже. Уже основательно мы испытали один раз, как нас заболтали и проторили „стране рабов” дорогу в светлое будущее. Наворачивают, наворачивают — а как бы опять не вокруг нашей головы, как бы опять не затмить нам глаза. Прежде чем Россия придет в сознание — уже направить это сознание. И уже сейчас, где могут, наталкивают по русскоязычному радио, чтобы правильно повести оставшееся там население.

Скажут: ну, не такие ж это крупные фигуры, как те прежние. Да а те, разобраться, нешто были крупные? Каких история выпускает на арену — те и действуют. Да не верстаются нынешние и к либерально-демократической эмиграции 20-х годов ни по масштабу, ни по уровню мысли, ни по общественному опыту, — а ведь насколько превосходят тех по возможностям. Те — перебивались с корки на корку, убивались заработать сотню франков, не знали где голову приклонить, а напечатать статью в крупном французском или американском издании им было много лет недоступно. Эти — основывают собственные издательства, журнал за журналом (уже сейчас их выходит в эмиграции столько, что хватило бы на всю Россию), ездят по конференциям, открыты им и западные газеты, открыты и университетские кафедры, их слушает Запад, молодой и не молодой. Их влияние на Западе несравнимо с влиянием всех предыдущих эмиграций из России.

А если оглядеть круг личностей шире, чем цитированные здесь: ведь десятилетиями жили в столицах, и многие служили на деликатном идеологическом фронте — марксистскими философами, журналистами, очеркистами, лекторами, режиссерами кино и радио, даже пропагандистами ЦК, референтами ЦК, даже прокурорами! — и нам, с лагерного и провинциального дна справедливо казались неотличимы от чекистов и чекистов, от коммунистической власти. Они жили с нею в ладу, ею не наказывались и с нею не боролись. И когда я в окружающей советской немоте 50-х годов готовил свой первый прорыв через стену Лжи — то именно через *них* прорыв, через *их* ложь, — и ни от кого из них нельзя было ждать поддержки. И вдруг — открылась возможность некоторым двинуться на Запад, и они двинулись, где-то по пути тихо роняя свои партийные билеты. И по другую сторону Атлантического океана вдруг стали исключительно смелы в суждениях о советской жизни, вчера успедали там, сегодня здесь, и громко рассказывают, как они, чистые и неподкупные, тяжело страдали в грязных гнездах пропаганды ЦК, или прокуратуры, или союза писателей и журналистов, опубликовавши в СССР кто по три, а кто и по десятку книг и множество газетных статей, и записывают себе в послужной список поставленные в СССР пьесы, фильмы, — а что это всё

было, если не ложь, ложь и ложь? И никто из них — ни один! — не раскаялся, не заявил публично, что это он и заплывывал наши глаза ложью, не рассказал ни о каком с в о е м соучастии, как он, хотя бы часть своих лет, укреплял и прославлял коммунистический режим и получал от него награды. Их философия: это — скотская народная масса виновата в режиме, а не я. Им и в голову не приходит, что настоящее творчество начинается не с безопасного (или даже опасного) сатирического разоблачения других, а с поисков своей собственной вины и с раскаяния.

Сегодня от Февраля то различие, что перед тем нельзя было „проговориться”, тогдашние плюралисты вещали совершенно открыто в 50 газетах и с 50 трибун, и можно было заранее видеть, что они готовят (но, по неопытности, не понимал почти никто, и даже многие сами они). А теперь, в СССР, все истинные взгляды, процессы, мысли, настроения, желания скрыты под казенной вменяемой однообразностью режима, под его чугунной коркой. И обнажиться могут только в эмиграции — но и как же откровенно! История вот произвела и показала нам предупреждающую пробу.

Как крупной народ, тем свободней он сам над собой смеется. И русские всегда, русская литература и все мы, — свою страну высмеивали, бранили беспощадно, почитали у нас всё на свете худшим, но, как и классики наши, — Россией болея, любя. А вот — открывают нам, как это делается ненавистно. И по открывшимся антипатиям и напряжениям, по этим, вот здесь осмотренным, мы можем судить и о многих, копящихся там. В Союзе все пока вынуждены лишь в кармане показывать фигу начальственной политучебы, но вдруг отвалились завтра партийная бюрократия — эти *культурные силы* тоже выйдут на поверхность — и не о народных нуждах, не о земле, не о вымираньи мы услышим их тысячекратный рев, не об ответственности и обязанностях каждого, а о правах, правах... — и разгрохают наши останки в еще одном Феврале, в еще одном развале.

И в последней надежде я это всё написал и взываю, и к этим и к тем, и к открывшимся и к скрытым: господа, товарищи, очнитесь же! Россия — не просто же географическое пространство, колоритный фон для вашего „самовыражения”. Если вы продолжаете изъясняться на русском языке, то народу, создавшему этот язык, несите же и что-нибудь доброе, сочувственное, хоть сколько-нибудь любви и попытки понять, а не только возвышайте образ, как („Синтаксис” № 3, стр. 73) „у пивной, размазывая сопли по небритым щекам, мычит”... — а мат оставляю докончить вашим авангардным бестрепетным перьям.

* * *

Теперь вот читаю, что понаписали за эти годы лично против меня — редко встретишь честную полемику, то и дело выверт, натяжка, ложь. Вот видный культуртрегер („культура — это религия нашего времени”) дважды или трижды приписывает мне в западной прессе то желание „восстановить византизм Третьего Рима” (с какого бреху?), то иметь в России теократию, то „православного аятоллу”. И это — не ошибка одного ума или натяжка одного полемиста, но от одного к другому так и потекло и все указуют: „Солженицын предлагает теократию.” Да — где же, когда? — да перетрясите мои десять вышедших томов и найдите подобную цитату! Ни один не приводит. Значит, заведомо знают, что лгут? Да, вкруговую знают, что лгут, — и лгут!

На „аятоллу” мне пришлось всё-таки ответить, исключение, уже заврались за пределы. Ответил — абзацем в 80 слов (считая предлоги и союзы). Мне в ответ — 1300 (пропорция неуверенности), и притом ни тени извинения, что я публично оболган, а взамен — новая ложь: будто я „учу”, что „критерий нации предки, то есть кровь”. Да — где же это я так „учил”, что „критерий нации кровь”? Откуда это „то есть”? Цитаты — не ждите, и не дождетесь, ибо ее не существует. Очередная подтасовка, а литературовед мог бы прочесть „Ленина в Цюрихе” потоньше. Наши предки — да, это прежде всего наше духовное наследство, *ими* определяется оно, и из того вырастает нация, и из душевной связи с родной землей, а не с любой случайной, где досталось расти. И у Ленина — душевной связи с Россией мы не видим нигде, ни в чем, никогда. И если в Соединенных Штатах в польской, теперь и вьетнамской, семье растет ребенок — то каким бы образцовым гражданином Штатов он ни вырос, и даже если он никогда своей родины не видел, — всё же к сердцу его с наибольшим отзывом прикладывается боль его дальней родины. Отчего же иначе все поляки, вот уже и в четырех поколениях живущие в Штатах, так бурно и больно отозвались на события именно в Польше, а не в Камбодже или в Эритрее? И кто же настаивает, что это — „кровь”? Это — предки, духовное воспитание, национальная традиция. И вот отчего Соединенные Штаты и за 200 лет еще не спаялись в единую нацию, но раздираемы сильными национальными лобби.

Или вот распространенный прием плюралистов: выхватить удобную цитату, но не из меня, а из кого-нибудь — В. Осипова, Н. Осипова, Краснова, Удодова, Скуратова, Шиманова, Антонова — я может быть тех авторов и в глаза не видел, не переписывался, тем более в одни сборники не входил — неважно, деря цитату и лепи ее

Солженицыну, он ведь на лай не отгавкивается, значит — прилепится. Раз тот так написал — значит и Солженицын так думает!

И этим нехитрым приемом не брезгают многие плюралисты — начиная от „примкнувшего” Михайлова. И журнал, претендующий кажется стать эталоном нашего эстетического вкуса и утонченного мышления, — в первом же номере своим громит некоего Шиманова, преградившего дорогу всей свободной русской мысли, — разоблачитель-предупредитель мечется, мечется по шимановской конструкции, и выясняется, зачем: вот он собрал и выкладывает, что нашел „общего” у Шиманова с Солженицыным: всякий нехристианский народ — варварский, а Китай — особенно; оплот секулярного человечества — именно Запад, даже не марксизм; задача русского народа — охранить христианство от „желтой опасности”; говоря об „образованщине”, конечно имеют в виду „сионских мудрецов” и именно они должны быть устранены как главное препятствие на пути русской нации.

Какие сотрясательные выводы о Солженицыне! И насколько же бы они прогремели, если бы взять цитаты да прямо из Солженицына — и о варварских народах, и о желтой расовой опасности, и о сионских мудрецах.

Да — нету таких цитат. Да — неоткуда их взять. Только вот — соскрести с Шиманова, местами?

И первым вкладом в бриллиантовую диадему будущего законодательства вкуса принимает главный Эстет от суетливого коммивояжера — дешевую дутую подделку. И как же не побрезговать — в тени-то, позади-то: ведь этакая мусорная стекляшка пожалуй и в диссонанс с гравюрами Фаворского?

Да ведь вот мой десяток томов, да ведь вот дюжина исторических глав — критикуйте! разносите! раздолье! Тут и целая желанная программа есть для разноса — Шипова (пока поглубже, чем всё предложенное нашими плюралистами), петит ли мелок, глаза не берут? Нет! Спорят со мной как с партийным публицистом. Накидываются со всеми трубами на какой-нибудь один абзац какого-нибудь интервью.

Но когда я пишу: „Винить нам некого, кроме самих себя”, — такой фразы и подобных умудряется не заметить никто из двух дюжин критиков, а дружно голосят, что в „русской революции Солженицын винит исключительно инородцев”. Затем есть еще сручный прием: цитату взять истинную, но вырвать ее из текста, но истолковать ложно, но извратить. Такой отмычкой воспользовались сразу несколько плюралистических авторов, в том числе, увы, и разборчивый Померанц, выхватя фразу из моего „Раскаяния”. Фраза — общего характера: что в раскаянии трудно вовсе освободиться от

памяти, односторонен твой грех или обоесторонен, всё же температура разная, не на церковной исповеди, но в человеческом быту, и кто же от этого свободен? Да, это не высота христианского исповедального покаяния, но статья не ему и посвящена, а повседневному человеческому раскаянию, у него и пределы. Вот она: „Если обиженный нами когда-то обидел и нас — наша вина не так надрывна, та встречающая вина всегда бросает ослабляющую тень. Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды.” То есть простая мысль: не мы к ним первые пришли. И это относится к событиям шестисот лет, протекших от падения Орды, — тут и подчинение Казани, и Астрахани. Но выхватив фразу из контекста, изо всего строя статьи, бессовестно истолковали ее — один! другой! третий! четвертый! — именно в том смысле, что этим я одобряю советское выселение татар из Крыма!

Не прослеживал, кто из них первый придумал (другие — перенимали). Изо всех обращаюсь лишь к тому, от кого нельзя было ожидать. Григорий Соломонович! Ведь Вы призываете, чтобы даже в разоблачении ГУЛага, миллионных коммунистических уничтожений, не было бы „пены на губах”. Отчего ж — не к государственному деятелю, но к писателю, никому не рубившему головы, — Вы допускаете ей пениться на Ваших собственных губах? и не пристыдите единомышленников и Ваших учеников? Судя по Вашей статье, Вы „Архипелаг” прочли, и Вы помните, что я пишу там о страданиях выселенных крымских татар, и сочувствую я им или тем, кто их выслал. А еще может быть Вы читали и „Раковый корпус” — и запомнили, с какой нежностью описан умирающий татарин Сибгатов, лишенный вернуться в Крым? (Одно из самых „непроходных” для цензуры мест „Ракового корпуса”.)

И после этого — вот так выворачивать? А ученики зовут Вас „кротчайший мудрец”...

И весь расчет — только на то, что я всё равно смолчу, занят Узлами — и не отвлекусь?

Не у меня, это у ваших плюралистов — „татарский”, „татаро-мессианский” — первая брань.

Какие же цели ставит себе эта бесчестная дискуссия? Что доброе ею надеются построить в русском будущем? Почему нашему гордому интеллектуальному плюрализму с первых же шагов понадобилась ложь? Неужели без нее не выстраивается аргументация? Самые дошнрые книгоеды из них беззастенчиво сочиняют, не приводя ни единой цитаты, — потеряли всякую осмотрительность.

И насколько можно верить последовательности плюралистов?

„Права человека“ относятся ко всем людям или только к ним самим? Вот я воспользовался самым скромным из прав человека — не поехать по приглашению на завтрак. И какой же это вызвало гнев плюралистов: я *должен* был поехать! (Так желал коллектив!) И некто Любарский пишет задыхательную статью (и снова пропорция неуверенности: в три раза длиннее, чем мое письмо президенту). И снова: что в моем письме главное, существенно, — то обмолчать или вывернуть, „не понять“, зато нравоучительно втолковывать, кем из диссидентов (кроме почему-то Синявского) я пренебрег — хотя в моем письме ясно сказано, что состав участников от меня тщательно скрывали, и Любарский знает, что он был объявлен лишь вослед. С привычным советским вывертом втискивает меня в компанию Брежнева, „Литгазеты“, обвиняет в безответственном повторении „бредовых мнений“ „какого-то генерала“ из „какой-то американской газеты“, — извольте: „Вашингтон пост“, ведущая столичная, генерал Тейлор, командовавший объединенной группой начальников штабов, а стратегическую идею избирательно уничтожать русских ядерными ударами ему подали из университетских кругов, профессор Гёртнер.

С таким гневом свободные плюралисты никогда не осуждали коммунизм, а меня эти годы дружно обливали помоями — в таком множестве и с такой яростью, как вся советская дворняжная печать не сумела наворотить на меня за двадцать лет. Очень помогло им, что западная пресса, особенно в Штатах, в руках левых — и легко, и охотно эту травлю переняла и усвоила.

Сколько лет в бессильном кипении советская образованщина шептала друг другу на ухо свои язвительности против режима. Кто тогда предсказал, что писателя, который первый и прямо под пастью всё это громко вызвездит режиму в лоб, — эта образованщина возненавидит лютее, чем сам режим?

„Фальсификатор... Реакционный утопист... Перестал быть писателем, стал политиком... Любит защищать Николая I (?)... „Ленин в Цюрихе“ — памфлет на историю... „Ленин в Цюрихе“ — карикатура... Оказался банкротом... Сублимирует недостаток знаний в пророческое всеведение... Гомерические интеллектуальные претензии... Шаманские заклинания духов... Ни в грош не ставит русскую совесть... Морализм, выросший на базе нигилизма... Освящает своим престижем самые порочные идеи, затаенные в русском мозгу... Неутолимая страсть к политическому пророчеству с инфантилизмом... Потеря художественного вкуса... Несложный писатель... Устройство сознания очень простое и близкое подавляющему большинству, отсюда общедоступность. (Вот это их и бесит. А я в этом и задачу вижу.) Фанатик,

мышление скорей ассоциативное, чем логическое... Пена на губах, пароксизм ненависти... Политический экстремист... Волк-одиночка... Маленький человек, мстительный и озлобленный... Вращенный на лести... Ходульное высокомерие... Одинокий волк, убежавший из стаи... Полностью утратил контакт с реальностью... Лунатик, живущий в мире мумий... Легко лжет... Пытается содействовать распространению своих монархических взглядов, играя на религиозных и патриотических чувствах народа (ну, буквально из „Правды“) ... Пришел к неосталинизму... Его сталинизм полностью сознательный... У Ленина и Солженицына абсолютно одинаковое понимание свободы... По его мнению коммунистическая система не подходит России только из-за того, что она нерусская (а не из-за того, что атеистична и кровава) ... Капитулировал перед тоталитаризмом... Яростный сторонник клерикального тоталитаризма... Аятолла России... Великий Инквизитор... Солженицын, пришедший к власти, был бы более опасным вариантом теперешнего советского режима... Его поведение запрограммировано политическими мумиями, которые однажды уже поддержали Гитлера (отчего не самим Гитлером?) ... Опасность нового фашизма... В его проповедях и публицистике — аморальность, бесчестность и антисемитизм нацистской пробы”... И наконец: „Идейный основатель нового ГУЛага”...

И это всё написано не замороженными иностранцами, но моими, так сказать, так сказать... соотечественниками. И так нарастал от года к году раздраженный оскорбленный тон плюралистов, что даже этих, кажется уж высших, обвинений им казалось мало — и стали лепить больше по личной части: „...Ослепление рассудка... Помрачение рассудка ослабило моральные тормоза... Наведенное безумие... Удар славы тем сильней раскалывает голову, чем менее плотно ее нравственное наполнение...”

И требовали, чтоб я наконец замолчал, не выступал перед Западом! (Уж я ли не молчу? Не управляемся отказывать всем западным приглашениям.) И прямо так и вопрошали: за чем я выжил? — и на войне, и в тюрьме, и сквозь рак. И объявляли меня — уже вполне конченным, хоронили (мышь кота).

И — как ни перемывали в сплетнях мои собственные признания! — как будто они первые дознались, открыли. Ни одна моя покаянная страница не осталась без оживленного обтанцовывания, на каждую находились низкие оппоненты, кто выплясывал, скакал, укачивал, торжествовал, как будто я скрывал, а он разоблачил. (А ведь среди этой публики — и писатели есть. И — как же они себе мыслят литературу без признаний?)

Так постепенно сводили клеветы под единый купол и еще такой прием придумали, наглядное пособие: напечатать серию фотофантазий на „род Солженицыных” — морда за мордой, тупица за тупицей — презренный род, каким только и может быть всякое русское крестьянское порождение. Или, как выразился левый „Мидстрим” (остроумный Макс Гельтман): „в его родословной все крестьяне до того, что коровьим навозом почти замазаны писательские страницы”.

А в левом американском „Диссенте” шустрая чета приоткрыла опасную связь: „Отрицательные черты Солженицына являются чертами России, и расхождения с ним его либеральных оппонентов относятся не к нему, а к самой России... Читатели могут любить или не любить Солженицына, но это равносильно любви или нелюбви к его стране... Связь с отечеством его не прервана, а скорей усилилась изгнанием, подобно тому как — (оцените сравнение) — части раздавленного червя извиваются, пытаясь соединиться.”

И усвоили, и печатно употребляют как самое простое выражение — „люди Солженицына”, — то есть как будто мною мобилизованы, обучены, и где-то существуют, и тайно действуют страшные когорты. Да очнитесь, господа! Если бы я непрерывно ездил на конференции, как вы все это делаете, всё организовывал бы комитеты, или пристраивался бы к госдепартаментским, как вы этим заняты! — но я заперся на 6 лет для работы и даже трубку телефонную в руки не беру никогда. Да у вас переполох от ненависти и страха. Ваша дружная сосредоточенная ненависть немало и убеждает меня в правильности и полезности для России моей тропы.

Естественное возрождение русских умов и русских сил там и сям, признак не до конца умершей нации, — вы принимаете за разговор?

Так с удивлением замечаем мы, что наш выстрадавший плюрализм — в одном, в другом, в третьем признаке, взгляде, оценке, приеме — как сливается со старыми редемами, с „неиспорченным” большевизмом? И в охамлении русской истории. И в ненависти к православию. И к самой России. И в пренебрежении к крестьянству. И — „коммунизм ни в чем не виноват”. И — „не надо вспоминать прошлое”. А вот — и в применении лжи как конструктивного элемента?

Мы думали — вы свежи, а вы — всё те же.

Н. А. СТРУВЕ

О МИРОВОЗЗРЕНИИ А.А. ФЕТА: БЫЛ ЛИ ФЕТ АТЕИСТОМ?

В программной статье нового печатного органа,* выступая в защиту никем не угрожаемого атеизма, проф. Е. Эткинд восклицает: „Да, в нынешней России большинство населения атеистично. Что же из этого? Во Франции тоже. Разве атеист не может быть человеком высочайшей нравственности? Атеистами были Афанасий Фет и Генрих Гейне, что же они, хуже других поэтов?”

Очевидно, сам Е. Эткинд не вполне уверен, что наличие „атеистического большинства” в Сов. России так уж невинно (ведь дело не в большинстве, а в принудительной атеистической системе), раз он тут же приводит пример более счастливой страны, Франции, пример, кстати, не убедительный (во Франции большинство младенцев все еще крещены). Е. Эткинд считает также, что атеизм совместим и с „высочайшей нравственностью”. В личном порядке почему бы и нет, хотя еще ни одному мыслителю не удалось вывести нравственные ценности из отрицания высшего смысла („нет добродетели, если нет бессмертья”, упорно твердил Достоевский). И наконец, желая доказать, что атеизм совместим с искусством, наш автор приводит несколько опрометчиво пример двух поэтов-романтиков, Афанасия Фета и Генриха Гейне. Не знаю, можно ли назвать Гейне, в молодости перешедшего из иудаизма в лютеранство, а затем долгие годы физических и нравственных страданий спорившего с Богом, — атеистом,** но уж к Афанасию Фету это определение никак не применимо. Атеистом Фет не был ни в молодости (разве что в самые первые студенческие годы), ни в зрелом возрасте, ни „на склоне трудных лет”.

Мировоззрение молодого Фета определить нелегко. Фет вообще — явление парадоксальное. Глубокий пессимист в отношении к людям, он всегда писал жизнерадостные стихи. Это противоречие критики-шестидесятники рассматривали как органический недостаток. Варфоломей Зайцев говорил о „гусином мировоззрении” Фета, но и ценивший Фета („как второстепенного поэта”) Салтыков-Щедрин упрекал его в „слабом присутствии сознания” и в „полудетском

* „Трибуна”, № 1, 1983.

** В том же номере газеты приводится цитата из Гейне — „писатель дает ответ лишь Богу”, — опровергающая утверждение Е. Эткинда.

миросозерцании". Наименее поэтическому из всех русских прозаиков, очевидно, было мало понятно фетовское непосредственно-детское, а потому и художественно-гениальное восприятие действительности.*

В раннюю поэзию Фета, воспевающую почти исключительно любовь и природу, вкралось несколько стихотворений на религиозные темы: в частности, баллада о создании церкви Киево-Печерской Лавры по образу видения, явившегося его строителям в воздухе, и три стихотворения в честь Божьей Матери (два сонета и краткое переложение Ave Maria). В первом сонете ("Владычица Сиона") слышится не то перекличка, не то спор со стихами Лермонтова — "Я, Матерь Божья, ныне с молитвою", написанными пятью годами раньше. Сонет также начинается с бескорыстной молитвы за любимую:

Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она —
С другим ли избранным, одна, или со мною.

Но тут же, как бы противореча Лермонтову, поэт отказывается уступать любимую другому и связывает себя с ней "взаимными молитвами":

О нет! Прости влиянию недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.

Второй сонет, озаглавленный "Мадонна" — близок к одноименному сонету Пушкина, и, как и он, посвящен Сикстинской Мадонне. Картина Рафаэля в XIX веке, при полном забвении и незнании древнерусской иконы, считалась высшим выражением религиозной красоты: после Пушкина и Фета, перед ней склонил колена Достоевский, а на заре уже XX века — Сергей Булгаков. В отличие от Пушкина, Фет отказывается смешивать божественную и земную красоту. Картина производит на него чисто религиозное действие, Бог посылает ему духовные дары, а не как Пушкину — красавицу-невесту, которая несколько кощунственно занимает место Матери Бога:

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиранные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нем
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклоненной.

О, как душа стихает вся до дна!
Как много со святого полотна
Ты шлешь, мой Бог, с пречистой Мадонной!

<1842>

К Сикстинской Мадонне Фет вернулся 20-ю годами позже и, снова в форме сонета, продолжил спор с Пушкиным:

Такой тебе, Рафаэль, вестник Бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный:
Царицу жен — царицею небесной.

Последний стих, по своей структуре, несомненно перекликается, выправляя его, с пушкинским заключением:

Чистейшей прелести — чистейший образец.

У Пушкина, низведшего божественную красоту до мирской прелести, чисто плеонастическое построение; у Фета же плеоназм служит восхождению от земли на небо.

Несмотря на то, что религиозные стихи 40-х годов печатались в прижизненных изданиях Фета, редактор "Библиотеки поэта" (1959), Б. Я. Бухштаб, прекрасный знаток русской поэзии и отменный фетовед, как правило, комментатор объективный, считает нужным сообщить в примечании, что стихи эти были написаны "атеистом" Фетом как бы в угоду покровителю-славянофилу С. П. Шевыреву. (Возможно, это примечание и есть источник суждения Е. Эткинда о Фете). Законно предположить обратное: не составил ли редактор это примечание в угоду цензуре ради полноты собрания стихов?

Судя по некоторым свидетельствам, в студенческие годы Фет слыл действительно за esprit fort, и первокурсником, т. е. 18 лет, "заключил с товарищем шутовое пари в форме контракта, что через 20 лет он будет отвергать бытие Бога и бессмертие души человеческой". Б. Бухштаб без всякого основания тут же от себя добавляет: "Это пари Фет выиграл бы, если бы даже заключил его не на двадцать, а на пятьдесят лет"!

Религиозные мотивы 23-летнего Фета как будто связаны с одним из его ранних увлечений, вероятно, Еленой Б., о которой он упоминает в своих воспоминаниях. К ней, видимо, обращены в 1843 г. религиозно-примиренные стихи, подкупающие своей неподдельной искренностью:

Как ангел неба безмятежный,
В сиянии тихого огня
Ты помолишь душою нежной
И за себя и за меня.

* Салтыков-Щедрин "для детей" — невысшим.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа от жени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

Но если и могут быть сомнения насчет верований молодого Фета, то с годами он все глубже погружался в философский мир, "без которого, — как он сам писал, — едва ли можно понять источники его последних стихотворений". Решающее влияние оказал на Фета властитель дум того времени, философ Шопенгауер: "для меня он не только последняя крупная философская ступень, это для меня откровение, возможно человеческий ответ на те умственные вопросы, которые возникают в душе каждого". Вослед Шопенгауеру, Фет не верит в прогресс, доверяет в области искусства бессознательному инстинкту, а не разуму, ждет избавления от страданий, присущих человеческому естеству, в "прозрениях" и в "забвении". Идеалистическую философию Шопенгауера никак нельзя назвать атеизмом, хотя она и ближе к буддизму, чем к христианству.

Влияние Шопенгауера было отчасти уравновешено в последние пятнадцать лет жизни Фета личной и идейной его близостью с философами Н. Н. Страховым и Владимиром Соловьевым. Едва ли не первый в русской поэзии, Фет дерзнул переложить в стихах евангельский эпизод, а именно третье, последнее искушение Христа "на горе":

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
"Вот здесь, у ног Твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный —
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной".

Но Он отвечив: "Писанию внимли:
Пред Богом Господом лишь преклоняй колени!"
И сатана исчез — и ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

1874 или 1876

Б. В. Никольский, комментируя это стихотворение во вступительной статье к полному собранию стихотворений Фета (1901), пишет, что "трудно воплотить все величие несоблазнимого духа более грандиозно и просто, чем это сделано Фетом". Он считает, что эти стихи говорят о соблазне славы, на который падки "порою даже высшие представители искусства". Но нам это толкование кажется плоским и недостаточным. Соблазн для Фета состоит в признании одного "явного", в отказе от духовного: это соблазн философский, метафизический, а не морально-психологический. Выбор темы уже сам по себе ставит историко-литературный вопрос о взаимовлиянии между Фетом, Соловьевым и Достоевским. Как раз в эти годы тема искушений Христа становится центральной и в творчестве Достоевского, и в философских работах Соловьева. Как будто первым, но еще очень глухо, упоминает о ней Достоевский в "Гражданине" от 7 января 1874 г. в связи с Ватиканским вопросом: "Римская Церковь опять-таки в том виде, в каком она состоит теперь (т. е. после утери папских владений. — Н. С.), существовать не может. Она заявила об этом громко сама, заявив тем самым, что царство ее от мира сего и что Христос ее без "царства земного удержаться на свете не может".

В 1877 г., уже выходя за рамки Римского вопроса, подробным разъяснением искушений Христовых заканчивает Соловьев свои прогрессивные на всю Россию "Чтения о Богочеловечестве":

"...Преодолев грех духа (ср. у Фета: "сдержи на миг порыв духовный"), Сын человеческий получил верховную власть в царстве духа; отказавшись от подчинения земной силе ради владычества над землею, приобрел себе служение сил небесных".

Годом позже, в "Легенде о Великом Инквизиторе", Достоевский, как некоторые полагают под влиянием Соловьева, возвел искушения Христа в разгадку "всей будущей истории мира и человечества":

"...думаешь ли Ты, обращается Инквизитор ко Христу, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены Тебе тогда могучим и умным Духом в пустыне? Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их

появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текучим умом, но с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле”.

Стихи Фета следует понимать в свете этого широкого толкования искушений Христа. То, что Фет как будто опередил Соловьева и Достоевского, наводит на мысль, что у всех троих, у поэта, писателя и философа, был, может быть, общий и нам неизвестный вдохновитель или связующий (не Страхов ли?)*. Небезынтересно отметить, что “мудрецы” консервативного “Русского Вестника” (редактором которого был М. Катков) не решились напечатать стихотворение Фета, вероятно, не поняв ни религиозно-философского его значения, ни дерзновенного новаторства самого переложения.

Еще большее дерзновение проявил Фет, когда рискнул переложить в стихах не больше не меньше как молитву Господню:

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл, —
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец, который в небесах,
Да свято имя мы Твое блюдем в сердцах,
Да придет царствие Твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб обычный от трудов,
Прости нам долг, — и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенья,
И от лукавого избави самогненья.

(между 1874 и 1886)

Здесь, как и в “Мадонне”, слышится переключка с Пушкиным, точнее, подражание пушкинскому переложению великопостной молитвы Ефрема Сирина: тот же размер (величавый шестистопный ямб), сходное введение, где излагается личное отношение поэта к молитве. Пушкину молитва Ефрема Сирина чаще других “приходит

* Остается неясность в датировке стихотворения. Бухштаб относит его к концу 1874 г. (тогда Фету принадлежит первенство), а Н. А. Соколова — к концу 1876 г., тем самым уже после знакомства с Н. Страховым.

на уста”, более других она его умиляет и “свежит неведомою силой”; Фет, на старости лет, видит в “Отче наш” слова “светлее” всех других “озаряющих человека”. Заря и производный от нее глагол озарить — одно из излюбленных, ключевых слов-образов в поэтике Фета, которая, как живопись Клода Лоррена (1602–1682), вся пронизана косыми лучами восходящего или, чаще, заходящего солнца.* Как и Пушкин, Фет старается по мере возможности не разбавлять предельного лаконизма молитвенных прошений (им добавлено всего лишь шесть слов). В пятом прошении Фет достигает в своем переложении-переводе еще большей сжатости, чем в славянском тексте: “прости нам долг — и мы прощаем должников”. И у Пушкина, и у Фета одинаковое тяготение к простоте и безыскусственности. Так, Фет конкретно переводит трудное слово “насушный” (от греческого малоупотребительного *epiousion*) в прямом смысле пища, полагающей человеку за труд, без всякого намека на хлеб небесный, как толковали обыкновенно святые отцы.

Знаменательно, что Фет дважды встретился с Пушкиным именно в стихах религиозных. А к открытию памятника Пушкину в Москве, Фет, парафразируя известный сонет Пушкина “Поэт”, назвал его автора “зрителем ангелов” (ср. в тропарях преподобным выражение “собеседниче ангелов”), “гласом чистого, святого”. Более того, в этом сонете Фет обрушился на либеральную партию, устроившую празднества, и заклеил ее, поставив в один ряд “татя, убийцу и безбожника”:

Исполнилось твое пророческое слово;
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласить: ты гений! ты велик!

* Строки эти, навеянные юбилейной выставкой Лоррена в Париже, были уже написаны, когда я ознакомился со статьей друга и свояка Фета, критика В. П. Боткина, который прибегает к тому же сравнению: “...мы забыли указать на одну из таких картин, фантастически-величавую, напоминающую дышащие тишиной и успокоением пейзажи Клода Лоррена, с их колоссальными портиками, на ступенях которых догорают лучи заходящего солнца:

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день...”.

см. “Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX в.”, Москва 1982, стр. 496.

Но, зритель ангелов, глас чистого, святого,
Свободы и любви живительный родник,
Заслыша нашу речь, наш вавилонский крик,
Что в них нашел бы ты заветного, родного?

На этом торжище, где гам и теснота,
Где здравый русский смысл примолк, как сирота, —
Всех громогласней тать, убийца и безбожник,

Кому печной горшок всех помыслов предел,
Кто плещет на алтарь, где твой огонь горел,
Толкать дерзая твой незыблемый треножник!

Май 1880

Стихи, разумеется, на празднике (из которого либералы заранее исключили М. Каткова) прочтены не были. Но Фет не знал, когда в запале писал эти обличительные строчки, что, в итоге, западная партия будет покорена пророческой речью Достоевского...

Переложение евангельских текстов* поневоле стесняет личное выражение религиозных чувств, поскольку поэт вынужден дословно следовать божественным словам. Непосредственно Фет ощущал Бога в природе, но прежде всего и более всего он чувствовал его в искусстве, в творческом наитии. Высшим доказательством бытия Бога для Фета служило не великолепие природы, а тот внутренний огонь, который в нем горел. И в этих прозрениях Фет достигал подлинного мистического переживания:

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

* Есть еще у Фета и переложение из Апокалипсиса "Аваддон".

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, —
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает ни пространства.

1879

К той же теме Фет вернулся несколькими годами позже. Если природа и отражает божественное бытие ("Твоя серебряная риза"), то поэзия, искусство Бога являют, позволяют человеку уподобиться Богу, беседовать с Его ангелами:

Дух всюду суший и единый.

Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.

Но просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

В этих стихах Бог не назван, а лишь обозначен притяжательным местоимением "Твоя", "Твой". Подготавливая первое посмертное издание стихотворений Фета, в 1894 г., великий князь Константин Романов (К. Р.) усомнился в значении шестого стиха и обратился за разъяснением к Страхову: "Вряд ли представляется поэту в этой

ризе "дух всюду сущий и единый", поставленный в эпитафии. Полагал бы, что вместо твою следует поставить свою, что относилось бы ризу к океану". Страхов же ему отвечал: "Поправку свою вместо твою я сам предлагал А. А., но он возразил, что именно хотел сказать о Боге. Тогда я заметил, что необходимо впереди какое-нибудь обращение: о Ты или к Тебе. А. А., чтобы чем-нибудь заменить это обращение, придумал поставить эпитафию "Дух всюду сущий и единый".

Поразительно, как современники, включая самых единомысленных и благожелательных, не понимали поэтических чуткости и дерзновения Фета, хотя бы то, что после Державина о Боге следует говорить вполголоса, без риторических обращений.

Сказанного и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, что называть Фета атеистом можно лишь по недоразумению. Своим направлением, своими религиозно-философскими элегиями и думами Фет примыкает к великой, христианской, духоносной традиции русской литературы, начатой Пушкиным и Гоголем, продолженной Тютчевым, Достоевским, Соловьевым, а ближе к нам — Мандельштамом, Ахматовой и Солженицыным.

Остается пожалеть, что в пылу газетной полемики в свободную, казалось бы, прессу заносятся ярлыки и штампы, порожденные советской идеологией.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ А. А. ФЕТА

Великому Князю Константину Константиновичу

Ни поздних лавров я, ни блеска тех сует,
Что шевелит задор мечты самолюбивой
Не ждал и не просил, и вдруг на склоне лет
Привиделся мне сон сомнительно счастливый;
Приснилось, будто бы для праздничных похвал
Меня поставили на шаткий пьедестал
И я, как на волне случайных чувств и мнений,
Нежданно поднят был на несколько мгновений.
И услышал в чаду смятенных дум
Рукоплесканий встречный шум,
И голоса крикливых вдохновений,
Рифмованных похвал и братских поздравлений.
И думал я тогда, что новая волна
Нахлынет и меня пробудит ото сна, —
Рассыплется игра веселых сновидений
Житейским холодом я буду отрезвлен;
Быть может и враги, и свет лукавый
Мне отомстят за этот сон,
За сон дарованный мне мимолетной славой...
Пускай! ... Что б ни было, на склоне трудных лет
Мне, старому певцу, от сплетни и клевет
Не слава будет обороной,
А сила духа... и сердечная хвала,
Что в юбилейный день без шума вдруг вошла
Ко мне с твоим письмом под золотой короной.

Печатается впервые по не авторской рукописи, найденной среди бумаг рано погибшего в советской тюрьме критика Ю. Никольского (1892–1922). Личное знакомство с великим князем Константином Константиновичем Романовым (1858–1915), печатавшим стихи под инициалами К. Р., состоялось 17 декабря 1887 г. в Мраморном дворце. До этого они целый год переписывались не издавая друг друга. До сих

пор известно было пять стихотворений, адресованных Фетом вел. князю (к которым следует еще прибавить три с двойным адресатом, вел. князю и его жене). "Письмо с золотой короной" Фет уже воспел в 1887 г., но публикуемое нами стихотворение относится по всей вероятности к пятидесятилетнему юбилею литературной деятельности Фета, отмечавшемуся 24 января 1889 г. Обширная переписка Фета и К. Р. до сих пор не опубликована, как и огромное большинство Фетовских писем.

А. А. Шеншинъ (Фетъ)

1820. — 1892 г.

Валентин ЕВДОКИМОВ

"ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ" И СЕДЬМОЕ НЕБО (ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА)

В 1978 году в Москве завершилось издание "Краткой Литературной Энциклопедии" выходом девятого (дополнительного) тома. Но и в нем нет даже упоминания о Валерии Перелешине, как и обо многих других видных писателях русского Зарубежья, хотя в этом издании представлены сотни второразрядных советских авторов. Стихи В. Перелешина, однако, приобретают известность в СССР благодаря всероссийскому Самиздату и Ватиканской радио-станции. В Москве они нашли благодарных читателей, одному из которых принадлежит печатаемая статья.

Краткие статьи о творчестве Валерия Перелешина* почти не касаются биографии выдающегося поэта. К счастью, о ней сам он рассказал в своей поэтической исповеди — автобиографической "Поэме без предмета" (журнал "Современник" №№ 35—36 и некоторые из последующих). "Поэма без предмета" — едва ли не первое столь удачное обращение к "онегинской строфе" после сатирической поэмы "Возвращение Онегина" ленинградца А. Хазина (вызвавшей в 1946 году резкую критику партийной бюрократии, в частности А. А. Жданова). Перелешин свободно владеет этой гибкой строфической системой, всем ее сложным ритмико-синтаксическим механизмом. В итоге — впечатление подлинной, почти пушкинской раскованности. Название "Поэма без предмета" не "украдено" у Ахматовой: им поэт хочет подчеркнуть отсутствие настоящей темы как в собственной жизни, так и в судьбах русской эмиграции (в Китае).

Валерий Францевич Перелешин (подлинная его фамилия Салатко-Петрице) принадлежит к старинной шляхетской семье, владевшей

* 1. Юрий Иваск. Заповедник Валерия Перелешина. "Новое Русское Слово" 18 марта 1973 г. 2. К. Фотиев. О поэзии Валерия Перелешина. "Новое Русское Слово" 22 апреля 1973 г. 3. Юрий Иваск. Валерий Перелешин о поэзии (Беседа по почте). "Новое Русское Слово" 27 июня 1975 г. 4. Юрий Иваск. Об авторе (предисловие к девятой книге В. Перелешина "Ариэль"). Франкфурт-на-Майне, 1976 г. 5. Алексис Раннит. О поэзии и поэтике Валерия Перелешина. "Russian Language Journal", 1976, № 106. 6. Алексис Раннит. Валерий Перелешин после "Качели". Там же, 1978, № 113.

поместьями в Лепельском уезде Витебской губернии. Один из прямых предков поэта получил от польского короля Михаила Вишневецкого привилегию, освобождавшую его от воинских постоев и реквизиций. Еще прапрадед поэта, пан Герасим (Иероним) "хранил степенный барский быт", но уже прадед поэта Франц Герасимович был врачом, а дед Эразм Францевич – инженером-архитектором, строившим на огромных просторах Российской империи: от Карса до Владивостока. В. Перелешин бережно сохранил прадедовский медицинский диплом на пергаменте и несколько открыток с видами церквей, оставшихся от деда.

Отец поэта, Франц Эразмович Салатко-Петрище, инженер путей сообщения, строил второй кругобайкальский путь Сибирской железной дороги (прелюдия БАМ'а?). Именно тогда, 7/20 июля 1913 года в Иркутске родился будущий поэт, нареченный Валерием. Летом 1914 года младенец побывал с матерью в Санкт-Петербурге: гостил у деда Эразма Францевича и бабушки Марии Петровны. Но вскоре, испуганная началом Первой мировой войны, мать поэта, Евгения Александровна, возвратилась с годовалым сыном в Сибирь:

Меж тем к России и Европе
приложен мощный был рычаг,
и понеслись в калейдоскопе
Сибирь, союзники, Колчак, –
взвились разбуженные мухи.
Плеть голодовки и разрухи
хлестнула больно и по мне:
я оказался в Харбине.

Шел 1920 год. В Харбине, крупнейшем центре российской эмиграции на Дальнем Востоке, существовали в то время средние и высшие русские учебные заведения, богатые библиотеки, театры, выходили газеты и журналы на русском языке, работали частные книгоиздательства. Валерий Салатко-Петрище учился в гимназии имени генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата, затем в Коммерческом училище КВЖД и окончил гимназию ХСМЛ в 1930 году. Четырнадцатилетним отроком Валерий начал печатать свои стихи (а писать их он пытался еще лет пяти) на "Странице Юного Читателя" ежедневной харбинской газеты "Рупор" в 1927 году. Перелешинский консерватизм сказался еще раньше: в пятнадцатилетнем возрасте юный стихотворец самовольно перешел на старое, дореволюционное правописание, которому остается верен и по сей день.

Через три года мать Валерия, известная журналистка Е. А. Сентянина (скончавшаяся в Рио де Жанейро 11 октября 1980 года) посоветовала ему отнести стихи в харбинский литературно-художественный еженедельник "Рубеж", а когда по робости он отказался, сама отправилась в редакцию к Михаилу Сергеевичу Рокотову (Бибинову).

Валерий Перелешин, которому было тогда восемнадцать лет, стал сотрудничать в журнале "Рубеж". До 1934 года участвовал он также в работе литературного кружка "Чураевка" при ХСМЛ. В юношеские годы В. Перелешин окончил юридический, а затем богословский факультеты, получив, таким образом, разностороннее гуманитарное образование, столь необходимое поэту. Кроме того, он в течение двух лет (1935–1937) изучал китайский язык на восточном отделении того же юридического факультета, что позволило ему впоследствии стать непревзойденным по точности переводчиком китайской поэзии.

В 1935 году В. Перелешин редактирует антологию бывших чураевцев "Излучины". Почти все его тогдашние стихи печатались в "Рубеже"; из них составил первый сборник поэта "В пути" (1937 г.). К этому времени поэт освоил метрическое богатство русской поэзии (есть в сборнике даже гекзаметры), но прорезываются и свои самобытные интонации, свой "перелешинский" взгляд на вещи. Мучительная раздвоенность, противостояние души-духа и тела, столь характерные для всего творчества поэта, сказываются уже тогда:

С торной дороги без размышленья,
прочь! – и узкой взыщи межи,
затем, что любовь – начало тленья,
и голос плоти – голос лжи...

.....
Такими вот руками золотыми,
достойными греха или недуга
и слез, и поцелуев, и перстней...

Душа поэта обнаруживает свою би-полярность; ее путь – подобие зигзага в сторону то одного, то другого полюса. Как заметил Юрий Иваск, Перелешину, вероятно, досталась "душа манихея", для которого "мир во зле лежит", поскольку материя – творение дьявола; отсюда и тема "неприятя мира" с настроениями так называемого "мистического анархизма" (см.: Г. Чулков. О мистическом анархизме. СПб, 1906).

Следующий сборник Перелешина "Добрый улей" (1939 г.) подписан двумя именами — Валерия Перелешина и монаха Германа. К этому времени поэт вступил на путь иночества, с которого позднее — через семь лет — сошел, как он признается в своей "Поэме без предмета":

О, горе мне! Осколки сердца,
не вытерпевшего вериг,
сменил я на соблазны книг,
на ложь и маску иноверца,
на пестрое мельканье зол,
на свой немудрый произвол.

(*Современник", 1977, № 35–36, стр. 144).

Свой уход от иноческой жизни, отчасти вынужденный обстоятельствами, но в еще большей мере — собственным малодушием, Перелешин предсказал сам в стихотворении "Беглец". Предвидел он, что в его поэтическом творчестве победят не псалмы, а песни языческой музыки. Победят ли? Творчество настоящего поэта, даже насквозь противоречивое, подлинностью своего страдания "испепеляет" язычество, в котором не может разрешиться томление духа по высшему смыслу бытия.

В "Добром улье" Перелешин — в кругу вечных тем, которые он воплощает с поэтической искренностью и глубиной. Вот, например, стихотворение "Бессмертие", где метафизика переплетается с фантастикой, а "барочный космизм" несет глухие отзвуки эмигрантской судьбы:

...Ты оживешь свечой трехглавой
На черных скалах в теплой мгле,
Уже без сладостной отравы
Страстей, забытых на земле.
Там будут существа другие
Дышать и видеть сны вокруг —
Не о душе, не о России,
Не о любви земных подруг.
Нет, где-нибудь на Орионе,
Вновь возвращенный бытию,
Ты в густолиственной короне
Узнаешь голову свою.
Ах, знаю, благосклонным дровом
Среди безветренных полей

Там будешь ты к деревьям-девам
Тянуться дланями ветвей.
Но, может быть, вдогонку свету
Склоня вечерние цветы,
Ты вспомнишь бедную планету,
Где человеком плакал ты.

Это стихотворение как бы перекликается с гумилевским "На далекой звезде Венере", хотя и написано в другой тональности и другим размером. Влияние Гумилева, да и вообще акмеизма, на Перелешина было значительным и плодотворным. Сам поэт признается в этом: "Верно, что *технике* я учился у Гумилева... Упаси меня Боже недооценивать учителя: дал он мне богатство, учету не поддающееся" (из письма В. Перелешина от 2 декабря 1978 г.). Несомненно, от Гумилева яркие краски, которыми расцвечены многие стихи Перелешина о Китае и Бразилии.

В 1940 году вышел перелешинский перевод с английского поэмы С. Т. Кольриджа "Сказание Старого Моряка" ("Ancient Mariners Rime") — замечательного творения английского романтика, воспевшего "синтезирующую и магическую силу воображения" и давшего крылатое определение поэзии: "Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке". Для Перелешина школа перевода явилась в то же время и эстетической школой.

Удалось ли Перелешину осуществить в своем творчестве акмеистические идеалы, провозглашенные Гумилевым? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Так или иначе, Перелешин развил некоторые тенденции, характерные для акмеистов. В частности, он подхватил ницшеанский *amor fati* (любовь к своему року), излюбленный мотив Гумилева, — прославление человека, с гордостью принимающего свою трагическую судьбу. Идет эта тема от Ницше, от его Заратустры, но у Перелешина она преломилась весьма своеобразно, смягченная христианством: в его стихах культ не сильного ("сверхчеловека"), а скорее "слабого", каким, по существу, представляется и он сам.

В 1941 году вышел третий сборник стихотворений В. Перелешина "Звезда над морем", а в 1944 г. — четвертый, "Жертва", изданный матерью поэта. В первом из них угадываются поэтические отклики на явление Божьей Матери в Фатиме в 1917 году или на исполнение фатимского пророчества о "ночи, освещенной необыкновенным светом", предвещавшей Вторую мировую войну (эту ночь, подобную северному сиянию, наблюдали жители Западной Европы 12/25 января 1938 года).

Из сборников "Звезда над морем" и "Жертва" до нас дошла магнитная запись лишь некоторых стихотворений. Перелешин читает спокойным, чуть монотонным голосом, делая логические ударения на ключевых словах. Судя по таким стихотворениям, как "Бессмертие", "Гомункул" ("Звезда над морем"), "Алхимия" ("Жертва"), Перелешин неожиданно обращается к темам так называемой "научной поэзии", зачинателем которой в русской литературе принято считать Брюсова. В стихах Перелешина те же гностические и оккультные образы, но преобладают все-таки мотивы христианские, как в "Бессмертии", посвященном памяти иеромонаха Мефодия (Иогеля). В грустной напевности пятистопного анапеста есть трогательно-щемящая нота:

Не такой ли пчелой, созидающей дом нерушимый,
Ты живешь, вознесенный в пленительной голубизне,
Где, как с пчелами ветер, играют с тобой серафимы
И качают, и нежат тебя на воздушной волне?
Или, может быть, ты на холмы неземной Палестины
Златорунных выводил и кротких Господних овец,
И потом на закате, при медленном спуске в долины,
У последней овечки позванивает бубенец...

"Гомункул" вызывает совсем другие, заземленные ассоциации:

О, если бы не страстен и не горд
Родился я, не в замкнутых оковах,
А вышел бы из трубок и реторт, —
Алхимиков дитя средневековых!
Мои творцы мне дали бы в удел
Блаженство молнийного постиженья
Законов чисел, притяженья тел,
Полета их, покоя и движенья.
Внутри себя я слушал бы порой
Струенье крови, правильно нагретой,
Но быть владычицей над собой
Я б не позволил красной влаге этой.
Ни наваждений, ни полудремот
Не знал бы я, ни похоти, ни боли,
И ум, и тело для дневных работ
Включал бы я свободной вспышкой воли...

Тут не столько увлечение духом научно-технической революции, которую односторонне воспевал Маяковский, призывая "переиначить конструкцию рода человеческого" ("Протестую", 1924 г.), сколько ощущение или даже сознание собственной "невсамделишности", "недочеловечности", изначальной непричастности к целям и устремлениям "юношей земных". От "Гомункула" тянется прямая нить к стихотворению "Усталым" в следующем сборнике Перелешина "Южный дом" (1968 года):

Надо ринуть науку, евгенику,
Медицину в атаку на сплин,
Долю счастья вколоть неврастенику,
Изобрести порошок "оптимин".

Если бы не очевидная ирония над возможностью этакого общедоступного и обязательного для всех стандартного "счастья", то от этого стихотворения веяло бы отголосками "Легенды о Великом инквизиторе". "Усталые" — будто бы какие-то другие люди, но душевная усталость, "темная аура" — признаки и самого Перелешина. Неслучайно наряду с прекрасными строфами возникают и строки истертые, как в "Элегии" (в сборнике "Жертва"). Кажется, что порой поэт перестает быть взыскательным к себе: застывшее мастерство порождает инерцию гладкописи, штампы; поэт-консерватор становится ретроградом, которому чужды всякие формальные поиски. Врожденное чувство ритма и огромное трудолюбие, однако, сдвигают поэта с "мертвой точки". Творческая лаборатория его предстает перед нами подобной лаборатории средневекового алхимика, где все взвешено на точных аптекарских весах ("Алхимия" в сборнике "Жертва").

Много позднее, когда акмеизм остался в прошлом, Перелешин выработал свой взгляд на существо поэзии. Теперь, в семидесятые годы, он утверждает, что стихи держатся на "трех китах": боли, воображении и умении. Без боли нет поэзии, но одной боли недостаточно, — в душевные движения должно властно вмешаться воображение. Ни боли, ни воображению научиться нельзя: это от Бога, от "музы", от судьбы. Приручить можно только третьего "кита": ремесло стихотворца, то есть шлифовать технику стихосложения, поворачивать "стиль", постоянно работать над словарем.

В августе 1945 года Маньчжурия была занята советскими войсками, вытеснившими японцев. Литературная жизнь в Харбине закончилась. Перелешин еще раньше переехал в Пекин, а оттуда, в ноябре 1943 г., в Шанхай. О своей жизни в те годы он рассказывает в "Поэме

без предмета" и в своих воспоминаниях "Два полустанка", в которых подведены итоги за четверть века русской эмиграции в Китае. Эмигрантская русская печать в Шанхае перестала существовать вскоре после захвата власти китайскими коммунистами. Советский журнал "Эпоха" и советские газеты продолжали выходить до середины пятидесятых годов.

В. Перелешин к тому времени пользовался значительной литературной известностью в кругах русской эмиграции, сотрудничал и печатался и в этих журналах, и в "Эпохе" (правда, больше как переводчик с китайского).

Пекин и Шанхай были "южным домом" поэта по отношению к Харбину, что и определило впоследствии название очередного, пятого сборника стихотворений Перелешина "Южный дом" (1968 г.). Последние два года перед отъездом из Китая в день св. Елисаветы 18 сентября 1952 года (после неудачной попытки переселиться в США в пору корейской войны, сидения в каталажке по анонимному доносу и высылки обратно в Китай) В. Перелешин прожил в Тяньцзине.

19 января 1953 года, "в канун дня св. Себастиана, покровителя Чудесного города", В. Перелешин с матерью прибыл в Рио де Жанейро. Первое время он писал здесь мало и больше о Китае, где успел обрести вторую родину. Пришлось ему изучить и дотоле незнакомый язык — португальский. Года через два он уже переводит стихи бразильских поэтов на русский язык, в 1978 году издает антологию бразильской поэзии "Южный Крест", а в последние два года (1979 и 1980) пишет по-португальски "параллельные варианты" своих русских венка сонетов "Крестный Путь", стихотворения "К Люсьену Летинуа" и множество новых стихотворений, преимущественно сонетов.

Многие годы В. Перелешин не печатал своих стихов. Лишь в 1967 году он "вернулся в литературу", поместив в парижском русском журнале "Возрождение" венка сонетов "Крестный Путь" — едва ли не самое духовное из своих поэтических произведений. Вскоре его стихи появились в "Новом Журнале", "Новом Русском Слове" (Нью-Йорк), "Русской Мысли" (Париж), "Мостах", а его статьи о русской поэзии в Китае, кроме названных периодических изданий, в "Возрождении" и "Гранях".

В 1968 году В. Перелешин выпустил пятую книгу стихотворений "Южный дом", в котором сильно чувствуются китайские мотивы: их интонации произвольны, естественны, но иногда это явные стилизации, как стихотворение "Красные листья под инеем", прекрасное само по себе. Хочется отметить несколько лирических стихотворений,

посвященных "любимой женщине" (возможно, что это лишь навязанная общественным мнением мимикрия): "Издали", "Южный ветер", "Музыка", "Красные листья под инеем", "Ночь на Сиху". Не оставляет на этот счет никаких сомнений изданная впоследствии, в 1976 году, девятая книга В. Перелешина "Ариэль":

Похож ли ты на стройного Хармида,
Прекрасен ли, как юный Антиной, —
Не ведаю, но ты всегда со мной
Без голоса, без образа, без вида.

("Далекому" в сборнике "Ариэль").

К "Ариэлю", который Юрий Иваск считает наиболее зрелым произведением Перелешина, мы вернемся в следующей статье. Здесь важно отметить, что жизненная дисгармония поэта вылилась в его одиночество. Как всякое одиночество, чуждое подлинно аскетическому молитвенному уединению, это одиночество ущербно. Ущербность его самоочевидна в сознании той ложной непричастности "греху" деторождения, которую воспевает поэт:

Но в день, когда весь мир низринется
В безумие войны последней,
Утешится душа-пустынница,
Заулыбается победней:
Отрадно быть ни с кем не связанной,
Ни перед кем не виноватой
В час, ею же самой предсказанный —
На красном празднике Гекаты!
Ей будет некого и нечего
Терять в смерчах атомной бомбы:
Ни фунта мяса человеческого
Поэт не внес для гекатомбы!

("Утешение" в сборнике "Южный дом").

Слова жуткие, прямо противоположные учению Оригена и Федорова о всеобщем спасении. В другом стихотворении, тоже псевдохристианском, он обращается к женщине, всецело обращенной к духовному, с неподобающей христианину тирадой:

За то, что здесь была Марией,
На небе Марфой станешь ты!

("Возмездие").

Типично для "Южного дома" смешение разных ценностей — христианских и языческих, причем поэт порой сознательно принимает иллюзию их однозначности и возможности выбрать одновременно и то и другое:

В часы душевного разлада
Не раз твердил я: — Выбери
Миг радости ценою ада
Или ценою скорби — рай.
Но жадного равно манили
И рай, и радости земли,
И отвергал я слово "или"
Во имя радостного "и"!

("Два союза").

"Синтез" поэта оказывается заведомо ложным, ибо противоречие не снято, а преодолевается чисто механически (можно сказать в данном случае — грамматически). В творчестве этих лет настаживает некая "всеядность" Перелешина, хотя проистекает она не от отсутствия собственных убеждений, а от желания во что бы то ни стало срастись с Китаем, стать в нем своим, а не подозрительным чужестранцем. В противоречиях Перелешина, стихи которого не чужды в эту пору (да и впоследствии) "яду демонизма", много общего с Федором Сологубом (1863—1927). И к Перелешину в равной мере применима характеристика, данная Сологубу Ходасевичем: "Ничто у него ничем не вытеснялось, противоречия в нем уживались мирно потому, что самая наличность их была частью его мировоззрения". (В. Ходасевич. Некрополь. Воспоминания. 1939 г.).

В этих противоречиях дышит порой подлинно поэтическое ощущение человеческой свободы, как высшего божественного дара, который благословен, даже если, неправильно истолкованный, приводит к гибели, — крылатый дар, доставшийся бескрылому существу. Сознание онтологической бескрылости порождает бунт, стихийную жажду самоуничтожения, и дарованная изначально свобода оборачивается "свободой мнимой" ("Искатель": это стихотворение, завершающее "Южный дом", становится как бы связующим звеном со следующей, шестой книгой Перелешина "Качель", Франкфурт-на-Майне, 1971 г.). Название книги было предвосхищено в стихотворении "Бездна" (1943 г., сборник "Жертва"):

Чуть опадает в бессмысленном сердце хмель,
Вновь на крылах покаянья могу летать я.
Грех, ты моя удивительная качель,
Благословенье мое и мое проклятье!

В этих вначале плавных, размеренных, а затем энергичных строках поэт блестяще передает ритм качели, и качель у него удивительная: как бы низко "в пропасть" он ни падал, везде его "захлестывает" высота, хотя бы на одно мгновение. Даже в пропасти поэту чудится "застенчивый запах фиалок рая", и он завершает стихотворение молитвой о мире, о том, чтобы качель вознесла его "в невозмутимое утро страны приморской". И все же стихи двусмысленны. Они невольно приводят на ум пословицу: "Не согрешишь — не покаешься, но покаешься — не спасешься", начало которой подсказано здравому смыслу народа духом лукавства, бесом полуденным и полночным. Лучше, на наш взгляд, быть сухим ригористом, чем, кокетничая с дьяволом, называть грех благословеньем (! . .)

Образ качели мелькнул и в "Южном доме" — в стихотворении "Уговор", но тут это ирония над поэтом-марксистом, который отрицал возможность вдохновения и даже Пушкина признавал только "тружеником", а о себе утверждал, что он "пишет стихи ежедневно с восьми до десяти утра".

Противоречия В. Перелешина во многом объясняются противоречиями его эстетики, — эстетики акмеизма и барокко, способной "сочетать" несочетаемое: спиритуализм и плоскую чувственность, устремление к аскетизму и безудержный гедонизм. Отсюда и убеждение поэта, что искусство умеет обратить "к вящей славе Божьей" и светлые, и смутные, и заведомо темные движения человеческого сердца. И здесь можно было бы поспорить с Перелешиним: ведь "темные движения" безблагодатны по своей природе! Примечательно, что стихотворение "Раскаяние", которым открывается сборник "Качель", ничего общего не имеет с подлинным раскаянием в церковном смысле, то есть с покаянием. Впрочем, в разговорном языке возможно и такое заявление: "Раскаиваюсь, что вернул ему его деньги".

Вместе с тем, Перелешин уверен в изначальной иррациональности поэзии, в непредсказуемости того пограничного между явью и чудом состояния, которое именуют вдохновением. Иррационализм поэта причудливо сочетается с рационализмом философа, что порождает "гностические" мотивы в творчестве Перелешина. В следующем, классическом по чистоте языка и мысли, стихотворении о подсознании и сверхсознании Валерий Перелешин — мистик. Это стихотворение — "Пирамида":

... О Дух, парящий над пустыней,
 Великий чудотворный Дух,
 Вели, чтоб на моей вершине
 Свет изнемогший не потух!
 Иль лучше пирамиду эту
 Переверни на острие:
 Открой полуденному свету
 И ветру вольному ее!
 Пусть всем широким основаньем
 Она глядит в Твои глаза,
 Пусть ходит в ней Твоим дыханьем
 Животворящая гроза.
 И только то окно, что люком
 Единственным глядит в тоске, —
 Закрой его лучам и звукам,
 Похорони его в песке.
 Мне было б лучшею судьбою
 Тебя не зная, не любя,
 Настолько полным быть Тобою,
 Чтоб чувствовать собой Тебя!

Стихотворение это — о бессилии попыток богопознания и что Бог постигается только постижением Его непостижимости и экстатическим слиянием с Ним. При всем рационализме "Пирамиды" в ней, благодаря подводному струению подтекста и внутренней музыке, есть глубокое томление духа, подлинная страсть: поэт взыскует ясновидческого состояния слитности с духовным миром и ради блаженства богообщения готов пожертвовать своим "я" (вершиной пирамиды, ее оком), своей индивидуальностью. Поэт интуитивно прозревает, что развитие человеческой индивидуальности привело к утрате способности к мистическому восприятию, причем этим своим знанием он обязан не теософии, по существу враждебной христианству и его подрывающей (потому и ненавистной В. Перелешину, образованному богослову и православному священнику): корнями своими это его знание восходит к Плотину, кардиналу Николаю Кузанскому, святому Иоанну Рэйсбруку (см. "Непостижимое" С.Л. Франка).

В. Перелешин — не адепт современного гнозиса: для него высший смысл бытия не в нахождении, а в непрестанном и с к а н и и Бога. На этом пути возможны не только блуждания, но и погоня за "болотными огоньками" духовных прелестей и соблазнов, оболыщение

ересями, подверженность демоническим вторжениям. Перелешину не чуждо сознание этих опасностей, и в минуты духовного трезвления он обращается за помощью к святым:

Чтоб луна, ворожа весной,
 Не разбухла рожей бесовской,
 Побудь до утра со мной,
 Святой Серафим Саровский!
 ("Карнавал").

Увы, нет в подобных зовах поэта подлинного целомудрия молитвы (в данном случае очевидна интонация фривольности), да и "молитва" он зачастую странно: это "молитвы" пантеиста, обращенные к прама-тери-природе или ее стихиям (например, к пустыне), или, наконец, к собственной "пустыне внутренней". В следующем стихотворении Перелешин обращается к Христу, но это не молитва, а вопрос, в котором скрыто искушение:

Овца, оставшая от стада,
 И я иду не за толпой,
 Иду туда, куда не надо,
 Туда, где волчий водопой.
 Что ж, Пастырь Добрый, разве ныне
 Тех девяноста девяти
 Уже не бросишь Ты в пустыне,
 Чтоб одного приобрести?
 ("Мозаика").

В вопрошании поэта ясно слышен и ответ, который помогает ему преодолевать уныние и зажигает за его дверью "прощенному малOVERью в полнеба первую радугу" ("Радуга"). Но впечатление все же остается такое, что сам поэт, снисходительный к своим грехам и слабостям, прощает себя. В другом стихотворении ("Химера") Христос молча проходит мимо него:

У глаз моих зрочки чужие, волчьи,
 В моих движеньях — обозленный слон.
 Но знаю: вдалеке проходишь молча
 Ты, некогда изгнавший легион...

Первые две строки — горькое подтверждение одержимости поэта. Христос еще далеко, но не безнадежно и не непоправимо далеко: Он

может приблизиться. Другой раз (через тридцать лет!) Христос, проходящий к поэту в шуме дождя (а не в свете и тишине!) "ошибается окном" (или вновь происходит мистическая подмена?):

Сам на голой доске, голова на камне.
Взяв разбег по верхам исхудалых роц,
Сквозь решетку стучится весенний дождь.
Для чего, незванный, пришел ко мне?
Иисусе Христе — всполошились краски —
Сыне Божий — кругом поползли ростки.
Это ноги — помилуй — в разгульной пляске,
Это почки, набухшие, как соски.
На доске, на камне томится инок:
Настигает узкий стальной клинок.
Приюти в захлестнутый свой веночек
Опаданье яблоневых снежинок!
... Утихает буря, и от дождя
Остается шелест возни несмелой.
Дождь ошибся окном. Теперь, уйдя,
Он в другое окно стучит, кадя
Остропахнувшей цвелью и пеной белой.

Это изумительное стихотворение ("Дождь"), являющее единую цепь ассоциативных образов, можно поставить в один ряд с лучшими стихами Пастернака. Ритмика стихотворения нервная, четырех- и трехстопный анапест перемежаются, осложненные спондеями и пиррихиями. Таких совершенных стихотворений в сборнике "Качель" немало. Но наряду с ними мелькает "Триолет", навеянный молитвой Господней, но близкий и к ее профанации, а также "Молитвы", на самом деле оказывающиеся стихами, содержащими "все восемь вариантов четырехстопного ямба в том порядке, в каком они даны у Шенгели". Зарисовка "Quinta da Boa Vista" на первый взгляд кажется плоским каламбуром ("Неужели лев зоопарка — / Тоже символ святого Марка?"), но она связана с одной из лучших струн души Перелешина — его "зверолюбием", жалостью ко всем животным, которым, как и человеку, земля дана Богом для обитания.

В своем искании абсолюта поэт не может (и едва ли хочет) избавиться от влияния восточных (индийских и китайских) философских учений: ему близок идеал нирваны; он подчас как бы "парализован" буддийским и даосским негативизмом. Все это причудливо сочетается с христианским гнозисом и античной мифологией.

Приходится констатировать, что в лирике Перелешина есть некая онтологическая поврежденность, душевная порча, — быть может, следствие отступления поэта с иноческой стези. Как знать, не было ли ему суждено стать новым Иоанном Дамаскином? У изголовья поэта не случайно ведь находится чтимая им иконка преподобного, которая будит его по утрам и поныне, помогает преодолеть состояние душевного упадка. Ослабляется ее помощь эллином в самом поэте с его гордыней, превращающей богоискательство в богоборчество (как в "Беседе с Богом").

Двойственность состава человека — дух и плоть — определяет и двойственность воли. Воля к свету противостоит воле к мраку. Большинство человечества следует зовам низшей воли, а для собственного успокоения прибегает к софистике: я-де выполняю волю Божью — ну, хотя бы тем, что размножаюсь, и если в будущем раю будет пусто, так уж не по вине моего противления! Выше таких лжецов, уверенных в собственной правдивости, поэт ставит тех, кто сделал хотя бы один шаг в ответ на Божий призыв к преодолению плотскости. По убеждению В. Перелешина (пусть "манихейскому"), все-таки лучше выступить святым Георгием против яростного дракона собственной низшей воли, воли к мраку, и потерпеть поражение, чем довольствоваться самооправданиями теплохладной толпы.

Образ святого Георгия возникает и в другом стихотворении, великолепно передающем ритм конского скака ("Святой Георгий"):

Сколь хочешь, гимны насвистывай,
Голод, сон и жажду гоня,
Но, страстотерпец неистовый,
Пожалей хоть коня.
Скоро, скоро нимб обозначится
Вкруг твоей святой головы,
А загнанный конь наплачется
Без тебя, без травы.
Пожалей его. Хоть до времени
Отпусти немного ремни
И не натягивай стремени, —
В мире повремени.

Замечательна звукопись последней строфы — предельно насыщенные и в то же время естественные, семантически мотивированные аллитерации: времени — ремни — стремени — в мире — повремени... Поистине, нужно очень любить и жалеть соболезнающую и совоздыха-

ющую нам тварь (коня), притом совершенно безвинную, чтобы даже пытаться отговорить святого великомученика от предстоящего ему подвига.

С другой стороны, вполне отчетливо звучит мистика христианской литургии в стихотворении "Пеликан" – в образе птицы, избирающей смерть, чтобы напитать своих птенцов:

Не на кресте, не в лучах фаворских,
Я – Пеликан на камнях приморских:
Кроткое тело свое терзаю,
Белое мясо свое делю.
.....
Сам ослабею – вы не жалейте,
Плоть мою режьте, кровь мою лейте:
Всех угощаю живым напитком
Я, умирающий Пеликан.

Образ Богородицы возникает в стихотворениях "Богородица Скорбей" и "После заката". В первом подчеркивается добровольность жертвы Матери Божьей ("Се раба Господня"):

Беспощадный меч не упадет,
Никогда не долетит копьё,
Если им навстречу не пойдет
Сердце, Богородица, Твое!

Во втором стихотворении поэт с большой непосредственностью обращается к святой Терезе и просит о заступничестве Матерь Божью:

Чем сумею отгородиться?
Голубей, моя бирюза,
Посиди со мною, Тереза,
Разверни покров, Богородица!
Чистота? улыбка? слеза?

Любопытна рифмовка не совпадающих по ударению слогов, так называемых диссонирующих созвучий (краски – ростки, сна – сто-на, бирюза – Тереза), характерная для поэзии барокко; "диссонансные" рифмы для Перелешина, мастера точной, классической, полнозвучной рифмы, составляют исключение (в русской поэзии XX века они были излюбленными у Вадима Шершеневича).

Кульминационная тема "Качели", пожалуй, тема смерти. Она возникает приглушенно в стихотворении "Колокол" и достигает полной силы в "Утро смерти":

Перед самым рассветом я шапку надел невидимку,
Наклонился над телом: обтянутый кожей скелет!
Слишком долго, – подумал, – с тобой мы гуляли в обнимку,
Неотвязный попутчик, товарищ бессолнечных лет.

.....
Ты свободен теперь, наконец-то, зарыться, забиться
В черный сумрак уюта, в нору, под лопух и бурьян.
Со святыми тебя. Ну, а я – не на крыльях сновидца
Полечу в золотой и баюкающий океан.

"Колокол" и "Утро смерти" непосредственно предваряют "Заупокойный канон", навеянный чином отпевания мирян. Это поэтическая интерпретация его составной части – восьми ирмосов канона св. Иоанна Дамаскина (VIII век). Первая песнь канона повествует о переходе евреев через Красное море, когда по чудесному произволению Божьему море расступилось и преследуемый египетским фараоном народ прошел "яко по суху".

"Израиль, прошедши пешком по бездне морской, как по суше, и видя преследователя фараона утопавшим, восклицал: воспоем Богу победную песнь". Вот как передает это Перелешин в первой песни своего переложения:

1

Погнавшись, погиб фараон...
Израиль, прошедший по суху,
Ликует над бездной морской.

Хвалы всемогущему Духу
И мы, приобщившись покою,
Слагаем, как некогда он.

Ввиду значительности "Заупокойного канона", как образца современной литургической поэзии, воспроизводим его полностью, чередуя с богослужебным текстом (в русском переводе со славянского).

Третья песнь (второй песни не существует): "Нет столь Святого, как Ты, Господи Боже мой, возвысивший достоинство верующих в

Тебя, милосердый и утвердивший нас на камне исповедания Твоего”.

3

Ты, Боже, прославлен и свят.
Десницей Твоей всепобедной
Ты поднял народ обреченный.

Недавно теснимый и бедный,
Теперь торжествует, спасенный:
Ведь ноги на камне стоят!

Четвертая песнь: “Христос – сила моя, Бог и Господь мой, с благоговением громогласно поет Святая Церковь, от чистого сердца торжествуя о Господе”.

4

Христос моя сила, Христос! –
Красуется Церковь честная,
Все громче поет и победней,

В едином Тебе обретая
Последний ответ на последний,
Тобой разрешенный вопрос.

Пятая песнь: “Божественным Своим светом, Милосердый, просвети души с ранней зари обращающихся к Тебе, – усердно молюсь я, чтобы знать Тебя, Божие Слово, Истинного Бога, от мрака грехов призывающего к Себе”.

5

К Тебе прихожу до зари
С прошеньем сердечным о свете,
Любви и молитвенном даре.

Ответь на моления эти
И, снизясь в полуденном жаре,
Греховную ночь озари.

Шестая песнь: “Смотря на житейское море, волнуемое бурей искушений, и укрывшись в Твою тихую пристань, я взываю к Тебе: спаси от гибели жизнь мою, Многомилостивый”.

6

От тихих Твоих пристаней
Гляжу на житейское море,
Подъятое бурей напастей.

К Тебе, превозмогшему горе,
Взываю, избегнув несчастий:
Стань солнцем над жизнью моей!

Седьмая песнь: “Росоносною сделал ангел печь для благочестивых юношей, а воля Божия, попавившая халдеев, заставила властителя восклицать: Благословен Ты, Бог отцов наших”.

7

Вот, верных подростков храня,
Спускается ангел рососою
И печь раскаленную студит.

Когда соберутся толпою
И наши халдеи – да будет
Нам вера щитом от огня.

Восьмая песнь: “Из пламени источил Ты росу для благочестивых юношей и водою полатил жертву праведника, ибо Ты, Христе, все творишь одною Своею волею: превозносим Тебя во все веки”.

8

Водою обернется огонь,
Огнем разбухнет влага,
Послушные воле Господней.

Сгорят мотыльковые блага,
А нас от огня присподней
Твоя да укроет ладонь!

Девятая песнь: “Бога, на Которого не смеют взирать чины ангелов, видеть людям невозможно: но через Тебя, Пречистая, Он явился людям воплотившимся Словом. Мы вместе с небесными воинствами, величая Его, прославляем Тебя”.

Кто смеет взирать на Тебя,
Сидящего на херувимах
Меж молний палящего гнева?

Но нас, изначально любимых,
Возводит Пречистая Дева
На небо, молясь и любя.

”Темы всех восьми ирмосов канона... расцветают у Перелешина короткими стихотворениями, каждое из которых состоит из двух терцин. . . Перелешину поразительно удалось передать дух подлинника: хотя св. Иоанн Дамаскин писал по-гречески, поэзия его вдохновлялась библейскими образами, отмеченными особенностями древнееврейского языка, который, по самой своей природе — лапидарен. Это — язык образов, а не сложных стилистических построений. Передав дух этого языка в своей русской поэзии, Перелешин достиг возвышенной прозрачности и великолепного лаконизма”. (К. Фотиев. ”Новое Русское Слово”, 22 апреля 1973 г.).

Завершает (можно сказать: венчает) шестую книгу стихотворений Перелешина веночек сонетов ”Крестный Путь” — единственное в своем роде ”органическое применение сложнейшей формы венка сонетов”, так как четырнадцать сонетов соответствуют в нем четырнадцать остановкам Спасителя на пути на Голгофу (о чем известно из апокрифов). ”Крестный Путь” — стихи предельно искренние, исповедальные. Из глубины души поднимается волна покаяния, смывая всякую коросту — гордость, расчетливость, лукавство, неверье, предательство, любострастие, празднословие; малодушие, честолюбие. . . Покаяние поэта в ”Крестном Пути” — подлинный катарсис, обновление души, таинственная *metanoia*, второе рождение свыше, в котором обновляются крещальные обеты. . .

Образ Христа, восходящего на Крест, Невинного Агнца, терпящего поруганье, заставляет поэта плакать. Это слезы не только сострадания, но и вины:

Над язвами Твоими слезы лью,
А надо бы рыдать почти до крика:
Ведь каждый гвоздь и терния, и пика —
Моя вина, я это сознаю.

Поэт понимает, что только тот, кто разделит крестные муки Христа, разделит и радость Его Воскресения. Вступая в духовное

противоборство с врагом рода человеческого, поэт молится Господу и вызывает о помощи: звучат мотивы псалма 50:

Храни меня в той битве роковой
Десницею Своей пренепорочной
И защити от гибели полночной
И от копья, и от стрелы дневной!

Всякий страх позади, готовность к жертвенной смерти беспредельна:

На черный крест и я взойду с Тобой,
С Тобой сойду и в холод преисподней,
С Тобою же, блаженней и свободней,
Воскресну вновь, разбуженный трубой.

Темы всех сонетов смыкаются в Магистрале, который пишется раньше всех прочих сонетов венка — и с таким расчетом, чтобы любой его строкой можно было в дальнейшем начать и закончить сонет, но ставится в конце венка, как его заключение — апофеозе раскаяния и надежды:

Пилат грешит колеблющимся словом,
Неверьем боль усугубив Твою,
Но от Тебя и я не утаю,
Какой во мне пример Пилатам новым.

Я над венком расплакался терновым,
Над язвами Твоими слезы лью,
Но в жертву я так мало отдаю,
Чтобы помочь упасть моим оковам.

Води меня крутым путем Своим,
Чтоб не был я ни счастлив, ни любим:
Доверь и мне сокровище страданий.

Когда-нибудь, счастливый и больной,
Воздев свои податливые длани,
На черный крест и я взойду с Тобой!

Вдохновенно, как лебединая песня, завершается ”Крестный Путь” Валерия Перелешина. Если в творчестве наше оправдание (Н. Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Москва, 1916), то ”Крестный Путь” — залог оправдания и спасения поэта.

Москва, 1980 год.

Епископ Афанасий Сахаров

Судьбы России

Русские исповедники XX века

Н. В. Т.

ЕПИСКОП АФАНАСИЙ (САХАРОВ)

Воспоминание

... Господи, отверзи мои недостойные устне, и даждь ми слово разума воспети достойно память блаженных отцов наших, ныне со ангелы молящихся Тебе, избавити нас от всякого лютого обстояния.

(Из канона преп. Серафиму Саровскому. Песнь 1-я)

Впервые я увидела Владыку в 1934 г. Он приехал к нам на Лосинку под вечер дождливого майского дня и поднялся по узкой лестнице в мезонин дома № 46 по Тургеневской улице, туда, где помещалась домовая церковь иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры о. Иеракса Бочарова. Его с волнением ожидали. Он вошел в маленькую комнатку, изображавшую из себя столовую и спальню за занавеской.

Владыка снял серый плащ и такую же серую простую кепку, из-под которой на плечи его упали тонкие косицы русских волос. Распахнулась дверь в соседнюю комнату, и перед его взором предстало чудесное зрелище: окна были задрапированы занавесями, отчего в комнате царил полумрак. На деревянной рамке под потолком были натянуты белые полотняные занавеси, полукругом отделяющие угол, а сверху изящными складками спускались до полу кружева, создающие впечатление воздушного иконостаса. К нему были прикреплены бумажные иконочки, вделанные в картонные рамки. От потолка свешивались лампы, отбрасывая вверх трепетный свет. Перед полотняной завесой, которая раздвигалась в обе стороны,

скользя на железных колечках, расстилался ковер. Деревянная рама сверху была вся увита гирляндами из еловых веток. За завесой в уголке помещался небольшой престол, налево – маленькая полочка, служащая жертвенником. Это был храм в честь иконы Богоматери "Отрады и Утешения".

Владыка стоял, покачивая головой, неспешно расплетая косицы и улыбаясь своим мыслям. Потом он сказал, что встретил на улице знакомого священника о. Феодора, который живет в Лосинке и служит в Москве. Владыке пришлось сказать, что он приехал навестить знакомых; о. Феодор пригласил его зайти к нему. И он снова улыбался и покачивал головой. "Если бы о. Феодор знал, если бы он видел, что здесь делается..."

Вечер был субботний. После легкой закуски Владыка отслужил всенощную, а на утро – литургию. Служил он с подъемом, без каких-либо пропусков, но быстро и громко. (В то время мы и понятия не имели о том, что церковную службу можно сокращать).

Наутро белая церковь была убрана и комната превратилась в обычную. Владыка пробыл у нас целый день. Он оказался простым и доступным; охотно рассказывал о себе, шутил. Владыке в то время не было еще и пятидесяти лет, но он прошел многие тюрьмы, лагеря и ссылки; был он на Соловецких островах, в Зырянском и Туруханском краях.

Он весело рассказывал о том, как в Зырянском крае встретился с митрополитом Кириллом и другими иерархами и маститыми протоиереями. Одно время им пришлось жить вместе в тесной избе, и, как самому младшему, Владыке Афанасию досталось место за печкой – другого не было – за что он и прозвал себя епископом запечским.

С юмором Владыка рассказывал, как в Соловецких лагерях он исполнял обязанности сторожа, и сердобольный бухгалтер выхлопотал его к себе в помощники – счетоводом хозяйства. Владыка составлял списки бригад, выписывал накладные по указанию бухгалтера, и день прошел безмятежно. На другой день нагрянул ревизор, началась проверка складов. Возвратившись в контору, ревизор сказал Владыке: "Сделайте сличительную ведомость", – и принялся проверять документы. Но о том, что такое сличительная ведомость, счетовод хозяйства не имел никакого представления. Он вертел в руках бумажки, не зная, что с ними делать, а спросить было некого. Выждав некоторое время, ревизор спросил: "Готово?" ... Пришлось признаться в невежестве. Владыка ждал грома и молнии, но этого не произошло. Ревизор указал, что нужно делать – это оказалось несложным, и все закончилось к общему удовлетворению.

С тонким юмором рассказывал Владыка о том, как в 1927 г. он был арестован и за принадлежность к группе архиереев, возглавляемой митрополитом Сергием Страгородским, получил три года Соловецких лагерей вместе с другими архиереями, в то время, как сам митрополит Сергей оказался на свободе и занял место Патриаршего Местоблюстителя.

Владыка и о. Иеракс сидели на диване в той комнате, где накануне совершалось богослужение. Несколько человек окружали их, некоторые сидели на стульях, другие стояли. Я в это время готовила обед в соседней комнате и временами подходила к дверям, чтобы лучше слышать их разговор.

– Смотрите, – заметил о. Иеракс, – кухарка тоже хочет послушать. – И начал подтрунивать надо мной.

Владыка задумчиво посмотрел на меня и долго-долго не отводил взгляда. Непонятно было, о чем он думал. И вдруг неожиданно обратился ко мне:

– А вы знаете, что в женских лагерях еще хуже, чем в мужских? Я смутилась. У Владыки в глазах загорелись веселые искорки. – Ну, что же делать... – в смятении пробормотала я.

Так мне запомнился этот момент: дощатая стена, о которую я опиралась в тот миг, задорный взгляд Владыки и фигуры людей, окружавших его. В освобожденные от занавесок окна светило весеннее солнце, зеленые веточки рябины нетерпеливо сбрасывали с листочков жемчужные капельки дождя... И запечатлелась эта картина на многие годы...

Владыка отслужил воскресную вечерню, а на утро рано уехал в Москву.

В следующий раз Владыка приехал к нам через две недели после Троицына дня, в канун праздника всем святым, в Земле Российской просиявшим. Он привез с собой чудесный образ всех святых русских, написанный по его заказу и указанию художницей М. Н. С.

Владыка отслужил малую вечерню, за которой совершил освящение образа. Затем была совершена торжественная всенощная с песнопениями из службы, написанной самим Владыкой (первая редакция). На этот раз Владыка служил с иподиаконом. Было довольно много народу, хор из нескольких человек пел просто и хорошо, хотя и тихо. Служба получилась торжественная, настроение у всех было праздничное.

Утром Владыка в сослужении с о. Иераксом совершил литургию и молебен перед святой иконой. Потом образ упаковали, и он увез его с собой.

В настоящее время этот образ находится в Трапезном храме Св. Троице-Сергиевой Лавры как подарок Владыки.

Владыка еще несколько раз совершал богослужения на Лосинке. Бывал он и в Загорске у о. Серафима Б. и там тоже служил в домовом храме.

В этих двух церквях он рукоположил диакона б. Сербского подворья о. Николая во иерея и тещу того же храма Ф. Н. С. сначала во диакона, а затем также во иерея.

Помню, как Владыка уезжал из Лосинки в последний раз. Он сказал, что поедет во Владимир, и просил купить ему билет до Москвы, чтобы самому не задерживаться около касс. Я побежала покупать и, дождавшись Владыку у перрона, отдала ему билет в руки. С этой минуты мы уже считались незнакомыми. Я издали смотрела, как Владыка шел по платформе в полотняной толстовке, с толстой цепью от часов на груди, в просторной полотняной кепке, куда он прятал свои длинные волосы. Подошедший поезд скрылся из глаз. Владыка уехал из Лосинки затем, чтобы больше никогда туда не вернуться.

Впоследствии мы узнали, что он снова был арестован и выслан в Беломорские лагеря.

Следующая моя встреча с Владыкой произошла в конце июля 1944 в Московской Пересыльной тюрьме на Красной Пресне.

Нужно сказать, что 6 ноября 1943 г. я была арестована и препровождена во внутреннюю тюрьму г. Москвы. В тот же день был арестован о. Иеракс. Позднее я узнала, что 7 ноября арестовали и Владыку в г. Ишиме, где он отбывал ссылку, и этапировали в пересыльную тюрьму.

Мне объявили, что я обвиняюсь в групповой антисоветской деятельности. Что группа состоит из следующих лиц: епископ Афанасий Сахаров, иеромонах Иеракс Бочаров, протоиерей Петр Шипков, монахиня Ксения Гришанова и я; что группа эта входит в состав организации, именуемой "Антисоветское церковное подполье".

Не стану здесь описывать ход следствия, так как это имеет мало отношения к Владыке. Мне называли какие-то имена, которых я никогда прежде не слыхивала. Скажу только о том, как однажды следователь показал мне схему нашей "организации".

Наверху большого листа ватмана, как солнце на небе, был изображен большой круг — Свят. Патриарх Тихон — от него по нисходящей шли лучи, оканчивающиеся кружками поменьше: митрополиты (было их, кажется, три), от них исходили новые кружки, размножаясь, от тех — новые, меньшие, и т. д. до множества мелких точек. Таких рядов было двенадцать-четырнадцать. Подробнее рассмотреть

не удалось, так как следователь не выпускал листа из рук. Он только показал мне место Владыки Афанасия, образованное из луча, исходящего от митрополита Кирилла — место это было центральным. От него спускались еще три кружочка — священники. Одним из них был о. Иеракс. В следующем ряду — пятом — находилось мое место. Я с несколькими другими "исходила" от о. Иеракса. Мы были, по словам следователя, связистами. От нас, в свою очередь, спускались кружочки, но кто это были и какая роль отводилась им в этой схеме — не знаю.

По окончании следствия, в ночь на 15 мая 1944 года, меня вызвали к следователю читать "дело". Передо мной положили толстую папку, в которой было сгруппировано "дело" всей нашей группы. Я погрузилась в чтение. Это было захватывающе. К сожалению, мне пришлось прочесть немного, так как следователь хотел спать и все время торопил меня. Он требовал, чтобы я читала только свое "дело", ворча: "Нашла беллетристику..."

1 июля меня перевели в Бутырскую тюрьму, а 14 июля объявили решение Особого Совещания — 5 лет исправительно-трудовых лагерей. 2 июля 1944 года в закрытой машине, называемой "черным вороном", меня повезли в пересыльную тюрьму на Красной Пресне. В полной темноте мы стояли, плотно прижавшись друг к другу, — женщины и мужчины — с вещами. В воздухе слышалась ругань. Наконец, открылась дверь, в глаза блеснул солнечный свет, все высыпало из машины на тюремный двор. И тут я увидела фигуру в черной ряске, в черной скуфеечке, низко надвинутой на глаза; седеющая борода окаймляла лицо. Этот человек мало походил на того Владыку, который приезжал к нам в Лосинку. Я подошла к нему и спросила: "Вы Владыка Афанасий?". Он улыбнулся и в свою очередь спросил: "Вы — Н. В.?"

Следующая машина привезла о. Иеракса.

Началась процедура приема, а потом нас посадили во дворе, женщин — отдельно от мужчин. В тюрьме был ремонт, и потому нас весь день продержали под открытым небом. Я отыскала в массе людей Владыку Афанасия и о. Иеракса. Они сидели рядом. Я подседа к ним, да так и просидела все время. Конвойные отгоняли меня, грозя карцером, но делали это больше "для порядка", и я снова возвращалась и, как студеную воду, пила дорогие мне речи. Я узнала, что о. Иеракс, как и я, получил срок 5 лет ИТЛ, а Владыка — 8 лет. (Я привлекалась по ст. 58 пункты 10–11, а у них был еще третий пункт — 8). Мы говорили о том, пошлют ли нас вместе отбывать срок, и я от всей души сказала, что если вместе — то я готова и на

1889 г. Тамбов

Еп. Афанасий с матерью и братом

январь 1912. 4-й курс Моск. Дух.
Академии

1913. Преподаватель Полтав. Дух.
Семинарии

Еп. Афанасий на могиле матери

Единственное служение еп. Афанасия (Сахарова)
в Троице-Сергиевой Лавре

20 лет. Владыка улыбнулся, но вообще был очень грустен. Он устал от тюрем и этапов, в которых прошла вся его жизнь. Во время следствия Владыка находился в Лефортовской тюрьме. Считалось — строгий режим. Содержанию в Лефортове подвергали как бы в наказание за что-либо. Этой тюрьмы все боялись. Там были маленькие камеры на одного-двоих. Из камер никуда не выводили. Санузел помещался тут же. Особенно тяжело было, когда попадались чуждые друг другу люди. Владыка, по милости Божией, все время был один. Он остался доволен переводом в эту тяжелую для других тюрьму. Там он был освобожден от неприятных соседей и все время проводил в молитве. Это был своеобразный затвор.

О. Иеракс сказал мне: "А я везу с собой церковь". Наша "белая церковь", вернее, иконостас, была захвачена при аресте как вещественное доказательство, но поскольку конфискации имущества не было, то с другими личными вещами о. Иераксу была вручена и церковь.

Я передала им мешочек с белыми сухарями, которые берегла для них в тюрьме, как будто предчувствовала будущую встречу.

Вечером нас развели по камерам. Два дня спустя обитательницы нашей камеры отправились на прогулку. Я не пошла — не было желания бродить по пыльному тюремному двору, да и ради сохранения своих вещей не стоило покидать камеры. Возвратившиеся с прогулки женщины сообщили мне: "Ваши ушли на этап..." Тут мне пришлось пожалеть о несостоявшейся прогулке. Я узнала, что этап отправился в Мариинск, и что к Владыке и о. Иераксу присоединился еще кто-то третий. Я поняла, что это был о. Петр. Так они уехали. Через несколько дней меня отправили в Рыбинские лагеря.

Спустя некоторое время нам удалось наладить переписку... Письма приходили регулярно, бодрые, светлые, всегда написанные рукой Владыки, т. к. о. Иеракс в это время потерял зрение в одном глазу. Из этих писем я узнала, что им было трудно. Они очень долго ехали в товарном вагоне, проводя время сидя или лежа на деревянных нарах. А потом им, ослабевшим от духоты и отсутствия движения, пришлось много пройти пешком, а сразу по прибытии в лагерь их направили на полевые работы. Затем они работали сторожами, а Владыка исполнял обязанности ассенизатора. Он говорил, что работа эта устраивала его, так как оставляла много свободного времени. Часто перефразируя слова Дамаскина из любимой поэмы А. Толстого "Иоанн Дамаскин": "Моей отрадой было богослужение и Ты Себе его, Создатель, взял", — Владыка отождествлял свою судьбу с судьбой святого. Там — певец, очиститель отхожих мест, здесь — архиерей-ассенизатор...

"Белая церковь" с прочими предметами была спрятана ими в овощехранилище, где о. Иеракс состоял сторожем. Там и совершались по ночам богослужения до тех пор, пока не произошел пожар в ночь, когда о. Иеракс ночевал в бараке. Со скорбью он писал мне о том, что все сгорело.

Владыка получал много посылок. С юмором он впоследствии рассказывал о том, как его пытались обворовывать.

Владыка со многими делился посылками, но не выносил воров и всеми способами боролся с ними. Так, в бытность его дневальным, к нему пробрался вор, и Владыка окатил его водой из ушата. После этого вор очень обижался и сетовал на то, что ему не удалось украсть рубашку на смену мокрой...

Жизнерадостность никогда не покидала святителя. С каким искренним смехом он рассказывал о том, как некто, считающий себя верующим, не хотел работать в лагере, считая свой отказ от работы делом правым. Никакими мерами нельзя было заставить его выполнять какую-либо работу. Сажали в карцер — он почитал себя мучеником. Однажды начальник лагеря сказал ему: "Посмотри, вот ваш архиерей ассенизатором работает, а ты бездельничает". Но для того это было неубедительно: "Архиереи всякие бывают..." Рассказывая об этом случае, Владыка заразительно смеялся.

С о. Иераксом Владыка очень сблизился, и сближала их не только общность судьбы, но, главным образом, чистота — чистота души и веры, никогда и ничем не омрачаемая, качества, которыми обладали они оба. Вместе они молились, вместе скорбели о судьбах Церкви Божией. Все у них было общее. Впоследствии Владыка писал моей сестре о том, что о. Иеракс стал его духовником.

Когда в 1945 году происходила интронизация на Патриаршество Святейшего Патриарха Алексия, вместе они писали ему поздравительное письмо и просили принять их в общение с возглавляемой им Церковью в числе прочих подвластных ему священнослужителей.

В Мариинских лагерях надолго сохранилась память об этих благодатных людях, высоко несших свое служение Богу и людям.

Мне очень жаль, что я не смогла сохранить писем того времени, писем очень ценных, отражающих быт и настроение дорогих мне узников в то трудное для всех нас время. В 1946 году я снова была вызвана во внутреннюю тюрьму и перед этапом вынуждена была своими руками сжечь все письма.

Во внутреннюю тюрьму я прибыла 6/V; гораздо позднее привезли из Мариинска о. Иеракса, и еще позднее — Владыку Афанасия.

Один наш знакомый, будучи арестованным, в страхе наговорил на меня и о. Иеракса много ложного. По мнению следственного отдела, наше дело приняло другой оборот, потому все мы были вызваны из лагерей снова в тюрьму.

Придя в себя, человек этот отказался от своих показаний, и, на свое несчастье, получил дополнительный срок за клевету. Очных ставок он ни с кем не имел, так что в этом дополнительном сроке не было виновных, кроме его самого.

По окончании следствия все мы были направлены в разные места заключения отбывать до конца свой срок. Владыка и о. Иеракс оказались в Потьме, но в разных лагерях. С этого времени я потеряла связь с Владыкой, так как лагеря, где ему пришлось находиться, считались режимными, с ограничением в переписке, я же не знала его адреса.

В 1954 году, освободившись по амнистии из ссылки в Казахстане, куда я была направлена по отбытии срока заключения в лагерях, я поехала в Мордовию, в Б. Березники, где содержался в инвалидном доме о. Иеракс. Там мне стало известно, что Владыка тоже находится в инвалидном доме спецрежима на станции Потьма. Возвращаясь из отпуска, я проезжала мимо этой станции, но время мое было ограничено, да и остановки в тех местах были делом сложным из-за наплыва пассажиров, и я не смогла навестить его.

Желая перебраться поближе к о. Иераксу, который все еще оставался в инвалидном доме, я получила место бухгалтера в Мордовии на станции Зубова Поляна, в шести километрах от Потьмы, куда и переехала в сентябре 1955 года. Но Владыки в инвалидном доме уже не было – там жила только память о нем. Его наконец окончательно освободили, и он переехал на жительство в г. Тугаев.

11 октября 1955 года Владыке удалось возвратиться на жительство на ст. Петушки родной Владимирской области, где, наконец, мы встретились в 1956 году после двенадцатилетней разлуки.

За это время святитель очень изменился: он поседел и выглядел слабым старцем. Сохранилась фотография Владыки тугаевского периода: изможденный и скорбный лик. Вот таким я и увидела его в Петушках. Но он по-прежнему шутил, и все, что он рассказывал о своем пребывании в лагерях и ссылках, дышало искренним юмором. А в глубине его скорбных глаз светилась теплая, печальная любовь. Было видно, что пережил он эти годы в скорби не за себя, а за всех, с кем свела его судьба в исключительно тяжелых условиях. Скорбь и любовь к этим бедным, подчас очень слабым людям, осталась в сердце святителя до конца его дней. Сколько же писем и посылок рассылал он во все концы России в эти последние годы...

Владыке хотелось, чтобы о. Иеракс имел возможность перебраться на жительство поближе к Москве и к нему, и подыскивал для этого квартиру в Петушках. Но переезду не суждено было в то время осуществиться.

В 1957 году Владыка получил "в наследство" маленький разваленный домик во Владимире по завещанию после смерти одной женщины. Вот в этом домике и поселился потом о. Иеракс. По случаю его переезда Владыка писал мне в Мордовию: "... У меня всегда было одно желание, одна забота – вырвать вас обоих из Мордовии и переселить поближе к родным местам. . . Вы поселитесь в моем доме. Что это за дом – вы увидите..."

В доме был сделан ремонт. О. Иеракс переселился во Владимир в июне 1957 года, где и прожил последние полтора года своей жизни. В ноябре того же года приехала из Мордовии и я.

Ко дню моего ангела 27 января 1958 года Владыка написал:

"... Молю Бога, да поможет Вам после скитания в дальних чужих краях лучше, спокойнее устроиться в наших местах, более близких к родной Вам Москве. Да поможет Вам Господь полюбить наш древний град Владимир, полюбить его святыни, – ведь Владимирская икона Богоматери одинаково дорога и для Владимира и для Москвы. Да поможет Вам Господь находить успокоение, отраду, утешение у наших святых угодников..."

10 февраля (н. с.) 1959 года умер о. Иеракс, друг, сомолитвенник, духовный отец, близкий и внутренне родной ему человек. Владыка получил разрешение принять участие в погребении. Он прибыл во Владимир 12/II – день памяти трех святителей – прямо на кладбище и совершил отпевание по монашескому чину полностью, в сослужении четырех священников и соборного диакона, предавая земле своего собрата. Он даже уступил о. Иераксу свое место на кладбище рядом с горячо любимой им матерью, где и покоятся они теперь в одной ограде, по обе стороны этой достойной женщины.

2/VII того же года в Боровске умер еще один друг Владыки, с которым ему довелось находиться в Маринских лагерях и после вести переписку, – о. Петр Шипков. Владыка был в скорби...

После смерти о. Иеракса я стала часто бывать у Владыки в Петушках. Эти последние годы Владыка поднялся духовно во весь рост. Все пережив, много перестрадав, он способен был понять каждого.

Как изменился мир за его отсутствие... В церквях беспрепятственно совершались богослужения, Московская Патриархия возглавляла Церковь на Руси. При Патриархе заседал Синод, состоящий из духовенства. Из-за границы прибывали делегации зарубежного

духовенства; в Европе и Америке был создан Экзархат. Казалось бы, и желать больше нечего. Но то, что со скорбью отметил святитель, — это странно упорное обмирщение Церкви. Как будто церковные деятели не приняли наследия св. Отцов. Устав упорно не соблюдался. Монашество приняло чисто формальный образ, как необходимая ступень для продвижения по иерархической лестнице.

В 1956 году после тридцатилетнего перерыва Владыке удалось послужить в Лавре преп. Сергия. Об этом своем служении он говорил, что был очень утешен и одновременно огорчен. "Есть Лавра, и по существу нет Лавры..."

А в 1957 году Владыка писал по поводу его неудавшейся поездки в Загорск в день Благовещения Пресвятой Богородицы: "...Сейчас понял, почему Господь не благословил мою затаенную мысль послужить сегодня в Лавре... Вчера в Лавре на всенощной читали акафист Богородице... По какому это уставу?... Благодарю Бога, что не пришлось мне присутствовать на таком коверкании Устава и нарушении всех истинных лаврских традиций. А завтра в Лавре будет третья Пасха. Еще лучше!... Я думаю, в могиле повертываются и святитель Филарет, и наместники о. Антоний и о. Товия..."

Прием Владыке был оказан весьма прохладный. Кафедры он не получил, хотя по состоянию здоровья он и не особенно претендовал на нее.

Владыка говорил, что, когда, по его просьбе, знакомая женщина сдавала в Патриархию письмо на имя Святейшего, особа, принимавшая письмо, спросила: "Это от Е. А. Сахарова? От обновленца?" И прибавил: "Значит, там все знают Сахарова и не считают своим".

После аудиенции у Святейшего Владыке предложили принять участие в издательстве Православного календаря и назначили председателем Богослужебной комиссии, которая готовила к изданию Богослужебные указания.

Он с воодушевлением взялся за нужную и близкую его душе работу. Он и ранее говорил о себе: "... Я не созерцатель, я — уставщик...". И вот он весь отдался представившейся ему возможности применить свои знания. Но очень скоро почувствовал разочарование.

"Я сожалею, — говорил он вскоре, — о том, что согласился принять участие в редактировании Богослужебных указаний. У меня руки опускаются — со всех сторон приходят грустные вести о забвении, об игнорировании Устава Церковного..."

Вот какое значение Владыка придавал соблюдению Церковного Устава. "Грустно, больно, скорбно, плакать хочется..." — говорил он.

В связи с изданием Богослужебных Указаний возникло много недоразумений, и Владыка отказался от редактирования Указаний, оставив за собой право консультанта.

Все свои труды по Церковному Уставу Владыка хотел завещать в библиотеку Церковно-Богослужебной комиссии. Но случилось так, что Комиссия распалась... Нашли, что она берется не за свое дело, "сует нос куда ее не просят..."

По этому поводу Святитель писал: "Я очень болезненно переживаю разгон Комиссии, очень скорблю, что из-за моего неумения подлаживаться, неумения держать нос по ветру ликвидировано очень нужное, очень полезное, жизненно необходимое дело..."

А когда в 1957 году вышли из печати Богослужебные указания, он написал:

"Во избежание всяческих неправильных суждений считаю необходимым заявить следующее:

Я с радостью принял сделанное мне в прошлом году предложение, но уже в начале в процессе работы выяснилось, что некоторые мои уставно-богослужебные суждения оказались неприемлемыми. Поэтому я отклонил от себя как составление, так и редактирование "Богослужебных Указаний". Я согласился только сделать некоторые указания и советы. Но и эти последние в большинстве своем не были приняты во внимание. Посему я ни в коей мере не считаю себя ответственным за содержание "Богослужебных Указаний" на 1957 год".

Покончив с официальной работой, Владыка принимался за полезные и, по его мнению, необходимые труды — исправление богослужебных книг и составление службы всем святым русским — общей и отдельно каждому.

В одном из своих писем Владыка говорил: "Исправление церковных книг — неотложное дело. Надо не только то, чтобы православные умилялись хотя бы и непонятными словами молитвословий. Надо, чтобы и ум не оставался без плода. Пойте Богу нашему, пойте разумно... Помолюся духом, помолюся и умом... Я думаю, что и в настоящей церковной разрухе в значительной степени повинны мы тем, что не приближали наше дивное богослужение, наши чудные песнопения к уму русского народа".

А в письме к одной близкой знакомой он писал: "Вы счастливы тем, что в день Вашего Ангела можете воспеть или прочитать полную службу Вашего Небесного Покровителя. А многим именинникам приходится ограничиваться общим тропарем. Надо этот недостаток восполнить. Вы все хорошо знаете наши церковные книги... Попробуйте восхвалить святых жен, особенно Вам тезоименитых".

Большое значение Владыка придавал молитве каждому святому Православной Церкви. Он говорил, что в трудных случаях жизни нужно прибегать молитвенно к святому, имя которого человек носит.

Много времени было уделено Владыкой его капитальному труду о Поминовении Усопших. Ознакомившись с этим трудом, Святейший заметил, что за него епископу Афанасию следует присвоить звание Магистра Богословия. Но дальше этой фразы дело не пошло...

Живя в селе Петушки, Владыка посещал местный храм во имя Успения Богоматери, где молился, не принимая участия в Богослужении. Но ему очень хотелось послужить самому, и он обратился с просьбой к Владимирскому Преосвященному Онисиму исходатайствовать ему от Уполномоченного по делам Православной Церкви разрешение изредка совершать богослужение в местном храме при закрытых дверях, без молящихся, имея хотя бы одного только помощника при богослужении. Ответ был таков: служить в храме при закрытых дверях с одним помощником разрешалось, но ставилось одно условие: не пользоваться никакими архиерейскими регалиями. Владыка удивился – какое значение может иметь наличие или отсутствие регалий в пустом храме? – и от разрешения, хотя и со скорбью, отказался.

Вскоре он вообще перестал посещать храм из-за слабости сил телесных и совершал молитвословия дома.

К святыне Владыка относился с особым благоговением. Все книги, где упоминалось имя Божие, он считал святыми. Однажды, читая вечерние молитвы, кто-то из гостей положил на молитвослов очки. "Вы что, очки святите? – спросил Владыка. – Или думаете своими очками освятить книгу?" Он говорил, что изображение Господа, хотя бы оно было помещено и в безбожном журнале (конечно, не искаженное) – всегда священо и должно быть почитаемо.

Молитва заполняла всю жизнь Владыки, была главным в жизни. Он был слаб и при совершении молитвословий часто сидел...

Как сейчас представляется его фигура в кресле перед письменным столом, справа от иконостаса, погруженного в чтение канонов, стихир, псалмов. Читал он громко и быстро. В то время, когда по его благословению читали другие, фигура его была неподвижна. Только легкое покачивание головы и едва уловимое движение руки ладонью вверх свидетельствовали о горячей молитве, о разговоре со святым, которому читалась служба.

К людям Владыка был очень снисходителен. Во время молитвы он разрешал сидеть, снисходя к немощи и усталости приезжих.

Он говорил: "Молитесь сидя, лежа, кто как может, но только молитесь..."

К постам Владыка был очень строг. Всем, кто жаловался на невозможность поститься, он говорил: "Не можете по болезни – ешьте что вам необходимо, но знайте, что совершаете грех и кайтесь в этом. А разрешить для вас пост не имеет права ни один священник или архиерей. Ешьте досыта, – говорил он, – но только то, что положено".

Владыка был очень незлобив. Он сам говорил, что за всю свою жизнь сердился только два раза. Один раз в то время, когда, будучи Ковровским Епископом, объезжал епархию, где в одном месте должен был совершать литургию. Собралось окружающее духовенство для сослужения. И вот вечером, когда все отправились на покой, в одной из комнат отведенного для отдыха дома он неожиданно обнаружил пирующих священников, которые наутро должны были совершать с ним богослужение. Святитель предался справедливому гневу. Он объявил, что ни одному из присутствующих не разрешит принять участие в совершении литургии. Владыка сдержал слово: наутро все приезжие священники стояли в алтаре в рясах и только одному настоятелю по просьбе духовенства было разрешено облачиться, чтобы не было зазором от народа, но к совершению литургии не допустил.

О втором случае Владыка рассказывал с юмором. Приблизительно в то же время к нему на прием явился молодой священник, коротко постриженный. Святитель принял его и, поговорив, почувствовал, что это чистый и благоговейный человек. Прощаясь, Владыка сказал:

– Вы такой хороший, батюшка, зачем вы обрезали волосы?

– А я не обрезал, – поспешно заверил его молодой священник.

– Как не обрезали? – удивился святитель.

– Не обрезал, – повторил тот.

– Как не обрезали? – рассердился Владыка.

– Не обрезал, – уже испуганно пролепетал батюшка.

– Как вы смеете лгать архиерею! – возвысил голос Владыка и стукнул рукой по столу. Лицо священника стало еще более испуганным, в голосе звучали слезы:

– Я не брежу... Это меня магушка, камешком...

Гнев Владыки как рукой сняло, и он залился смехом. Батюшка ушел обескураженный.

Волосам у священников Владыка придавал большое значение. Но был снисходителен и справедлив. В бытность его в Петушках ему довелось познакомиться с молодым священником. Я спросила, какое впечатление произвел на него новый знакомый.

– Хороший батюшка, – сказал Владыка, – только вот зачем он волосы стрижет? Жалко...

Вскоре с одной нашей знакомой случилось большое несчастье. Она стояла около горячей электроплитки и не заметила, как край халата упал на раскаленную спираль и загорелся. Когда пламя охватило ее, она растерялась и бросилась на улицу, где ветер превратил ее в горящий факел. Соседям с трудом удалось сбить с нее пламя. В тяжелых ожогах она была доставлена в институт Вишневского, где на четвертый день умерла. В больнице под видом родственника ее посетил тот самый молодой священник, принял исповедь и причастил Святых Таин.

После этого Владыка сказал:

– Беру свои слова назад. Отсутствие волос дает возможность батюшке проникать в больницу и напугивать умирающих...

Последний год жизни Владыки – это море любви. Всего себя он отдавал людям, для всех оставаясь тем, чем каждый мог его воспринять. Он оставлял свою работу, нужную грядущим поколениям, и целые часы проводил в беседах с людьми, имеющими доступ в его гостеприимный домик. И народ тянулся к нему, ехал со всех сторон. В последнее время круг посетителей расширился. В лето 1962 года всегда гостило по несколько человек, как будто какая-то невидимая рука регулировала поток посетителей. Уезжали одни – приходили другие, и для всех одинаково звучал приветливый голос. Владыка любил пошутить. "Вы зачем пустили чужих?" – с напускной строгостью говорил он. И тут же светлая улыбка озаряла его лицо, и он осторожно гладил по плечу гостя, чтобы тот не вздумал обидеться.

Вновь прибывшего усаживали за стол и принимались угощать – закипал самовар, а если время было послеобеденное, подогревались остывшие кушанья.

"Соловья баснями не кормят", – говаривал Владыка. И с каждым он находил интересующую того тему разговора: со скорбными скорбел, находя слова утешения, с веселыми и остроумными смеялся от души. Он обладал большим чувством юмора и тонким поэтическим чутьем, любил все прекрасное, умея находить его всюду. И очень страдал от всего нечистого, грубого, как-то недовольно прятался внутрь себя. Фальши не переносил и был даже резок при столкновении с этим пороком.

Он никогда ничего не съедал один; если ему привозили фрукты или ранние овощи, требовал, чтобы делили на всех. Каждому хотелось привезти ему что-то хорошее, и все это, проходя через руки Владыки, с благословением передавалось другим: нуждающимся или опечаленным в утешение.

Насколько высок он был в это последнее время, можно судить по тому калейдоскопу людей, который проходил перед ним. Конечно, он очень утомлялся физически, но внутренне всегда был ровен. После общения с очень духовными людьми он принимал нас, суетных и шумных, выслушивая наши скучные жалобы, рассказы о нашем незатейливом житье, и нисколько не тяготился этим, а услышав что-нибудь смешное, весело, от души смеялся. Ничто не раздражало и не смущало его. Он был выше всего окружающего. Не выносил Владыка только совсем пустых разговоров – тогда он начинал зевать.

Иногда его не понимали. Это странно, а может и закономерно. Только некоторые очень не понимали его.

В 1961 г. к Н. С., ухаживающей за Владыкой, приехала ее дочь, жившая последнее время на Севере с мужем, и здесь, во Владимире родила сына-первенца. Для Н. С. настало тяжелое время. Зима. Дома – дочь с новорожденным младенцем. Об отъезде к мужу в такое время не могло быть и речи. Казалось, место бабушки около них... А в Петушках – Владыка, которому она обрекла себя на служение... Недоумение разрешил он сам, пригласив молодую мать с ребенком к себе в Петушки.

В это время я не бывала у Владыки из-за большой занятости. Однажды, встретив знакомую монахиню, от нее узнала, что в Петушках не все благополучно: там живет женщина с ребенком... Ну и что же? – Этого нельзя, он монах. Да и для него большое беспокойство.

Позднее Владыка говорил мне, что сначала он был в недоумении, и, не зная, как поступить, молился об этом. Однажды в раздумье открыл Евангелие и прочитал слова Спасителя: "Иже аще примет отроча во имя Мое, Мене приемлет..." (Мф. 12, 5). Эти слова и были восприняты им как прямое указание.

Сам Владыка нисколько не тяготился пребыванием у него Верочки с ребенком. Многолетним пребыванием в лагерях он был приучен засыпать при всяких обстоятельствах. В доме соблюдалась идеальная чистота, так что в этом отношении присутствие ребенка не ощущалось. Неудобств не было. Невинная душа младенца гармонировала с его собственной чистой душой. Их объединяло что-то неуловимое, чего один еще не утратил, а другой приобрел чистотой своей подвижнической жизни.

Когда Владыка заболел, одна внешне близкая ему женщина сказала: "Он ведь очень переживал". Я ответила: "Да, дела церковные его беспокоят и глубоко огорчают". "Не в этом дело, – махнула рукой та, – о себе беспокоится. Не очень ведь приятно снова пережить то, что уже пережил". Я невольно усмехнулась. Мне стало так странно

представить себе Владыку, прошедшего в ссылке 33 года, дрожащим от какого-то мифического бедствия, которое может его ожидать. Но пускаться в дальнейшие рассуждения не стала.

Грустно такое непонимание.

Сущность Владыки — кристальная чистота и любовь. Он любил Бога светлой, бескорыстной любовью и ради веры и любви готов был на все. Он сохранил чистоту жизни не из страха будущих мучений и не ради надежды получения вечного блаженства, а из любви к Небесному Отцу, из ревности о славе Его и величии Церкви Божией. Иначе не мог. Он был сыном Божиим и всегда предстоял перед лицом Божиим. Мог ли он бояться чего-либо? Глубокая вера и преданность воле Божией были его характерными чертами. "Твой есмь Аз, спаси мя..." Он жил по Закону Божию, и ничто личное не смущало его.

В церковном богослужении Владыка не признавал стояния на коленях, кроме моментов, специально предусмотренных уставом. Он говорил, что человек должен предстоять пред Лицом Божиим, как сын перед Отцом, почтительно, без дерзости, но не как раб. Владыка говорил, что ползание на коленях возникло в средние века, когда дух рабства проник и в Церковь; на древних иконах не было колена-преклоненных изображений. В особо важных местах богослужения следует класть земные поклоны, воздавать честь, но не стоять на коленях. В такие моменты, когда поется "Херувимская" и особенно "Великое славословие", нужно **п р е д с т о я т ь**, а во время совершения Таинства (Твоя от Твоих...) и по окончании молитвы Господней полагается земной поклон...

Владыка благоговейно относился к памяти св. угодников. Совершенно особое место занимал в его жизни св. пророк Илия. Ему ежедневно на послеобеденной молитве Владыка читал тропарь, им самим составленный: "Во плоти ангел, пророков основание, второй предтеча пришествия Христова, Илия славный, от ангела пищу приемый и вдовицу во время глада напитавый, и нам, почитающим тя, благодатный питатель буди".

Такое отношение к святому пророку возникло после того, как Владыка узнал от митрополита Кирилла историю, рассказанную Епископом Московского Даниловского монастыря преосв. Феодором о том, как в 1918 г. одному скромному подвижнику современности было откровение, что в суровую годину оскудения пищи пророк Илия является питателем почитающих его память, как некогда он был питателем Сарептской вдовицы. В тюрьме и ссылке они стали молиться пророку и никогда не оставались без пищи. А в день памяти пророка Илии Митрополит Кирилл получил однажды столько посылки,

что на дверях камеры его уголовники написали: продуктовый склад. Владыка говорил, что предстательству этого праведного и святого мужа он приписывает заботу о нем самом стольких благочестивых людей, которые все годы его заключения и ссылок не оставляли его своей помощью.

Владыка написал ему соответствующий тропарь, отчасти используя прежний. Он и нам завещал молиться пророку Илию, чтобы так же, как у вдовицы, не иссякали малые запасы муки и елца в наших домах.

С большой скорбью Владыка говорил о закрытых церквях. Великолепные храмы, построенные нашими предками, предназначенные для богослужения, стоят безмолвные, с осыпающимися стенами, с потемневшими куполами, как выколотые очи зияют их побитые окна. Когда-то здесь горели огни, толпились люди, стены оглашались пением, возносились молитвы. Вспомнишь — и плакать хочется. . . Но, благодарение Богу, что они еще целы. Пусть крестами своими освящают и осеняют землю нашу. И в закрытых храмах невидимо совершается богослужение Ангелами Божиими...

Однажды я приехала к Владыке в то время, когда у него гостил друг со студенческих лет, архиепископ Симон, бывший Винницкий. Оба они глубоко скорбели о судьбах Церкви; оба были столпами ее, но на события смотрели по-разному. Владыка Симон считал, что на нашу долю выпала суровая година бесчестия Церкви, упадка нравов и внутреннего ожесточения против всего святого, но что это только полоса, исторический этап, который минует, и Истина снова восторжествует в сердцах народных. Было и прошло иконоборчество и другие тяжкие для Церкви моменты.

Владыка Афанасий не смотрел так оптимистически. Он думал о том, что история завершается и может случиться, что Россия, как древний Израиль, навеки потеряет благословение Божие и окончательно лишится Его милости. "Сказано, что врата адовы не одолеют Церкви, — говорил он, — но нигде не сказано, что в России... сохранится Церковь, и Россия может окончательно потерять ее..."

Поэтому Владыка усиленно молился святым русским и Покровительнице России — Матери Божией: "К Заступнице страны нашей, Приснодеве Богородице притецем и к Первописанней Ее иконе ныне припадем, верою зовуще из глубины души: О, Мати Божия! Спаси землю Русскую, исцели сокрушения ея и верных людей утеши".

Летом 1962 г. я приехала к Владыке по его приглашению в отпуск и была очень смущена тем, что в его маленьком домике уже был гость — о. К. из Троице-Сергиевой Лавры. Я почувствовала себя

лишней. "У вас вон кто гостит!" — сказала я Владыке и не договорила, ожидая, что он ответит. "Ну что же, — весело сказал Владыка, — и вы будете гостить..."

И вот я провела замечательную, незабываемую неделю в это последнее лето жизни Владыки. Нас было пять человек. Владыка, Н. С., о. К., М. К. и я. Дни были полные, насыщенные, радостные, с молитвами, мирными беседами, душевными и простыми. Первым подымался Владыка и говорил с напускной суровостью: "Ленивии, восстаните...", а затем прибавлял, что тому-то и тому следует еще подремать. Прочитав вслух утренние молитвы, Владыка возглашал: "Теперь и самым ленивым пора подыматься..." После чтения утрени, часов и обедницы сажались за чай. Много интересного и содержательного рассказывал Владыка, порою шутил. Однажды он спросил меня:

— Вы, наверное, меня осуждаете? Думаете — какой архиерей зубоскал.

— Что вы, Владыка, — со всей искренностью ответила я, — это так прекрасно, что вы способны понять все, не только серьезное и глубокое, но и тонкое, остроумное, веселое...

И это было действительно прекрасно и удивительно, что он мог понять и охватить все, всю жизнь со всеми ее проявлениями, кроме заведомо греховного. Владыка интересовался литературой, любил стихи.

Перед обедом он всегда отдыхал, а после обеда до вечернего чая время проходило в беседах. Иногда он читал. Владыка очень любил А. К. Толстого и нередко читал его стихи. В ту памятную неделю он не раз возвращался к поэме "Иоанн Дамаскин" — к любимому святому, судьбу которого любил сравнивать со своей и которого так вдохновенно воспел поэт. Все слушали как замороженные. Настроение было светлое и спокойное. После чая читали вечерню, повечерие, молитвы. В чтении участвовали все. Было как-то уютно и тепло на душе. Уезжая, о. К. сказал: "Я побывал в скиту. Пользу получил и для тела и для души". Когда уехал этот высокодуховный человек, мне показалось, что из дома ушел ангел. Перед отъездом он подарил нам иконочки и разрисованные пасхальные яички: с одной стороны — воскресший Христос, с другой — Троице-Сергиева Лавра.

После отъезда о. К. и М. К. я еще оставалась у Владыки. Подошел Троицын день. Давно мне не приходилось присутствовать на таком торжественном Богослужении. На меня повеяло чем-то прежним, далеким — московскими храмами 20–30-х годов. Служба была полная и в то же время легкая, торжественная; несмотря на отсутствие хора, паникадильного освещения, архиерейских регалий и прочих

необходимых сопроводителей Богослужения, светлое чувство радости духовной охватило душу и как облаком отгородило ее от внешнего мира.

Вполне созревший для перехода в иную, торжествующую Церковь Владыка эти последние месяцы своей жизни очень много давал окружающим, духовно обогащая, наделяя духовными силами, чтобы хватило их на годы. Как труден и непрогляден был бы наш земной путь, если бы не озаряли его такие яркие светильники духа.

Летом питомца Владыки — внука Н. С. — увозили домой, на Север. "Вам жаль Валерика?" — спросила я. "Да, — задумчиво сказал Владыка, — я очень привык к нему". "Ну, ничего, — сказала я ободряюще, — через год он придет к вам большим, будет бегать, разговаривать..."

Лицо Владыки погрузнело, но он ничего не ответил, только, не поднимая глаз, печально покачал головой. Потом я вспомнила этот печальный лик и поняла, что Владыка знал о том, что больше не увидит этого мальчугана в земной жизни.

Владыке можно было сказать все. Он не принимал исповеди, ссылаясь на то, что для этого есть духовники, не разрешал грехов, но сказать ему можно и нужно было все... Все неприятности и болезни как рукой снимало после того, как расскажешь ему. Могучей была сила его молитвы.

Даже в мелочах он умел неожиданно помочь. Как-то в Крестопклонное воскресенье я спросила Владыку:

— На четвертой неделе обязательно есть без масла?

— Да, сказал он, — по Уставу так положено. А вам трудно?

— Да, — ответила я, — по правде сказать, трудно.

— Ну, уж если очень трудно, тогда сделайте так: один раз в день ешьте с маслом, остальное время — без него.

Я ничего не сказала, но про себя подумала: "Владыка не понимает условий нашей жизни. Ведь я ем горячее только раз в сутки, остальное время — чай с хлебом. Об этом единственным разе я и говорила. Ведь не будешь же поливать хлеб постным маслом..." Так я и уехала, не разрешив своего недоумения.

На другой день я сидела на работе. Из банка вернулась кассир, аппетитно что-то жуя, и сообщила сотрудникам: "На базаре продают жареные пирожки с кислой капустой на постном масле. Очень вкусные". Обычно продавались пирожки с мясом, а таких еще не было. Сотрудники вскочили, начиная собирать деньги на покупку пирожков. Я попросила купить и на мою долю. Они действительно оказались постными. Мне оставалось только удивляться — ведь таким образом

у меня получалась один раз в день еда с маслом, а дома уже без масла. Этими пирогами я питалась до конца поста. Потом они исчезли и больше никогда не появлялись.

Последнюю службу в домике Владыки мне удалось слышать 15/28 июля вечером — празднования всем святым, в земле Русской просиявшим. Это была служба, составленная самим Владыкой. Отшлифованная, вдохновенная, радостная и красивая, на все гласы-подобны, с особым подъемом звучащая в устах самого автора. Так Господь удостоил меня, грешную, присутствовать на первой службе св. русским, совершаемой Владыкой Афанасием, и на последней.

После этого я видела Владыку еще один раз, когда он сказал мне, чтобы в следующий раз я приезжала с вечера, но, приехав утром, я застала его уже усопшим, ушедшим из своей земной храмыны.

Насколько близким остался он и после смерти, свидетельствует очень многое: и большое, и самое незначительное.

Вскоре после смерти Владыки я поздно вечером очень усталая возвращалась домой. "Не буду читать вечерних молитв, — подумала про себя, — сразу лягу спать". Так и сделала. Надо сказать, что и прежде очень часто я ложилась не помолившись, но делала это по слабости и усталости с твердым намерением встать и помолиться. Так категорически я отказывалась от молитвы впервые. Во сне я увидела Владыку. Он стоял передо мной в монашеском одеянии, в клубке, но лицо его было, как иной раз и при жизни, с сердито сдвинутыми бровями и смеющимися глазами. В руках была лента или полоса канвы с желтым фоном, на котором черным были написаны или вышиты буквы. Он неспешно развернул передо мной свернутую в клубок полосу, и я по складам прочитала: "Лентяйка..." Сразу даже не поняла, что это относится ко мне. Но сон врезался в память, и, проснувшись, уразумела, что это укор мне... Замечательно то, что в этом сне Владыка был живой, со своим обычным юмором, умеющий деликатно, но чувствительно одернуть зарвавшегося зазнайку. И это было радостно.

Владыка не помнил своего отца: тот умер, когда будущему святителю было два года. Но знал из рассказов о нем, что это был очень уважаемый и всеми любимый человек. Он был похоронен на территории Рождественского монастыря. Когда при жизни его спрашивали, что бы он хотел иметь после смерти, он шутливо отвечал: "Четыре березы и горькие слезы..." И действительно, на его могиле было много слез.

Я шутя сказала Владыке: "Насчет берез — не знаю, а слезами, если умрете, мы Вас обеспечим". Но в самом деле на могиле Владыки

слез было мало, во всяком случае, они не были горькими. Удивительно светлым и радостным был исход его, и так всеми ощущалась его близость.

Владыка не хотел иметь на могиле памятника. Он был скромный и не хотел отличаться чем-либо от других и после смерти. Но по распоряжению Святейшего Патриарха Алексия памятник с большим крестом и надгробной надписью был водружен на его могиле. Это произошло 13/VIII (по новому стилю) 1965 года, накануне празднования происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня.

Крест был освящен служителем кладбищенской церкви протоиереем Алексеем Громовым. В честь этого события им же написана статья в "Журнал Московской Патриархии", которую Журнал не поместил.

В. ЯКУБОВ

ИСТОРИЯ И ЦЕРКОВЬ

Приближается тысячелетие крещения Руси. Тысяча лет – дата, конечно, условная, как всякий юбилей; но и то правда, что русские православные христиане не пройдут мимо этой даты. Это – повод для того, что давно необходимо: оглянуться, оценить и понять путь Русской Церкви, торжество и трагедию этого пути.

За последние десятилетия наша Церковь пережила немало потрясений. Но так ли уж безмятежен был ее путь с самого начала? И должен ли вообще быть спокоен путь Церкви Христовой? Ведь Новый Израиль странствует в истории, как некогда народ Авраама – среди царств и пустынь. В последние трагические десятилетия мы, слава Богу, преодолели (но до конца ли?) соблазн нерушимого "православного" быта, "православного" царства. Мы поняли (все ли из нас?), что и царство, и быт, и "почва" могут не устоять, что они преходящи, а незыблема только Церковь, ибо "врата адовы не одолеют ее". Но что есть Церковь? Что есть Церковь в истории? Русская церковь в нашей истории особенно?

Особенно – потому что историческое бытие России не намного старше ее церковного бытия. В России не было развитой, утонченной дохристианской культуры. А это значит, что духовный облик русского народа неразрывно связан с православием, сложился под его влиянием. Национальный тип – вовсе не природное, изначальное, незыблемое понятие. Господь сотворил Адама, а не "народы". Смещение языков – результат строительства Вавилонской башни, т. е. человеческой гордыни, и принадлежит уже истории. Национальный облик – исторический, а не природный феномен, он образуется и меняется в истории.

Поэтому история России, русского народа неотделима от истории русской Церкви. Мы должны соотносить с историей Церкви как духовные вершины, так и соблазны, падения в историческом пути России. Нелепо было бы отрицать, особенно теперь, присутствие страшных процессов и сил в нашей истории, что и привело нас к национальной катастрофе, к смерти, откуда один выход – Воскресение. Почему же

так произошло? Не говоря уже о двоеверии, неизбежном при государственной христианизации, – т. е. о живучих остатках не только языческих верований, но и – что хуже – языческой мифотворческой психологии; не говоря о том, что во всяком пути соблазны неизбежны (а христианство – путь, не тихая пристань), не говоря об этом – был ли во всем чист источник, из которого черпала Россия? Речь, конечно, не о вере Христовой, речь о Византии X века.

В отличие от греков, сирийцев, римлян, вошедших в диалог с Церковью и после обращения воцерковивших свою древнюю культуру, русские оказались только учениками. Это было хорошо, так как воспитывало смирение перед святыней. Это было и плохо, потому что смирение могло смениться бунтом (что и бывало не раз в русской истории), и еще потому, что русские оказались с лишком хорошими учениками и приняли за подлинное православие многое из того, что в Византии X века было упадком или даже искажением православия. К этому отнесем, например, сужение исторического горизонта поздневизантийского сознания, стремление к келейности, замкнутости, что полностью противоречит кафоличности святоотеческого православия. Или отчуждение, а то и ненависть к "латинам", к Западу. И, пожалуй, самое главное – соблазн, двусмысленность союза Церкви и Империи, соблазн идеи Константина – Феодосия – Юстиниана. Не следует, правда, сразу осуждать эту идею – тут была возможность христианского исторического делания: потому-то еще вчера гонимая Церковь идет навстречу императору. Но был и соблазн: замена христианского делания – имперским строительством; Града Божия, несводимого ни к какому земному царству, – христианской империей; жизни в духе и истине – "священным бытом".

Этот соблазн и перешел в Россию, и здесь, надо признаться, принял более крайние, чем в Византии, формы. В Византии Церковь все же помнила, что ранее жила и без Империи, что несводима к Империи. А Русская Церковь от начала была связана с Царством – и это дало свои плоды. Церковь в России не только не чувствовала своего плена у государства, но старалась и увековечить этот плен, уповая на неподвижный "священный быт" как на некий идеал православия. А этот быт стал мешать уже и самому государству, его творческим силам. В результате государство все более оттесняло Церковь, научалось в важнейших делах обходиться без нее. Третий Рим не осуществился в Москве. Нарушилась византийская симфония Церкви и Империи, Церковь – добровольно, нет ли, – заняла определенный "угол" в государстве. А в результате петровских реформ и вовсе была ограждена "ведомством православного вероисповедания". Так оформился

трагический разрыв Церкви и истории, Церкви и культурного делания.

Кстати и на Западе также не критическое приятие варварскими народами римской идеи папства и церковной дисциплины привело впоследствии к обратной реакции, к бунту: протестантскому, потом — революционному. И там был тот же разрыв Церкви и культуры, только бунт был, так сказать, "сверху" — государственным. Гипертрофия "государственного" сознания не привела ли к теперешнему положению? Не здесь ли истоки русской трагедии: разрыв Церкви с культурой, творчеством; самозванство государства?

Не будем спешить с ответом. Нам пора учиться трезвости, смирению, осторожности. Слишком много бед принесло России мистическое опьянение, увлечение подозрительно красивыми схемами, мифами. Взгляд на нашу историю — и церковную историю — должен быть испытующим, трезвым. Мы должны учиться видеть в истории путь, со срывами и падениями, но и с Вифлеемской звездой, никогда не перестававшей светить над нами. В той же русской истории вместе и страшные падения, и высочайшая святость. Мы должны учиться видеть то, что было и есть, а не то, что подсказывают предрассудки, воспаленное воображение. Точнее, — мы, почти еще слепые, должны научиться осязать реальность.

Не взять ли пример с апостола Фомы? Мы как-то не любим о нем вспоминать — ведь блаженны те, кто не видя уверовал. И нам хочется туда, к этим блаженным, а не к Фоме. Но и Фома любил Господа (иначе бы Тот ему не явился), и он веровал Ему (иначе и явившемуся Господу не поверил бы). Фома разве что не слишком доверял самому себе: а вдруг он в ослеплении? И все вокруг тоже? Но явление Господа все поставило на свои места. Что же, такая духовность, наверно, и в самом деле не столь блаженна. Но и она оправдана. . . А мы все хотим сразу в тайновидцы, в Иоанны Богословы, забывая, что это нам не по силам, что в нашем сегодняшнем мире не всегда и увидишь подлинную реальность "из-под глыб" лжи и мифотворчества.

Может быть, только сейчас проясняется смысл традиционного для русской интеллигенции поиска "почвы", крепкого основания в исторической национальной жизни. Где только эту почву ни искали наши предшественники, да и многие из современников: в самодержавии, в народных началах, в "стихийном социализме" русской деревни, в ее же "стихийном православии", в западном просвещении, в русской всечеловечности. . . Не надо думать, что поиски были напрасны: многое было действительно узнано, добыто, выстрадано, каждый был по-своему

прав. Но прояснилось и иное: ничья правда не была всеобщей, окончательной, ни на одну из "почв" нельзя было положиться всецело, на все времена, чтобы она не оказалась песком. То, что казалось незбылемым, вдруг рушилось, история поворачивала вовсе не туда, куда предсказывали. Неизбежно, в конце концов, началось наше о б р а щ е н и е — к подлинной основе всего, к тому, в чем начало и конец, что действительно придает смысл и ценность как человеческой жизни, так и национальной истории, к тому, о чем сказано: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Матф. 6, 33). Не сказано — ищите только Царства Божия, но — прежде всего Царства. Потому что только тогда и наша земная жизнь обретает смысл, основу, становится подлинной реальностью. На нашей родине, где ирреальность, фантазмагория, миф заполнили душу и ум, стремясь во что бы то ни стало выдать себя за действительную реальность — поиски подлинной действительности стали, как нигде, вопросом жизни.

В свете этого особенно ясно, как необходимо обретение именно церковной почвы, настоящей церковности, а не того, что мы, по инерции нашей привычки к мифотворчеству, часто принимаем за церковность. Ведь путь в Царство Божие проходит в Церкви. Там — начало и основание всего, а вовсе не одно из начал нашей жизни. В известной уваровской формуле "Православие, самодержавие, народность" то и плохо, что православие там стоит в одном ряду с другими устоями государственности. Тогда как Церковь действует в мире именно как посланец не от мира сего, и только потому и может просвещать мир, что несводима ни к чему мирскому. Вот почему нам так важна наша подлинная церковная история, ее византийское основание и течение во времени. А ее раны — ведь тоже раны Христовы.

Только восстановив действительную историческую перспективу мы обретем кафолическое православное сознание и научимся различать знамения сегодняшних, отнюдь не мирных, времен.

(получено из России)

ПЛЕНЕННАЯ ЦЕРКОВЬ

1

В восьмидесятые годы XX столетия Церковь в России переживает крайние тяжелые времена. Для тех, кому известна история Русской Православной Церкви последних шести с лишним десятилетий, особенно для тех, кто эту историю пережил (в буквальном смысле этого слова), фраза о "тяжелых временах" может показаться неоправданно горькой. Да, безусловно, период жесточайших репрессий и массового геноцида мирян и священников вроде бы позади. Впрочем, тот, кто имеет память, не может не помнить о рецидиве гонений на верующих и Церковь в начале шестидесятых годов. Где гарантии, что подобное не повторится в будущем? Откуда нам знать, какие формы примет очередное массовое гонение? Учитывая, к тому же, что систематические репрессии отдельных священников и мирян не прекращаются, а с 1979 года стали проводиться еще более планомерно и настойчиво (разгром Комитета защиты прав верующих, преследование о. Дм. Дудко, арест о. Г. Якунина, А. Огородникова и др., травля монахов Почаевской лавры, продолжающаяся вакханалия беззаконий в Вятской (Кировской) области, недавняя охота за "религиозным самиздатом", совсем недавний арест З. Крахмальниковой, редактора православного журнала "Надежда" и т.д. и т.п.).

Казенная показуха церковного благополучия в Москве и Сергиев-Посаде для любого человека, если он поразмыслит и присмотрится, не выдержит никакой критики, хотя бы только потому, что пресловутое внешнее "благолепие" резко диссонирует даже с тем простым фактом, что древний центр российского Православия, прославленная христианская святыня земли Российской – Сергиев-Посад – "переименован" властями в честь одного из большевистских лидеров (при том, что подавляющее большинство старинных и новых подмосковных городов сохраняют свои былые названия). Эта показуха тем лживей и острее, что церковная жизнь в нашей провинции почти всюду совершенно задущена, что государственные власти в областных центрах даже не пытаются наряжаться в овечьи шкуры, а прямо действуют по-волчьи.

Состояние абсолютного пленения – иначе не назвать положение современной Русской Церкви. Пленение еще не гонение, но, наверное,

было бы правильное сказать, что пленение – еще не открытое гонение. Как бы там ни было, наша Церковь по-прежнему переживает крайне тяжелые времена. И советское государство, на протяжении всего своего существования неизменно обеспечивающее Церкви тяжесть этих времен, отлично осознает необходимость скрыть от мировой и российской общественности свою роль.

Именно с этой целью председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР В. А. Куроедов выпустил недавно книгу "Религия и Церковь в советском государстве" (М., Политиздат, 1981, тираж 100 тыс.), где сделал попытку нарисовать общую "позитивную" картину положения религии и Церкви в советской России, снабдив ее историческим экскурсом и некоторыми теоретическими выкладками касательно отношений между Церковью и государством.

Книга В. Куроедова неоднозначна. Времена меняются; это объективный факт. Поэтому в целом перед нами некоторое – правда, как всегда, скорее всего тактическое – отступление советской государственности, ее признание необходимости соблюдения ею самой законодательства о религиозных культурах и даже заверение, пусть хоть и на словах, что атеистическая пропаганда в стране ведется не государственными, а общественными организациями (как будто радио, телевидение, кино, библиотеки, школы, больницы в нашей стране не принадлежат государству, как будто у нас вообще существуют независимые от государства "общественные организации"!)). Но, чтобы сделать такие признания на последних семи страницах книги, В. Куроедов написал без малого триста страниц, на которых в очередной раз изложил все общепринятое в марксистско-ленинской теории и практике положения касательно религии.

Ничего нового в области теории книга В. Куроедова не содержит. Раз захватив политическую власть, коммунисты не нуждаются в дальнейших теоретических обоснованиях своего существования, ибо всегда доказывают его не теориями, а практикой. Взяв власть, им вполне достаточно просто повторять как заклинания свои доводы, поскольку в условиях полного идеологического контроля в стране никто не может разъяснить широким народным массам ошибочность, тенденциозность, а зачастую и подтасованность этих доводов.

Вот почему В. Куроедов, в целом написав "учтливую" относительно Церкви и религии книгу, всю свою аргументацию в ней строит на привычных ложных посылках. А когда ложен фундамент, то теряет смысл и вся искусно возведенная на нем конструкция.

Всем фактам прошлого и настоящего коммунистическое сознание дает свою ложную и иллюзорную интерпретацию, ошибочную и тенден-

циозную, и даже не в том смысле, что извлекает из них лишь одну, удобную для своих целей тенденцию, а вследствие того, что соответствующая тенденция всегда бывает изначально задана, и факт истории и современности лишь остается снабдить соответствующим текущей тактике ярлыком, нисколько не заботясь о подлинном значении этого факта. Даже наоборот, иногда стараясь это подлинное значение скрыть. Таким образом та или иная идеологически выгодная заведомая неправда сознательно возводится на уровень мифа, а затем преподается массам как "научная правда". Мы не можем именовать коммунистические мифы псевдомифами уже потому хотя бы, что сам коммунизм всегда утопичен и иллюзорен, это всегда есть изначально и принципиальное заблуждение, сущностное извращение. Именно поэтому он всегда приписывает себе самые "передовые" качества, прикрываясь учением Христа в век Мюнцера и Кампанеллы, разумом в век Кабе и Фурье, научностью в наше время. На деле же, христианство Кампанеллы — это лишь "христианство", разум Кабе — лишь "разум", а научность современного коммунизма — всего лишь "научность".

Точно так же и коммунистический миф всегда есть "миф". Это не просто лже-миф; это не миф вовсе, но миф в кавычках, "как бы миф", имитация, подделка, нечто, имеющее форму мифа. Вследствие чего весь арсенал доводов и утверждений марксистско-ленинской пропаганды, очевидно, правильнее было бы именовать не просто коммунистической мифологией, а скорее квазимифологией. Надо признать, что опровергать квазимифы коммунистической теории и пропаганды крайне трудно, так как их часто пытаются оспаривать на уровнях фактическом и мифологическом, забывая о квазимифологическом характере всех утверждений и провозглашений.

Подобными квазимифами о положении религии и Церкви в советской России и манипулирует в своей книге председатель Совета по делам религий. Эти, как и многие другие, квазимифы начали создаваться с первых же лет советской власти и послушно перенимались свободным миром, привыкшим доверять сообщениям прессы и официальных лиц. Население нашей родины не было склонно столь же некритически воспринимать эти квазимифы о религии и Церкви, поскольку еще не состояло в своем большинстве в те времена из полуобразованных людей и к тому же своими глазами наблюдало за всем происходящим в стране. Одним наблюдением, впрочем, дело не ограничивалось: путем направленной селекции, чудовищных массовых репрессий и насильственного соответствующего воспитания было достигнуто современное положение, при котором вся масса

российских обывателей (т. е. всех нас) в своем большинстве сознательно или неосознанно разделяет эти квазимифы. Исключение составляют лишь сознательно верующие да хранящие конкретное знание о конкретных фактах из религиозно-церковной сферы в нашей стране. Не следует обольщаться — просто "способные критически мыслить" не входят автоматически в эту категорию, ибо критическое мышление еще не предполагает верное направление этого мышления.

Что же это за "последние семь страниц", ради которых, по всей видимости, и написана книга председателя Совета по делам религий? Это короткая главка, именуемая довольно длинно: "Неукоснительно соблюдать Конституцию СССР и законодательство о религиозных культурах". Она целиком посвящена деятельности Совета по делам религий.

Выше говорилось о некотором "отступлении" советской государственности в этой главе. Оно заметно с первых же строк, гласящих, что упомянутый Совет образован в целях последовательного, "неукоснительного выполнения конституционных требований о свободе совести".¹ И несколько дальше: "Деятельность Совета по делам религий является одной из важных гарантий обеспечения свободы совести в СССР".

Христиане, запомните эти слова!

Зарубежная пропаганда часто характеризует Совет "как организацию враждебную по отношению к Церкви и верующим, как какую-то воинственную атеистическую организацию. Это — беспардонная клевета, — заявляет председатель Совета, видимо, со всей ответственностью за свои слова. — Совет очень осторожно, гуманно подходит к вопросам веры, *охраняет* права Церкви и верующих".² (курсив наш).

В. Куроедов утверждает, что ограничение или ущемление прав верующих противоречит советскому законодательству, есть его грубое нарушение. Противоречит или не противоречит — это еще требуется проверить, обратившись к основному закону (конституции) советского государства, что последует в свое время. Само по себе утверждение председателя Совета "демократично по духу", но как обстоит дело с буквой? Это может проверить любой советский гражданин, поставив маленький опыт, т. е. заявив у себя на работе или (если он абитуриент) перед приемной комиссией института, что он, такой-то и такой-то, является верующим православного (или любого другого) исповедания. Едва ли возможно всерьез посоветовать кому-либо пойти на такой эксперимент. Его исход однозначен: абитуриент так и не увидит студенческой скамьи, а на работе от

такого человека постараются избавиться либо немедленно, либо незаметно. Устроиться на "приличную" работу в советской России человеку, о котором заведомо известно, что он верующий, просто невозможно.

В советском государстве с самого его возникновения осуществляется беззастенчивая дискриминация и планомерная сегрегация верующих. Она осуществляется и до сих пор.

Религиозные люди, если им не удастся сохранить свои убеждения в тайне, не допускаются на большую часть должностей, за редким исключением не терпят в институтах и большинстве учреждений, они не могут подняться выше определенного социального слоя — мелких служащих, пролетариев, сторожей и т. д. Верующие в советском государстве *не имеют права* на собственные клубы и межприходские объединения, на организованное проведение домашних праздников, даже на кружки самодеятельности. Они *не имеют права* быть принятыми на ту работу и в те учебные заведения, которые соответствуют их желаниям и их возможностям, и в то же время *не имеют права* отказываться выполнять то, что требует от них государство, даже если эти требования и противоречат их совести (например, отказаться выйти на работу в день Пасхи, если на это воскресенье государство специально назначает рабочий день).

Бывает и так, что тому или иному верующему удается отстоять свое право учиться и работать. Но во-первых: отстоять до времени. Во-вторых, подобные факты настолько редки и единичны, что скорее являются красивой сказкой, этаким мечтой о граде Китеже. Недаром даже В. Куроедов приводит лишь один такой случай. И как приводит! Без имен, без дат, без подробностей.

"В Запорожской области из института механизации сельского хозяйства неправомерно пытались исключить учащегося В. якобы за академическую неуспеваемость, фактически же — за отказ отойти от своих религиозных убеждений. Студент В. был восстановлен на учебе в институте".³

Из страха "выдать" лишнюю информацию председатель Совета даже название института приводит с маленькой буквы, как бы превращая его в нечто нарицательное. Но ведь раз студент В. "был восстановлен", значит перед этим он все же был исключен. Следовательно, не "пытались исключить", но исключили. Следовательно — даже если бы и только пытались — в советской стране за веру из институтов *исключают*. А если и исправляют эти незаконные и дискриминационные деяния, то почему бы не назвать фамилию, адрес, дату?

"Отказ гражданам в приеме на работу или учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение граждан установленных законом льгот и преимуществ, а равно иные ограничения их прав в зависимости от отношения к религии являются уголовно наказуемыми деяниями", — официально вспомнил В. Куроедов.⁴

Если так, если исключение "студента В." из института противозаконно и уголовно наказуемо, какую меру наказания понесли инициаторы этого беззакония? Здесь председатель Совета хранит молчание.

А что он может ответить, если за всю историю существования советского государства подобные положения никогда не соблюдались официальными органами ни в теории, ни на практике.

Верующие люди поставлены в советском государстве в условия апартеида.

2

Церковь — человечество Христово — есть община верных, объединенных вокруг таинств и Слова Божия. Не только вокруг таинств, т. е. богослужения и прочих священнодействий, иначе говоря не только вокруг храмового культа, к чему насильственно пытается свести ее советская государственность в своих законах и постановлениях, но и вокруг слова. Это значит, что прямой и непосредственной религиозной потребностью каждого нормального и сознательного христианина является слушание, обдумывание и изучение Слова Божия, обсуждение его со своими единоверцами и передача другим людям. В раннехристианскую эпоху это понимал каждый христианин, более того, именно постижение Слова, изучение Слова и свидетельство о Слове и являлось тогда основой жизни и деятельности христиан. Таинства имели вспомогательный характер не в том смысле, что они второстепенны (они равноценны!), но в том, что они помогали человеку свидетельствовать о Боге, — приобщаясь в таинствах ниспосылаемой благодати, делаясь причастником Святого Духа, христианин выходит на дело Господне в мире.

Дух-Утешитель посылается нам с конкретной целью — для *свидетельства* об Иисусе Христе. "Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. А также и вы будете свидетельствовать" (Ин 15. 26–27). Даже добротворение для христиан — не цель

жизни, но лишь средство. Средство чтобы спастись? – спросят многие. Совсем нет. Это средство для осуществления основной цели каждого христианина и всей Церкви – преобразовать жизнь вместе с Иисусом Христом, со-трудиться Богу в деле преображения мира, постоянно свидетельствовать всей своей жизнью, своими добрыми делами о Боге. “Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного” (Мф 5. 16).

Итак, Церковь – не только культовое учреждение, соединенное священноначалием и таинствами, это есть Община, Общество, Общность, Общение, и не просто “прихожан”, но *свидетелей о Боге*. Отсюда следует, что религиозными потребностями верующих является: 1) участие в богослужении; 2) взаимное общение вне храма; совместное изучение Св. Писания; 3) свидетельство словом и делом об Иисусе Христе (проповедь и служение ближним).

Если верующие лишены по тем или иным причинам хотя бы одного из этих пунктов, их религиозная жизнь неадекватна и неподлинна; отсутствие одного из пунктов в таких случаях обычно компенсируется гипертрофией одного (или двух) оставшихся, что также не добавляет ни глубины, ни подлинности.

Насколько сознательно препятствует советское государство верующим в нашей стране быть причастными всем трем аспектам религиозной жизни, насколько сознательно разрушает оно религиозную жизнь личности?

Прежде чем ответить на эти вопросы, обратимся к одному из основополагающих квазимифов, на котором зиждятся все принципы советской пропаганды относительно религии и Церкви в нашей стране – к утверждению, что “гонений на религию в СССР никогда не было и нет”.⁵ Для вящей убедительности это высказывание приводится В. Куроедовым как цитата из интервью с заместителем патриаршего местоблюстителя Сергием во время пресс-конференции от 15 февраля 1930 года. Далее следует такой текст:

“Вопрос. Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?”

Ответ. Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но проводится это закрытие не по инициативе властей, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих...

Вопрос. Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т.д.?”

Ответ. Репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния”.⁶

Советская интерпретация собственной истории никогда не меняется. Любая перемена, видимо, грозит советской квазимифологии (а то и всему строю) крушением. Один раз попробовали: со Сталиным. Эффект был таков, что стало казаться: это начало конца. С тех пор, вероятно, взято за правило: никаких перемен, никаких признаний собственных ошибок. Даже Хрущев никогда не был впрямую осужден. Он просто... выпал из истории. Осудить систему сталинских лагерей советская власть не может – эта система, по сути дела, сохраняется и в наши дни. Не может советская власть признать и тем более осудить и факт гонений на Церковь. Во-первых, потому что эти гонения также продолжаются и в наши дни, но в более завуалированной форме. Во-вторых, таковое признание будет иметь далеко идущие разрушительные последствия.

До сих пор коммунистическая пропаганда утверждает, что малое количество храмов, небольшой процент сознательно верующих людей (не просто обрядоверов), слабое влияние Церкви на общество и т. д. вызваны общей потерей религией своих позиций, что связано с победой социализма, науки и прогресса. Но как только советская власть признает факт гонений на Церковь хотя бы в советской истории, станет ясно, какими средствами социализм, наука и прогресс добились этой “победы”, что эта “победа” стоит и чего стоят пресловутые “социализм, наука и прогресс”.

И получается глупая нелепость: на беспартийных специалистов гонения были (“спецы” и “вредители”), на самодеятельное население городов были (“нэпманы”), на крестьян были, на армию были (Тухачевский, Блюхер, Уборевич и т. д.), на бывших меньшевиков и эсеров были (Либера, Суханов-Гиммер, Гоц, Спиридонова и др.), на оппозиционеров были (троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы), даже на верных коммунистов (Киров, Постышев, Коссиор и др.), даже на чекистов были! А на христиан не было...

Как это так?

На все было – а на Церковь не было?

Перед нами очередной расчет на всеобщее беспамятство. В таком случае, вернемся к интервью с митрополитом Сергием и зададим себе вопрос: почему глава патриаршей Православной Церкви Сергей всего митрополит и носит такой странный титул – “заместитель

патриаршего местоблюстителя”? Ведь предыдущий патриарх Тихон умер в 1925 году. Следующий, сам Сергей, будет избран патриархом в 1943 году. А в 1930 году он как глава Русской Православной Церкви именуется... даже не патриаршим местоблюстителем. В Куроедов смело приводит его титул: с его стороны нет ни малейшей неосторожности, т. к. пропаганда, видимо, всегда была рассчитана на полных профанов. Но достаточно просто как следует задуматься, чтобы догадаться, что за всем этим стоит. Когда в Церкви почти двадцать лет нет патриарха, это значит, что ей не дают возможности его избрать. Когда Церковь возглавляется заместителем патриаршего местоблюстителя, это значит, что сам патриарший местоблюститель находится под арестом, в ссылке или на каторге.

Что и происходило в действительности. Напомним лишь, что сам митрополит Сергей (Страгородский), отрицающий в приводимой В. Куроедовым цитате гонение на Церковь в СССР, вышел на свободу только в мае 1927 года; что к 1930 году двое других заместителей, митрополиты Иосиф (Петровых) и Михаил (Ермаков), равно как и все патриаршие местоблюстители — митрополиты Петр (Полянский) и Кирилл (Смирнов) находились в лагерях и пересылках, где и кончили жизнь, как и умерший в ссылке в 1928 году местоблюститель Агафангел (Преображенский). “Официальный курс руководителей русского православия” с конца двадцатых годов изменился, так как “отражал реальную оценку событий”, — пишет В. Куроедов на с. 85. Надеюсь, теперь становится несколько яснее, что именно скрывается за этими загадочными строками...

Кстати, обратим внимание на “лепет” митрополита Сергия о том, что “действительно, некоторые церкви закрываются”, но по желанию населения, а в некоторых случаях... даже по постановлению самих верующих! К счастью, мы об этом уже читали. У Николая Васильевича Гоголя: “Унтер-офицерша нагала вам, будто я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла”.

Неудивительно, что митрополит Сергей дает подобный “странный” ответ, ибо ответ этот уже сейчас звучит как разоблачение, как утверждение, что *гонения есть*. Удивительно лишь то, что В. Куроедов всерьез надеется на то, что приводимые им цитаты покажутся убедительными. Ведь когда вся страна живет под дулом НКВД, нет никаких оснований полагать, что глава обезглавленной Церкви делает свои заявления не под дулом. И дело даже не в закрытии храмов.

Если гонений на Церковь не было, чем объяснить планомерное варварское разрушение до основания сотен и тысяч храмов, часовен, монастырских комплексов, разрушение, подлинными масштабы кото-

рого ни Россия, ни мир еще не в состоянии оценить? Бесценные памятники отечественной культуры, древние народные святыни взрывались, бесследно уничтожались, осквернялись... с какой, извините, целью? Если гонения на Церковь все-таки были, то упомянутые разрушения становятся понятным, хотя и трагическим фактом истории, который, хочется надеяться, никогда не повторится. Но если гонений “не было”, эти разрушения становятся совершенно лишними всякого смысла и обретают страшное самоудовлетворяющее значение: они свидетельствуют о том, что коммунизму, вероятно, внутренне присуща бронтозаврова ненависть ко всякой культуре, что коммунизм разрушает культуру и народность, потому что, очевидно, не может иначе, что коммунизм антикультурен, а следовательно антинароден и антигуманен.

Подобных вопросов можно было бы задать бесчисленное множество. И мы надеемся, что народы России, ученые и обыватели, старики и молодежь, верующие и неверующие, еще зададут их. И о гонениях не только на Церковь. Мы же пока что зададим еще один, последний на эту тему.

Когда разразилась Вторая мировая война и сталинщине пришлось обращаться за помощью к полузадушенной России, русскому духу, русским святыням — и прежде всего к Церкви — в Москве быстро созывается собор 1943 года для избрания Сергия патриархом. В этом соборе примут участие 19 архиереев. Товарищ Куроедов, где остальные сто с лишним епископов? Вот беда! мы помним, что более чем две трети из них были поставлены в епископы уже после революции. Неужели все умерли от спокойной старости? И об этом есть у Гоголя: “Да, признаюсь, я сам так думал, — подхватил Манилов, — именно, очень многие умирали! ... Точно, очень многие.

— А как, например, числом? — спросил Чичиков...

— Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умирало, их никто не считал... большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло”.

Именно так получается не только с довоенным епископатом Русской Православной Церкви — со всеми российскими верующими советского периода.

А правда состоит в том, что как только большевики захватили в России власть, они немедленно приступили к жесточайшим гонениям на христиан, так что в тридцатые-сороковые годы Церковь вообще была вынуждена уйти в катакомбы по примеру первых христиан. Правда состоит в том, что хотя среди духовенства и были убежденные противники советской власти — как и среди всех без исключения других классов и слоев российского общества, в том числе крестьян

и рабочих — советская власть использовала и использует этот факт для преследования Церкви Христовой в целом. Правда состоит в том, что советская пропаганда и В. Куроедов как ее представитель не могут признать факт гонений на религию и Церковь в прошлом потому, что *эти гонения продолжаются и в настоящем*, хотя и в далеко не столь жестокой и кровавой форме, но более скрыто и тонко.

3

Для доказательства этого последнего утверждения достаточно обратиться к рассмотрению конституционных начал отношений между Церковью и государством в советской России.

Статья 52 Конституции сообщает нам, что: "Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви".

"Ныне действующая Конституция СССР, созданная на основе преемственности, — комментирует эту статью В. Куроедов, — в полной мере не только сохраняет принцип свободы совести, но и развивает и углубляет его".⁷

Правда ли это?

Абсолютная ложь.

Человеку не обязательно "критически" мыслить, достаточно просто *мыслить*, чтобы разглядеть, что статья советской конституции, касающаяся вероисповедания, узаконивает в этой сфере принцип несвободы. "Отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду"! Одна эта фраза полностью перечеркивает весь якобы демократический характер советской конституции. Разве отправление религиозных культов в случае, если гражданин — верующий, равноценно ведению атеистической пропаганды в случае, если гражданин неверующий?

Совершенно очевидно, что в *демократической* конституции в статье о религии должно было быть сказано: "гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы, или не отправлять никаких, вести религиозную или атеистическую пропаганду".

В том же виде, в каком существуют конституционные формулировки о религии в советской России, они не являются ни демократи-

ческими, ни справедливыми, ни основанными на принципе свободы совести. Не вдаваясь в рассмотрение остальной части советской конституции, признаем лишь то, что имеет непосредственное отношение к Церкви и верующим.

Советская конституция в вопросе о религии и Церкви имеет ярко выраженный антидемократический характер.

При этом государственные чиновники и пропаганда в нашей стране делают вид, что все в порядке, что это и есть свобода совести. Отсутствие всякой гласности, отсутствие свободной прессы, отсутствие свободного общественного мнения — все им в помощь; так что они имеют возможность как угодно обращаться с фактами, давать любые, даже самые нелепые и противоречащие конкретному тексту 52 статьи толкования положения Церкви в стране.

Но король-то — голый!

Бесправие верующих в советском государстве в сравнении с атеистами, даже если последние нарушают советские законы об отделении Церкви от государства, доказывается просто — обращением к Уголовному кодексу РСФСР. Статья 142 УК гласит:

"Нарушение законов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви — наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до пятидесяти рублей.

Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет".⁸

В пояснении к этой статье перечисляются пять пунктов возможных нарушений законодательства об отделении Церкви от государства со стороны просто верующих или служителей культа, всего один со стороны атеистической государственности и *ни одного* — со стороны просто атеистов.⁹ Как это может быть в демократическом обществе?

На этот вопрос можно дать два ответа: 1) может, но не в демократическом; 2) в демократическом — не может.

Теперь обратим внимание на следующую статью, 143-ю:

"Воспрепятствование совершению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан, — наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев или общественным порицанием".¹⁰

Представляем ли мы себе, что это означает? Это значит, что если верующие организуют по своему почину праздничный крестный

ход в городе или селе не в пасхальные дни или не в церковной ограде, или соберутся на молитвенное собрание не в храме (а ведь все это никакие не преступления!), то они могут получить до трех лет лишения свободы. А если излишне ретивые представители атеистических властей и организаций, "комсомольские активисты", или, допустим, просто пьяные хулиганы учинят скандал во время богослужения или даже насильственно приостановят литургию и совершение Евхаристии (что по церковным канонам не имеет права сделать ни священник, ни епископ), то такие нарушители могут ограничиться лишь "общественным порицанием", а в худшем случае — шестью месяцами исправительных работ без лишения свободы.

Далее. Из статьи 52 Конституции, коль скоро она позволяет атеистическую пропаганду, но молчит о религиозной, следует, что вести религиозную пропаганду в советской России запрещено. Необходимо пояснить, что в Уголовном кодексе РСФСР ничего не говорится о запрещении религиозной пропаганды. *Советская конституция же разрешает вести атеистическую пропаганду, запрещая при этом вести религиозную.*

Факт узаконенной по конституции дискриминации верующих и Церкви в советском государстве налицо.

Правда, существует еще одно объяснение причудливых формулировок 52 статьи новой конституции: советское государство конституционно приравнивает атеистическую пропаганду к отправлению религиозных культов, иными словами, признает, что для атеистов пропаганда их взглядов равноценна пропаганде верующими своих взглядов, но участием верующих в богослужении. Еще иными словами это означает, что советская конституция признает за атеизмом священный характер государственной "религии". На подобном фоне исчезают все недоумения по поводу столь активного и планомерного внедрения властями в быт (особенно в провинции) так называемой "новой социалистической обрядности", пошлой, безвкусной и нелепой, являющейся безусловно и прежде всего *атеистической обрядностью.*

"Внедрение новой обрядности и праздничности — это борьба против старого, отжившего, — поясняют пропагандисты атеизма и "новой обрядности". — Называя главный объект борьбы (религию — Н. А.), мы точно ориентируем трудящихся, вскрываем несовместимость религии в ее различных проявлениях с жизнью советского общества. (...) Замена обрядов и праздников с Богом обрядами и праздниками без Бога не вызовет протеста основной массы людей, находящихся под влиянием религиозных организаций, была бы

новая праздничность и обрядность не менее яркой, волнующей, чем старая.

Борьба против них (религиозных обрядов — Н. А.) неизбежна, так как вырабатываемая и внедряемая новая гражданская праздничность и обрядность характеризуются ярко выраженной безрелигиозностью. Этим подчеркивается ее противоположность в старой, религиозной праздничности и обрядности, коренящейся в системе религиозных представлений, охраняемых и поддерживаемых деятельностью религиозных организаций, имеющих еще немало сторонников среди населения.

Нашу страну справедливо называют атеистической. "Страна безбожного коммунизма", "страна безверия" — вот популярные характеристики, на которые не скупятся религиозные журналы и газеты за рубежом. **Что ж, это соответствует действительности!**¹¹

Что ж, признание весьма откровенное, тем более откровенное, что сделано оно "для внутреннего пользования", не рассчитано на огласку. И в "стране безверия" понятными становятся и дискриминация и апартеид верующих и Церкви.

Литература по "новой обрядности" и "новым традициям" весьма обширна особенно в последнее десятилетие, равно как и статьи на эту тему в атеистической периодике.* Цель всей подобной работы недвусмысленна — осуществить подмену религиозной обрядности обрядностью атеистической, религиозного культа — культом безрелигиозным, точнее безбожным. Иначе говоря, советская конституция, претендующая на демократизм и свободу совести, *на деле закрепляет за атеизмом положение официального государственного исповедания.*

* Например: Д. М. Угринович. Обряды. За и против. М., 1975; Ю. Н. Ельченко. Новому человеку — новые обряды. М., 1976; Новые праздники и обряды — в жизнь. Выпуски I и II. М., 1978; Е. Н. Рогозина. Новые гражданские обряды. Л., 1973; В. А. Руднев. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л., 1979; Праздники, обряды, традиции. М., 1979; В. Е. Острожинский. Обрядность в нашей жизни. М., 1980; Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, издание Академии Наук, в приложении к которому даны рекомендации к обрядам "Бракосочетание", "Рождение", "Похороны" и "Посвящение в работники сельского хозяйства", образцы культовой одежды, нагрудных знаков исполнителей обрядов, ритуальных текстов этого нового язычества; указания на то, что новобрачным можно дарить лишь нечетное число цветов, что новорожденным на шею должны надеваться именные звездочки на ленточках, что расцветка гробов должна зависеть от возраста покойных и прочая суеверная пошлость.

Приравнивая атеистическую пропаганду к отправлению культа, конституция дает нам право переносить этот знак равенства не только на "новую обрядность", но, видимо, и на все прочие формы и методы проведения этой пропаганды:

на "атеистические лекции, циклы лекций, вечера вопросов и ответов, устные журналы, кинолектории, клубы атеистов, народные университеты научного атеизма, клубы читателей журнала "Наука и религия", индивидуальные беседы с верующими и т. д. Все эти формы составляют необходимый элемент системы атеистического воспитания".¹²

Таким образом, статья 52 советской конституции, в которой, по словам В. Куроедова, "наиболее полно выражены все основные элементы марксистско-ленинского понимания свободы совести",¹³ которую там же председатель Совета по делам религий именуется справедливой и даже научной (последнее оправдание!), на деле:

1) В вопросе религии и Церкви носит ярко выраженный антидемократический характер (так как)

2) Узаконивает дискриминацию и сегрегацию верующих и Церкви, разрешая вести атеистическую пропаганду, но запрещая религиозную.

3) Возводит атеизм (безбожие) в ранг государственного исповедания (так как)

4) Приравнивает атеистическую пропаганду к отправлению религиозного культа.

Лишь последнее положение статьи 52, гласящее, что "Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви" действительно является демократическим. Однако эта единственная демократическая и справедливая "фраза" статьи остается пустым звуком, ибо именно она полностью и целиком не соответствует действительности.

В вопросе об отделении Церкви от государства и школы от Церкви советские органы систематически и самым грубым образом нарушают свою собственную конституцию.

Это осуществляется прежде всего путем постоянного, планомерного и прямого вмешательства в церковные дела со стороны государственной власти. Советский обыватель об этом ничего или почти ничего не знает в силу отсутствия в стране элементарной гласности; Впрочем, советский обыватель вообще мало что знает, поскольку поставлен в соответствующие условия: отчасти это не его вина. Об этом может также не знать и иная церковная старушка, украшающая свою жизнь свечками и формальным обрядоверием. Но об этом прекрасно осведомлены две категории населения советской России:

работники государственных органов, осуществляющих это постоянное давление и вмешательство в дела Церкви, и сами верующие (миряне и духовенство).

Легко разбирать законодательство о культах, заведомо зная, что разбор односторонний, что во всей многомиллионной империи ни одно издание "не пикнет" в ответ, не сделает попыток не то что опровергнуть, но даже подвергнуть сдержанной критике книгу председателя Совета по делам религий. Разбор В. Куроедова, его аргументация, его общий тон терпимости — на деле имитация разбора, имитация аргументации и имитация терпимости. Так же как и конституция, которую не соблюдают, и демократия, которой нет, превращаются в имитацию конституции и имитацию демократии.

"Государственные органы не вмешиваются во внутренние (богослужбные, канонические) дела Церкви", — пишет В. Куроедов.¹⁴ Это утверждение уже не квазимиф и не имитация. Это утверждение — сознательная и заведомая ложь.

Известно, что поместные (национальные) церкви управляются собором своих епископов. Этот же собор избирает и первосвященителя данной поместной церкви. В. Куроедов в своей книге показывает, как замечательно функционируют соборы Русской Православной Церкви (РПЦ), сколь умирительно солидарны между собою князья церкви... Так, собор 1943 года "единодушно избрал митрополита Сергия патриархом", патриарх Алексей "был единогласно избран патриархом в январе 1945 г.", а в 1971 году очередной собор "единодушно избрал патриархом Московским и всея Руси митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена".¹⁵ Всякий поток дезинформации, не встречающий никаких реальных преград, как мы видим здесь, утрачивает чувство меры и начинает работать против себя же. Ведь именно это пресловутое "единодушие и единогласие" со всей очевидностью свидетельствует о несвободе РПЦ в советской России. В каком демократическом государстве возможно единогласное избрание? Единогласное избрание — патология в принципе. При хотя бы частичной свободе — и то неизбежны, оправданны, понятны и необходимы несогласные, критики, оппозиционеры и т. д. Их отсутствие на соборах РПЦ говорит лишь о том, что и церковные соборы в советской России, подобно партийным съездам, политическим судебным процессам или "Форумам мира" являются пустой бутафорией, слащавой инсценировкой, дирижер которой невидим, но всеми (всеми ли?) легко угадывается.

Если западное общественное мнение, правительственные чиновники или свободная пресса, просто не привыкшие к систематической

лжи, двуличности и лицемерию, и могут попасться в ловушку, то любой мыслящий гражданин советской России — если задумается — поймет, что *все вопросы управления Русской Православной Церковью, выбора патриарха, поставления епископов и священников, назначения церковных старост находятся в прямой зависимости от негласного диктата советского государства.*

В условиях, где незаконно все, откуда взяться законности в церковной сфере? Недаром ведь рассказывал о. Всеволод Шпиллер, настоятель церкви Св. Николая Чудотворца в Кузнецках, в своем письме митрополиту Никодиму (Ротову) о том, что после войны создался у нас особый тип епископов "советской формации", искренне не понимающих смысл таких слов, как законность или церковное право.

Церковь и церковная иерархия поставлена в советском государстве в условия такой абсолютной несвободы, таких непрерывных потенциальных гонений, что в случае ужесточения последних вынуждается властями принимать постановления даже в явный ущерб себе самой, как это было на Архиерейском соборе 1961 года, утвердившем синодальное положение об изъятии административно-хозяйственного управления церковными приходами у... настоятелей храмов — положение нелепое, алогичное и абсолютно антиканоническое.

Это классический феномен: голову, так и быть, отрубает палач уж сам, а вы ее только положите по-хорошему на подставочку и закатайте воротник.

Семнадцать лет прошло с тех пор, как было написано письмо двух мужественных священников о. Н. Эшлимана и о. Г. Якунина* о глубочайшем кризисе в Русской Церкви, в значительной степени вызванном и искусственно поддерживаемом тотальным разрушительным воздействием на нее советской государственности. Но и сегодня можно лишь повторить прискорбные выводы обоих священников: "Ныне в Русской Церкви создалось такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от активного административного вмешательства со стороны Совета по делам РПЦ, его уполномоченных и местных органов власти, вмешательства, направленного на разрушение Церкви! (. . .) Никакие ухищрения Иностранного отдела Московской Патриархии, никакие интервью и "авторитетные" заявления, никакое участие русских архиереев

* Здесь идет речь лишь о самом факте появления этого письма: связанные с его написанием события церковной общественной жизни гораздо сложнее и глубже, более многоплановы и значительны (деятельность владыки Гермогена (Голубева) и поддержавших его архиереев, мирян и священников).

в международных движениях не в силах доказать того, чего нет — свободного бытия Церкви".¹⁶

Но дело не только в неослабевающем негласном диктате советских органов над Церковью, в их закулисной "дирижировании" церковной жизнью, столь ярко явленном в недавно преданном огласке закрытом отчете членам ЦК КПСС В. Фурова, заместителя В. Куроедова.¹⁷ Дело не только в том, что *советские государственные органы постоянно и систематически вмешиваются во внутренние (богослужбные, канонические и прочие) дела Церкви.*

Основополагающий государственный акт по вопросам религии и Церкви в советской России — декрет СНК (Совнаркома) "Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви" от 23 января 1918 года. Параграф 12 этого документа утверждает, что церковные и религиозные общества не имеют прав юридического лица.¹⁸ Это положение незаконно распространено на все приходские общины верующих и действует по сей день.

Перед нами блистательный пример того, как советское государство путем демагогической манипуляции понятиями грубо нарушает элементарные принципы нормального человеческого общежития.

Веками человеческой истории община — будь то сельская или городская, религиозная или национальная — отстаивала свои права. Перед феодалами, перед верховной властью, перед остальным обществом (католики в Англии, протестанты во Франции, православные в Польше и Турции, униаты в России, мормоны в США, евреи во многих странах и т. д.). Все человечество в целом убеждено, что движется поступательно от дикости к цивилизованности, от угнетения к свободе, от бесправия и беззакония — к правозащите и законности. И хотя чрезвычайно глубокое и гораздо более сложное и тонкое учение Христа о смысле и перспективах человеческой истории предлагает наименее наивное и наиболее трезвое решение этой проблемы, массовое обмирщенное сознание давно уже предпочитает руководствоваться здесь односторонними и бледными выжимками из христианского учения, которые сделали Руссо и Маркс. Именно последователи этих фанатичных вульгаризаторов христианства (даже не Христа) убеждены в неумолимом прогрессе человечества. И именно в их практических осуществлениях этого "прогресса" мы видим полное и почти паническое разрушение основных институтов свободы и законности, выработанных человечеством за две тысячи лет его христоцентричной истории.

Непризнание за церковно-приходской общиной прав юридического лица равносильно признанию в реальности бесправия и угнетения

верующих людей в советском государстве. Опять же укажем, что некоторые другие страны соцлагеря так далеко зайти не успели или не посмели (точнее: посмели не зайти так далеко). В этих странах, равно как и в свободном мире, такая община имеет права юридического лица.¹⁹

Однако, это еще не манипуляция, манипуляция будет впереди. И состоит она в том, что церковно-приходские общины и "церковные и религиозные общества" — не одно и то же. Упомянутые общества могут быть библейскими, религиозно-философскими, благотворительными, женскими, молодежными. Это может быть и объединение существующих в епархии и во всей стране приходов, и различные братства и сестричества... Все то, что было в мрачной царской России и чего нет "в нашей юной прекрасной стране", которая "предоставляет верующим все возможности для удовлетворения их религиозных потребностей",²⁰ как полагает В. Куроедов. Такие общества, точно так же, как Красный Крест или Общество охраны памятников, как Общество филателистов или спортивные общества, вполне могут не иметь прав юридического лица.

Но церковно-приходская община — не аналогия ДОСААФ. Община — это основная ячейка человеческого общества, следующая сразу же после семьи. Общественный организм начинается с общинного самоуправления и через сложную систему ступеней социальной иерархии вырастает — в идеале — в законченное и гармоническое целое. На западноевропейские языки слово "община" переводится: коммуна. И только в коммунистическом государстве общество принципиально не делится на коммуны, а представляет собою аморфную неоформленную массу. Лишь с церковно-приходскими коммунами коммунистическое государство еще не справилось. И, по всей видимости, боясь их, советская власть лишает их прав юридического лица. Но лишает, как и осуществляет подмену понятия "община" понятием "общество", — в одностороннем порядке, не имея на это никаких прав, кроме "права" насилия.

Либо в советских государственных актах ничего не говорится о бесправни церковно-приходских общин, а церковные и религиозные общества (библейские, молодежные и любые другие) дозволяются, без признания за ними прав юридического лица, — в каком случае советское государство нарушает ленинский декрет "Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви" и строит все на произвольной и заведомо ложной трактовке § 12. Либо § 12 должен отражать действительное положение Церкви в советском государстве — абсолютную несвободу и дискриминацию — и тогда формулироваться

иначе: "все церковные и религиозные общества (библейские, литературные, трудовые, детские, юношеские, женские и т. д.) запрещены. Церковно-приходские общины не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют".

Государственные органы не вмешиваются в дела Церкви? Да вмешиваться почти некуда: настолько советское государство задавило и подмяло под себя Церковь.

Никакого отделения Церкви от государства в советской России не существует. Наоборот, Церковь поставлена в нашей стране под доселе невиданный государственный контроль.

4

Значительную часть главы о свободе совести в советской России В. Куроедов посвящает развернутым и красочным аргументам в пользу того, как замечательно соблюдается у нас законодательство о религиозных культах. "Чудом невиданным", "новым храмом Соломона" называли в свое время "Успенский кафедральный собор в городе Владимире, — умиляется председатель Совета по делам религий. — Как и 800 лет назад, в настоящее время в этом храме проводятся богослужения, совершаются церковные обряды".²¹

Эта удивительная аргументация напоминает некий забавный случай, рассказывающийся как быль. Один французский журналист спросил первого секретаря ленинградского горкома партии, есть ли в России антисемитизм. Тот ответил, что, разумеется, нет. И привел конкретный пример: когда ленинградская иудейская община обратилась к нему по поводу изготовления мацы, он, секретарь горкома, лично дал на это разрешение. На что журналист заметил, что, насколько ему известно, для изготовления мацы нужно иметь только муку и воду; он никогда не слышал, что к этим компонентам необходимо добавлять еще разрешение первого секретаря горкома.

В кафедральном соборе города Владимира совершаются богослужения? Ну и что? "Кафедральный собор (или церковь), — читаем в четырехтомном Словаре русского языка, — собор или церковь, в которых совершает богослужение местный епископ".²² Итак, словосочетание "кафедральный собор" изначально предполагает, что это место, в котором проводятся богослужения и совершаются церковные обряды. Было бы желательно, чтобы товарищ В. Куроедов ответил, почему все это *не проводится и не совершается* в кафедральных соборах Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда), Киева, Минска, Нижнего

Новгорода (Горького), Ярославля, Одессы, Новгорода Великого, Костромы, Севастополя, Вологды, Ростова-на-Дону, Твери (Калинина), Самары (Куйбышева), Чернигова и почти всех остальных областных центров нашей страны? Почему эти соборы отобраны у Церкви, закрыты или снесены, так что епископские кафедры вынужденно перенесены в другие храмы?

Председатель Совета по делам религий подтверждает свои уверения о свободе Церкви и совести в советском государстве тем, что "в ведении религиозных объединений" находится Троице-Сергиева лавра. Не свидетельствует ли само наличие подобной нелепой аргументации, сама формулировка ее об абсолютной несвободе Церкви в советском государстве? Право же, в ведении каких объединений может еще состоять лавра, кроме как религиозных? Ведь это — нормальное явление.*

А ненормальное явление состоит в том, что в СССР подавляющее большинство бесценных монастырских комплексов, оставшихся неразрушенными, используется как психиатрические лечебницы, стационары для больных сифилисом и иными заболеваниями, требующими изоляции, как колонии для малолетних преступников или приюты для неполноценных и умственно отсталых, а в сталинские времена еще использовались и как концлагеря.

Церковь не против того, чтобы ее монастыри использовались как больницы и приюты. Но она полагает, что, если бы в этих (и других) больницах и приютах действовал по прямому назначению хотя бы один храм, содержащимся там больным и заключенным было бы немножко легче существовать.

Если принимать всерьез доводы В. Куроедова, Церковь должна быть благодарна советскому государству за то, что оно "передает ей" некоторые церкви и монастыри.²³ Уточним: вначале отбирает у Церкви *все* культовые здания, затем "передает бесплатно" из них ничтожный процент обратно и при этом уверяет, что сия операция является — думаете, ловким жульничеством? грабежом? — нет. . . "важнейшей материальной гарантией осуществления свободы совести в стране".

И вновь в который раз мы наблюдаем очередную имитацию свободы и законности. Ведь на деле *подавляющее большинство*

* Следует напомнить, что у "религиозных объединений" отобраны и Киево-Печерская и Александро-Невская лавры, а у Троице-Сергиевой лавры, также одно время превращенной в общежитие, отобраны и разрушены: Спасо-Вифанский монастырь, Гэфсиманский скит и киновия Боголубской Божией Матери.

древних православных святых России изъято из ведения Церкви, и разговор может идти не о благодарности Церкви государству, не о "свободах", которых нет, а о решительных требованиях церковной общественности вернуть Церкви насильственно отобранные у нее в двадцатых, тридцатых и шестидесятих годах монастыри и храмы.

Всего в России на 1908 г. было 1 029 монастырей, монастырских подворий и общин.²⁵ *Сейчас их всего шестнадцать, из которых в пределах Российской Федерации всего два, Троице-Сергиева лавра и Псковско-Печерский монастырь. Остальные в других союзных республиках.*

Итак, повторяем: в собственно Великороссии, в "РСФСР" с ее многомиллионным православным по вере или происхождению и культуре населением в настоящее время открыты всего два монастыря. Ни одного женского. Эта цифра говорит сама за себя. И гораздо красноречивее, чем все двести шестьдесят страниц книги В. Куроедова.*

Или, быть может, вспоминая об отвратительной ночи сталинщины, когда "не было гонений на Церковь", а также во всей России *не было ни одного монастыря*, мы должны быть благодарны советскому государству за то ничтожное количество обителей, которое имеем сейчас?

Какую бы сторону современного бытия Русской Православной Церкви ни рассматривал В. Куроедов в своей книге, он неизменно окутывает ее ложью, умолчаниями и квазимифами. Так например, совершенно ложно его утверждение о предоставлении "религиозным объединениям (их центрам) возможности регулярно издавать необходимую для удовлетворения религиозных потребностей литературу".²⁶ На деле же, даже то немногое, что издается, практически недоступно: подавляющее большинство граждан советской России полностью лишены всякой возможности доставать религиозную литературу обычным официальным путем. И не будем наивны: совершенно

* Необходимо отметить, что ровно столько же православных монастырей в . . . Литве. Да, да, в католической Литве в настоящее время ровно столько же православных монастырей, сколько и в многомиллионной Российской Федерации. Кого окормляют эти вильнюсские монастыри? *А никого.* Зато разом убиваются три зайца: статистика соблюдена (монастыри есть), их духовное воздействие на население равно нулю (так как окружение католическое); две православные обители в католическом крае — потенциальный повод для напряженных отношений между католической и православной общинами. Это называется: "Разделяй и властвуй".

очевидно, что в условиях свободы Церковь обладала бы сетью собственных книжных магазинов, складов и киосков, или хотя бы одним магазином; а также — хотя бы одной собственной типографией. Ничего подобного не существует.

Боле того: в советском государстве Церковь лишена всех возможностей издавать какую бы то ни было религиозную литературу, будь то творения Учителей и Отцов Церкви, памятники отечественной церковной литературы, сочинения русских и зарубежных православных мыслителей и богословов, труды богословов братских инославных исповеданий, пособия по изучению Св. Писания, популярные катехизисы или работы выдающихся русских религиозных философов XVIII—XX веков.* Все это не издается вообще.

Когда читаешь сочинение председателя Совета по делам религий, не устаешь поражаться: всюду заведомая ложь! И в том, что касается периодических изданий Русской Православной Церкви, и в том, что касается ее духовных школ... Естественно, что в таком потоке дезинформации повышается вероятность либо чрезмерного "завирания", либо досадных "проговорок". Первая неприятность произошла с В. Куроедовым в вопросе о духовных школах, которых он упрямо насчитывает в России шесть, причем повторяет эту цифру в своем интервью "Литературной газете" в июле 1982 года. Тогда как духовных школ у Русской Православной Церкви *пять, а не шесть*. Или В. Куроедов полагает за отдельную духовную школу аспирантуру при Московской духовной академии?

"Проговаривается" В. Куроедов также по ряду вопросов, в частности, по поводу религиозного воспитания детей в советской России. "Враждебная западная пропаганда, — возмущается он, — вопиет о том, что в СССР дети якобы насильственно отрываются от религии, что *родители, пытающиеся воспитывать своих детей "в вере", преследуются, подвергаются репрессиям, что дети, молодежь, проявляющие интерес к религии, не только всячески третируются, но и наказываются*. Как же обстоит дело в действительности?"²⁷

Мы специально выделили курсивом ту часть слов В. Куроедова (или западной пропаганды), которые вполне отвечают на вопрос, как же обстоит дело в действительности. Но послушаем официальный ответ самого председателя Совета по делам религий.

"Воспитание и образование детей и молодежи в СССР осуществляется государственными органами, общественными организациями

* Библия, Евангелие и богослужебная литература, также издаваемые в ничтожном количестве, не являются "религиозной литературой", но составляют просто предмет первой необходимости.

и, конечно, семьей. Народное просвещение в Советском Союзе нацелено на подготовку высокообразованных, всесторонне развитых, активных строителей коммунизма, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма".²⁸

Далее особо подчеркивается, что основы законодательства в СССР предусматривают "светский характер образования, исключая влияние религии".²⁹

Обратим внимание на последовательность: семья стоит на последнем месте и вводится словом "конечно", как если бы в ее участии все же были какие-то сомнения. Признавая, что в советской России воспитание детей: а) принадлежит в первую очередь государству и "общественности"; б) исключает какое-либо влияние религии, что закреплено законодательством; в) проводится в духе коммунизма и марксизма-ленинизма — т. е. направленного, принципиального и воинствующего атеизма, В. Куроедов, таким образом, дает утвердительный ответ на первую часть вопроса: *да, действительно, дети в СССР насильственно отрываются от религии*. Как дети религиозных родителей, так и те, кто хотел бы познакомиться с религией, но не может в силу вышеперечисленных пунктов.

"В то же время советское законодательство о культурах не запрещает родителям с соблюдением установленных правил обучать своих детей религии в семье".³⁰

Вот так: не думайте, что раз у вас семья и вы верующие, то можете учить детей вере по своему усмотрению. Такое бывает лишь там, где не существует таких понятий, как дискриминация и сегрегация верующих, где государство не лезет беззастенчиво и самочинно в частную жизнь граждан. В советской России, воспитывая своих детей, семья обязана соблюдать "правила обучения вере". Что это за правила? В. Куроедов скромно молчит о них: его книга рассчитана на то, чтобы "произвести хорошее впечатление". Нам помогут другие авторы, советские юристы:

"Под нарушением таких правил следует понимать проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии в любой форме, кроме обучения родителями своих детей".³¹

Автор доклада Комитету прав человека о советском религиозном законодательстве член-корреспондент АН СССР И. Р. Шафаревич полагает, таким образом, что под статью о нарушении закона об отделении школы от Церкви "подпадает и карается исправительными работами на срок до одного года обучение религии своих сестер или братьев или бабушкой внука".³² Далее:

"Организация и проведение религиозными объединениями и служителями культа в каких-либо формах занятий по обучению детей

религии в группах, кружках, воскресных школах, хорах, оркестрах, а также регулярное прислуживание детей служителям культа при богослужениях и совершении тех или иных обрядов являются нарушениями установленных законодательством правил, и виновные в этом подлежат ответственности в предусмотренном законом порядке. (...) Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 года было разъяснено, что уголовно наказуемыми являются деяния, выражающиеся в организации и систематическом проведении занятий по обучению несовершеннолетних религии".³³

Автор вышеприведенных строк упоминает также Декрет СНК от 23 января 1918 г. "Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви". О детях здесь вообще ничего не говорится. Зато пункт 9 гласит:

"Школа отделяется от Церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом".³⁴

Толкование советским юристом права обучения религии частным образом как запрета на привлечение родителями к обучению детей других лиц само по себе свидетельствует либо — увы! — о глубоком умственном расстройстве писавшего (попробуйте обучить своих детей частным образом музыке либо иностранному языку без привлечения преподавателей, дающих частные уроки), либо о тотальной несвободе, в которой живут в советском государстве и верующие дети, и верующие родители, и советские юристы. Ибо лишь тотальная и внешняя и внутренняя несвобода может подсказать "юристу" столь беззаконное толкование элементарной формулировки.

А тотальная несвобода логически предполагает третиование, преследования и репрессии детей, молодежи и родителей, что и происходит в нашей стране.

Но упомянутый юрист еще и солгал: он ни слова не упомянул об оговоренном декретом (за подписями Ленина, Шляпникова, Петровского, Менжинского, Подвойского и др. видных большевиков) праве граждан советского государства *обучать* религии частным образом. Так советские органы и советские интерпретаторы грубейшим образом нарушают собственное основное законодательство.

Хотя из самого факта существования незаконных и дискриминационных предписаний еще не следует необходимости и целесообразности их выполнения, допустим все же, что христианская семья покорно

выполняет все "правила". Что сообщат нам наши оппоненты в этом случае? А вот что:

"Родители и лица, их заменяющие, обязаны воспитывать детей в духе высокой коммунистической нравственности".³⁵

"Как уже было сказано выше, закон не запрещает родителям самим обучать своих детей религии. Но о каком воспитании может идти речь тогда, когда некоторые верующие родители внушают им мысль о божественном происхождении всего сущего (если это запрещено, что же называется религиозным воспитанием? — Н. А.), в противовес подлинно научным знаниям, полученным детьми в школе. (...) Всякие попытки силой навязать детям и подросткам, юношам и девушкам религиозное мировоззрение должны решительно пресекаться не только уполномоченными на то органами государства, но и встретить всеобщее осуждение общественности".³⁶

"Мы не можем допустить, чтобы слепые невежественные люди растили детей по собственному образу и подобию, калечили их".³⁷

"И тут мы должны дать вполне ясное и точное разъяснение по поводу попыток Феодосии Кузминичны доказывать свое "право" на религиозное воспитание "собственных детей".

Такого права у нее нет.

Советских детей воспитывает все социалистическое общество, в том числе школа и семья; и воспитывает оно их в духе коммунизма. А что касается свободы совести, на которую так любит ссылаться Феодосия Кузминична, то этой свободой в нашей стране пользуются взрослые люди".³⁸ (Курсив наш).

Стоит ли говорить о чем-либо еще? Выводы очевидны.

В советском государстве религиозное воспитание детей категорически воспрещено во всех государственных и общественных заведениях и предельно усложнено в семье, что оговорено в целом ряде гласных и полугласных незаконных предписаний, попирающих самые основы человеческих свобод.

С одной стороны, это означает, что наши дети насильственно отрываются от религии их отцов, дедов и прадедов, вообще — от религии. С другой — что родители, пытающиеся реально воспитывать своих детей в вере, равно как дети и молодежь, проявляющие интерес к религии, подвергаются наказаниям, третиованию и репрессиям. Председатель Совета по делам религий прямо подтверждает все цитированные им "измышления" западной пропаганды, провозглашая "недопустимость какого бы то ни было вмешательства Церкви в дело воспитания молодежи и запрещение принудительного, насильственного (т.е. бесконтрольного — Н. А.) приобщения детей к религии".³⁹

Не только воскресные школы, составляющие естественную и неотъемлемую принадлежность и право Церкви, не только любые детские кружки или группы запрещены в советской России. В постановлении ВЦИК и СНК от 1929 г. говорится (пункт 17):

“Религиозным объединениям воспрещается:

а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

б) оказывать материальную поддержку своим членам;

в) организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь”.⁴⁰

Иными словами, *верующие в советском государстве поставлены в условия дичайшей и жесточайшей, невероятной для XX века дискриминации: им категорически запрещена любая общинная жизнь.*

Еще раз напомним, что Церковь есть прежде всего Община, Общество, Общение, а потом уже культурный институт. Следовательно, воспрещая общинную жизнь, государство грубо вмешивается во внутренние дела Церкви, препятствует, по его собственному выражению, “удовлетворению религиозных потребностей” людей и опять же нарушает свой собственный декрет, провозгласивший право граждан обучаться и обучать религии частным образом.

В начале статьи мы писали, что В. Куроедов утверждает в своей книге: ограничение или ущемление прав верующих противоречит советскому законодательству. Теперь мы вынуждены констатировать: *увы!* не противоречит, а наоборот. *Советское законодательство закрепляет принципы ограничения и ущемления прав верующих, их дискриминацию и сегрегацию.* Запрет на библейские, религиозно-философские и прочие кружки равносителен признанию марксистско-ленинской идеологии в своей полной несостоятельности, в своем крахе. Ведь ничем, кроме *страха за свои позиции*, этот запрет не объяснить. Нелепость этого “запрета” еще и в том, что подобные “кружки” все равно существовали в России все эти десятилетия несвободы и обскурантизма, существуют в достаточно большом количестве сейчас и будут только множиться (если, разумеется, их участников советское государство не ликвидирует физически, как оно это делало в сталинские пятилетки).

Как бы ни решался этот вопрос в будущем, запрещение в советском государстве любых молитвенных собраний или библейских и прочих кружков есть конкретное и неоспоримое свидетельство дискриминации и несвободы верующих в СССР.

5

Один из самых удивительных фактов причудливой действительности советского государства, в котором мы живем — законодательный запрет на благотворительность, т. е. на систематическое совершение добрых поступков.

Выше мы уже читали, что “религиозным объединениям воспрещается оказывать материальную поддержку своим членам”. Достаточно вдуматься в эту фразу, чтобы явственно осознать всю ложь куроедовских квазимифов о том, что советское государство не вмешивается де во внутренние дела Церкви, что в советском государстве де существует “свобода Церкви”, а “верующих не преследуют”. Если *верующим людям в советской России законодательно запрещено помогать друг другу*, следует ли удивляться, что Церкви, т.е. тем же верующим людям, не разрешается организованно помогать обществу, в котором она существует?

Почему же в советском государстве запрещена благотворительная деятельность Церкви? Оказывается... в советском социалистическом обществе “вообще не может быть речи о какой-либо благотворительности со стороны церковных организаций”, потому что “всю заботу о социальном обеспечении граждан, организации отдыха трудящихся, культурно-воспитательной работе среди населения государство, профсоюзы и другие общественные организации берут на себя”.⁴¹

Но позвольте, позвольте... Разве плохо, когда забота “дублируется”, удваивается? Разве нравственное и физическое состояние советского общества ухудшилось бы, если бы параллельно с государственными существовали церковные ясли, детские сады, бюро добрых услуг, библиотеки, больницы, приюты для престарелых и инвалидов? До революции в России насчитывалось свыше тысячи монастырей: если бы половина из них сейчас открылась только для того, чтобы при каждом стали действовать одна больница, один дом для престарелых и один детский сад — пострадало бы от этого общество? Или выиграло бы?

В чем же секрет этой явной глупости? А вот в чем: “благотворительная деятельность Церкви — одно из существенных средств усиления религиозного влияния на население”.⁴²

В советской России искусственно ограничено число больниц, приютов, яслей и т. д. только потому, что если их разрешить иметь церковным организациям, в их руках они будут "средством усиления религиозного влияния на население", т. е. . . . лучше чем государственные! На этот раз страх явить всем свою несостоятельность привел власти к преступлению перед обществом — к заведомому и обдуманному лишению своих граждан больниц, приютов для престарелых, детских садов. . .

Председатель Совета по делам религий, рассчитывающий на то, что его книга будет комментироваться не только внутри советского государства, но и за его пределами, разумеется, не может позволить себе подобной откровенности. Но иных аргументов просто нет. И "выворачиваться" ему приходится довольно-таки неуклюже. Дело, оказывается, в том, что

"буржуазия, поощряя Церковь иметь большую сеть больниц, приютов, домов инвалидов и престарелых и других так называемых богоугодных заведений, укрепляет этим самым свое влияние на население. Всякого рода благотворительная деятельность Церкви помогает буржуазии оказывать давление на убеждения людей, попирая тем самым принцип свободы совести".⁴³

Но если дело только в этом — хотя, право же, удержаться от улыбки довольно трудно! — поставьте, товарищ Куроедов, на место буржуазии пролетариат и, сохраняя в стране атеистическую пропаганду прежней интенсивности (дабы ни в коем случае не попирались принцип свободы совести), поощряйте Церковь иметь любую сеть "богоугодных заведений" и укрепляйте этим самым свое, пролетарское влияние на население.

"Благотворительная деятельность религиозных организаций в нашей стране, — продолжает председатель Совета, — не может проводиться потому, что она не имеет никакого отношения к религиозным потребностям людей".⁴⁴

Откуда В. Куроедов это взял? Вообще, неужели ситуация в стране, когда решают, что имеет и что не имеет отношения к "удовлетворению религиозных потребностей" людей, официальные антирелигиозники, именуется свободой совести и отсутствием гонений?

Творить добро — не религиозная потребность? Как же тогда относиться нам, верующим, к таким высказываниям и заветам св. апостолов:

"Не подражай злу, но добру. Кто делает добро, тот от Бога" (3 Ин 1. 1).

"Желаю, чтобы вы были мудры на добро" (Рим 16. 19).

"Молим Бога, чтобы вы делали добро" (2 Кор 13. 7).

"Чтобы вы всегда и во всем. . . были богаты на всякое доброе дело" (2 Кор 9. 8).

"Каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал" (Еф 6. 8).

"Всегда ищите добра и друг другу и всем" (1 Фес 5. 15).

"Пекитесь о добром пред всеми человеками" (Рим 12. 17).

"Напоминай им быть готовыми на всякое доброе дело" (Тит 3. 1).

"Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять" (Еф 2. 10).

"ТАК ДА СВЕТИТ СВЕТ ВАШ ПЕРЕД ЛЮДЬМИ, ЧТОБЫ ОНИ ВИДЕЛИ ВАШИ ДОБРЫЕ ДЕЛА И ПРОСЛАВЛЯЛИ ОТЦА ВАШЕГО НЕБЕСНОГО" (Мф 5. 16).

Последние слова принадлежат нашему Господу Иисусу Христу. Когда он посылает Своих учеников (а следовательно и нас, наследников Апостольской Церкви), Он велит им "проповедовать Царствие Божие и исцелять больных" (Лк 9. 2). Более того, "богоугодные заведения" — больницы, приюты, дома для престарелых и инвалидов, общества для ухода за больными — все это возникло на земле благодаря Христу и Церкви Его, все это непосредственно создано среди людей Церковью. Достаточно познакомиться с жизнью и деятельностью св. Василия Великого, св. Иосифа Волоцкого, св. Иоанна Боско или св. Викентия де Поля, чтобы убедиться в конкретном историческом факте: само понятие о социальном обеспечении граждан возникло и вышло в мир из недр Церкви.

"Да и практической надобности в этом (благотворительности — Н. А.) никакой нет, — продолжает свои "веские доводы" В. Куроедов. — В условиях социалистического общества, когда достигнут высокий уровень материального благосостояния населения, ликвидированы нищета, голод, безработица, (. . .) когда происходит дальнейшее повышение благосостояния советских людей, улучшение условий их труда и быта, прогресс здравоохранения, образования и культуры. Благотворительность Церкви — явная бессмысленность".⁴⁵

Такой аргумент способен вызвать лишь горький смех каждого, кто хоть раз побывал в обычной нашей больнице или тем более инвалидном доме и доме для престарелых. Нигде не проявляется столь открыто и страшно звериный оскал советского "нового человека", как в этих "небогоугодных" заведениях. Хотя, хорошо, разумеется, что хоть такие есть. Что до бессмыслицы, то таковой, скорее, является вся аргументация председателя Совета по делам религий: творение добрых дел *никогда*, просто по логике вещей, не может быть лишеным смысла.

Мы настаиваем на том, что именно в подходе к творению добрых дел, именно в "запрете на благотворительность" проявляется подлинная сущность советского законодательства о культурах, а коль скоро она является составной частью более общего корпуса, то и советского законодательства вообще вплоть до основного закона. Именно в этом — нить, распутывая которую, мы доберемся до сердцевины "тайны советской души". Все доводы и оправдания В. Куроедова и прочих лиц не просто лживы и беспомощны. Они страшны.

В статье 39 советской конституции сказано, что "использование прав не должно наносить ущерба интересам общества и государства". Право на благотворительность для Церкви в нашей стране вообще отсутствует. Что это за государство такое, что это за общество, которым творение добра наносит ущерб?

Нам было сказано, что в советской России благотворительность Церкви запрещена законом в целях воспрепятствования религиозному влиянию на население. Из чего следует, что религия и Церковь в советском государстве находятся в таких тяжелых условиях, что ради обеспечения их тотальной несвободы советское государство готово пойти на нанесение прямого материального ущерба своим собственным подданным — и религиозным и нерелигиозным без разбора...

6

Вслед за многими атеистическими брошюрами, книга В. Куроедова старается убедить читателя в том, что Церковь в нашей стране в целом становится все слабее, ряды верующих тают, "в сознании масс все более утверждается научно-атеистическое мировоззрение". Именно поэтому "число храмов, молитвенных домов несколько уменьшается".⁴⁶ "Никакого религиозного ренессанса нет, — соглашается в своей статье, опубликованной в "Литературной газете", И. Григулевич, бывший советский резидент в Латинской Америке, провалившийся там на религиозных делах и ныне ставший экспертом по "научному атеизму". — Речь идет о трудностях с набором в духовные семинарии и школы, о пустующих храмах, о повсеместно уменьшающемся числе активно верующих".⁴⁷

В таком случае, пойдемте простейшим путем и зададим В. Куроедову элементарный и естественный вопрос: а сколько, собственно, верующих в советской России?

"Что касается числа верующих, то на этот вопрос ответить нельзя, — сразу замыкается председатель Совета по делам религий при

Совете министров СССР. — Ведь у нас не ведется официальной статистики, касающейся религиозности".⁴⁸

Как же так? Самая передовая партия, самая научная идеология, лучшая в мире социология и статистика, единственно верное религиоведение, самый научный атеизм. . . не ведут официальной статистики, касающейся религиозности!

Вот это да!

Член-корреспондент АН И. Р. Шафаревич в своем докладе "Законодательство о религии в СССР" пишет, что ему "не удалось найти ни одного источника — ни государственного, ни церковного, — в котором сообщались бы такие основные сведения, как число открытых сейчас православных церквей или численность православного духовенства. В "Настольной книге атеиста" можно узнать, что в городе Лубумбаши государства Конго (Киншаса) проживает 2 тысячи православных или что в государстве Сьерра-Леоне имеется около трех тысяч членов мусульманской секты ахмедийя, но числа православных или мусульман в Советском Союзе в этой книге нет".⁴⁹

Пытаясь все же определить численность православных в советской России, И. Шафаревич исходил из данных, приведенных в той же "Настольной книге атеиста",⁵⁰ где дается общая численность православных во всем мире (143,4 млн чел.), а также подробные сведения о числе православных по странам (исключая только СССР). Сложив все данные (60 млн. 751 тыс. чел.) и добавив к ним на всякий случай еще десять миллионов, автор затем вычитает полученную цифру из общей численности, что дает 70 миллионов православных в советской России.⁵¹

Мы не знаем, прав ли И. Шафаревич, или нет. Известно лишь, что в следующем издании "Настольной книги атеиста", вышедшей после опубликования на Западе доклада Шафаревича, общее число православных приводится совершенно иное (85 млн. вместе с нехалкидонскими церквями), а численность православных по странам. . . вообще иногда опущена!⁵²*

Куда же за столь короткий срок делись остальные 58 миллионов? И почему советские атеисты столь тщательно скрывают все эти цифры, что идут на подтасовку фактов и заведомый обман, бьющий в глаза всякому, кто захотел бы лишь присмотреться к проблеме?

* Например, по Венгрии в раннем издании "Настольной книги" сообщается, что в стране 300 тыс. православных; в позднем издании просто говорится, что "небольшая часть венгров и верующие сербы придерживаются православия" (с. 74). Не узнать теперь и численности православного населения города Лубумбаши; даже Сьерра-Леоне, и та пострадала в форме исчезновения данных о количестве членов секты ахмедийя. Обе цифры заменены на слово "несколько".

Ответ, видимо, ясен. Пусть в нашей стране не 70, а 58 миллионов православных. Пусть 30 или 20. Все равно их либо больше (быть может, и вдвое), либо столько же, сколько и коммунистов. А ведь есть еще верующие других исповеданий.

И получается, что *огромная масса населения в "свободной советской стране" – все верующие, и православные в частности и прежде всего (как самая крупная религиозная община), подвергаются дискриминации, сегрегации и притеснению со стороны меньшинства, держащего власть в своих руках.*

Не ведется официальная статистика религиозности населения не только с целью сокрытия от общественного мнения подлинного числа верующих. Отсутствие пункта об отношении к религии при переписи есть один из весьма действенных методов атеистического воздействия на массы: пытаясь ответить на подобный вопрос, человек неизбежно встает перед выбором и, видно, далеко не всегда решит дело в пользу безбожия; помимо всего прочего, даже всякое напоминание о Боге, вере и Церкви – острый нож в сердце атеизма.

"По вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь!" – восклицал Белинский в своем письме к Гоголю. И был прав, ибо можем ли мы знать, какой народ на земле самый религиозный? "Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глупо-атеистический народ", – продолжает он далее, и тут мы восклицаем в свою очередь: "Ложь!" Ложь, Виссарион Григорьевич! Такое же смелое и изначально ничем не доказуемое утверждение, как и оспоренное предыдущее, гоголевское. Типично российская крайность суждений, типичный восточно-славянский перехлест маятника: "если не пан, так пропал". А ведь на этом совершенно ошибочном высказывании Белинского десятками лет строит свою систему взглядов "научно-атеистическая" пропаганда в советской России.

Но: нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.

Нечего твердить как заклинание, что русский народ есть прирожденный безбожник, а в стране прогрессирует "упадок религиозности", и при этом шесть с лишним десятилетий систематически травить, гнать, уничтожать, рвать государственными когтями Церковь, панически бояться ее до того, что запрещать даже кружки верующих старушек по рукоделию (Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года), не говоря уже об обучении бабушками детей религии, о церковной благотворительности или свободной религиозной прессе и школе.

Дикий страх перед Иисусом Христом, перед Церковью и верующими – вот что ясно проступает за всеми декретами, запретами, пропагандой, писаниями и действиями "научно"-атеистической власти.

И хотя гражданину советской России и вправду достаточно трудно прийти ко Христу, он все же приходит. Ибо человек, алчущий и жаждущий правды, осознавший свою духовную несостоятельность и понявший, что корень бед в нем самом, в его самости, не обязательно приходит к Богу под влиянием Флоренского, Паскаля и Владимира Соловьева. Он может прийти и через Пушкина. И через Ломоносова. И через Гоголя или Достоевского, Лескова или обоих Толстых. И через Нильса Бора. И через Диккенса... Ибо подвести нас и поставить лицом к лицу с Иисусом может любой подлинный гений человеческого духа, разума, веры, культуры. Любви. Как замечательно написал современный французский мыслитель Ж. М. Доменак, – "Все реже вера будет передаваться внутри семьи или в организациях, учреждениях. Все чаще она будет встречей лицом к лицу, и эта встреча состоится в той новой культурной среде, которая на наших глазах возникает вокруг нас".⁵³

В одном нельзя не согласиться с И. Григулевичем: действительно, в настоящее время в советской России никакого религиозного ренессанса нет.* И если такие выражения, как "религиозный бум", "религиозный ренессанс" применительно к современной России "все чаще и чаще встречаются на страницах буржуазной печати",⁵⁴ то нельзя не отметить их несвоевременность.

Да, действительно, целый ряд представителей христианских кругов Запада и некоторые из наших новообращенных православных братьев у нас на родине начали было говорить о религиозном возрождении России, с одной стороны, как правило, указывая на таких церковных деятелей, как о. Дмитрий Дудко, о. Глеб Якунин, о. Сергей Желудков, о. Варсонофий Хайбулин, Анатолий Краснов-Левитин, Лев Регельсон, Александр Огородников, Виктор Капитанчук и др., т.е. на православных, открыто выступивших в период "разрядки" в защиту Церкви и верующих советской России; с другой стороны – имея в виду активный приток в Церковь свежих сил из различных социальных слоев, в первую очередь и в значительной степени – из "интеллигенции", т.е. совслужащих.

* Что касается остальной части его высказывания, то "трудности с набором в духовные семинарии и школы", разумеется, существуют, только вызваны они не "упадком религиозности", а государственным контролем над духовными школами и проистекающим отсюда жестким отсевом неудобных и неугодных кандидатов в священники; пустующие храмы, действительно, встречаются – в селах, которые также пустеют. А в больших городах... Пойдите и посмотрите.

При таком подходе неудивительно, что после "раскаяния" трех церковных диссидентов в "своих преступлениях",⁵⁵ многие христиане в России и за рубежом были растеряны и даже разочарованы в "русском религиозном ренессансе". Враги Церкви, используя аналогичный подход, напротив, "торжествовали победу", "довершив" ее кажущейся снисходительностью к "преступникам", реально никакими преступниками не являвшимся. Торжество безбожного кесаря, равно как и недоумение и растерянность некоторых наших братьев во Христе суть как раз самые неуместные чувства из всех, которые могут возникать при внимательном взгляде на современное положение религии и верующих в нашей стране.

Ведь мы знаем, что жизнь Церкви не ограничивается тем или иным церковным движением, той или иной церковной партией. Некорректна даже сама постановка вопроса таким образом. Еще раз подчеркиваем: репрессированы лишь некоторые лидеры церковного диссидентства. Сломлено еще меньшее число из них. Но ни те, кто уступил (а мы можем лишь молиться о них, но ни в коей мере их не осуждать), ни те, кто выстоял, никогда не представляли всего "русского религиозного возрождения".

Во-первых, потому что церковное диссидентство — одно из многих, и, добавим, не самых основных направлений современной русской церковной общественности (напомним, что термином "диссидентство" мы именуем позицию открытого обличения, открытой борьбы с властью в конституционных рамках). Во-вторых, потому что "русского религиозного возрождения" не существует в природе.

Россия — страна, для которой всегда и во всем существует тенденция к крайностям. В который раз вспомним замечательно верные слова тонкого писателя XVII века Юрия Крижанича о том, что русские люди "не умеют ни в чем меры держать, не могут средним путем ходить, но все по окраинам и пропастям блуждают". Эта черта характерна вообще для всех россиян (а вовсе не для одних только великороссов, не будем впадать в "этно-антропологизм") и сохраняется она до сих пор. Вчерашние совслужащие, приходя в Церковь, начинают бороться с масонами, почему-то считая, что православие заключается в ведении битв с ветряными мельницами. Или становятся католиками, почему-то полагая, что экуменизм состоит в механической смене конфессии. Или бросаются в политику. Или говорят громкие фразы о "религиозном возрождении".

На деле, совершенно не к чему бросаться такими значительными фразами. Подъем еще не есть возрождение. Налицо достаточно интен-

сивный рост численности верующих в стране; власти, озабоченные этим ростом, тем не менее даже не подозревают, каков подлинный размах массового возвращения в Церковь, так как из-за дискриминации и сегрегации верующих христиане новых поколений не имеют возможности "официально" составить актив в существующих приходах. Что и позволяет В. Куроедову высказывать подобные соображения:

"Интерес к религии у молодежи, несомненно, падает. Об этом, в частности, говорит тот факт, что продолжается процесс старения верующих. В Русской Православной Церкви среди учредителей религиозных объединений лица пенсионного возраста составляют 80–90 процентов".⁵⁶

На самом деле этот факт говорит лишь о том, что в советской России *любой* выборный орган как раз выборным-то и не является.

Налицо не только рост численности верующих, налицо еще более серьезный и радующий процесс — постепенное формирование христианских кругов, и, как результат, — самодеятельность этих кругов в различных социо-культурных сферах, а вовсе не только в столь узкой, односторонней и спорной области, как открытое обличение власти, в принципе никаких обличений себя не признающей даже от себя самой. Но все эти явления еще не составляют религиозного возрождения. Применительно к современной ситуации в российской Церкви правильнее было бы говорить о "предвозрождении". Иначе говоря, Церковь, потрясенная всероссийской смутой XX века, обновленческим расколом, гонениями и геноцидом мирян и священноцерковнослужителей, полуподконтрольная и полуподкупленная в лице части нынешнего епископата... восстанавливает утраченный за предыдущие десятилетия статус кво. Время, когда все молодые силы шли в семинарии, а храмы наполняли лишь пожилые люди, лишь *выжившие*, закончилось. Приток молодых (от двадцати до сорока) чувствуется теперь повсюду; в Церковь идут люди с высшим образованием, т.е. совслужащие, которые до сих пор всегда были опорой режима.

Возвращаясь к интересующему нас вопросу, можно сказать, что то, что происходит сейчас в русской Церкви, безусловно *подготавливает* религиозное возрождение в России. Конечно, перед нами пока что лишь блистающие перспективы. Дело не в том, что мы, мол, не можем еще удовлетворенно утереть пот с лица: "дело, мол, сделано, можно быть спокойными". Мы надеемся и верим, что никогда не сможем "быть спокойными". Речь о другом: сказать, что сейчас, наконец-то, в советской России "бесперебойно функционирует" православная общественность, все-таки еще нельзя. Ибо таковая

состоит из отдельных христиан, а христианство каждого конкретного индивида доказывается всей его жизнью. Многие из нас, грубо говоря, еще не прожили достаточно с момента нашего крещения. И время покажет.

Но "воспроизведение религиозности" в нашей стране уже давно и далеко вышло за рамки "верующих семей". И едва ли отныне может быть поставлено под контроль и даже "наблюдение" сил, заинтересованных в полном уничтожении Церкви на территории советской России. Взятие под арест или даже отречение кого бы то ни было из православных, идущих открытым и внешним путем, не должно смущать, ибо идущих путями внутренними, невидимыми, сокровенными — отныне сотни и тысячи. Власти могут пока что тормозить рост религиозности в нашей стране и посылить препятствовать формированию православной общественности. Но остановить этот рост и это формирование, подавить, уничтожить — они не могут.

7

Один из самых излюбленных квазимифов советской пропаганды, а следовательно и В. Куроедова, — утверждение, что в современной советской России нет преследований за религиозные убеждения.

"Нашим законодательством никогда не предусматривалось наказания за религиозные убеждения... За веру у нас никого не судят, — говорит председатель Совета в своем интервью "Литгазете".⁵⁷ "В советском законодательстве нет и никогда не было ни одной нормы, предусматривающей наказание за религиозные убеждения, как, впрочем, и за другие убеждения", — пишет он же в своей книге.⁵⁸

"Нет наказания за убеждения"? Допустим. Но ведь всякие убеждения неизбежно предполагают определенные последствия. Убеждениями делятся (вот вам и "пропаганда и агитация"), сообразно с ними живут (вот и "преступная деятельность"). Да, конечно, за "обладание" убеждениями у нас не судят. Судят за все остальное, с обладанием этим связанное. Или иначе: не судят за "обладание", пока "обладатель" помалкивает.

Христианин — всегда свидетель о Боге. Возьмем на себя смелость утверждать, что христианин, не свидетельствующий о Боге, — не христианин. Однако, в советском государстве конституционно дозволяется только атеистическая пропаганда. Вот уже и состав преступления. И преследовать, судить, репрессировать будут не "за веру", а за жизнь по вере.

"Нет статьи за религию, следовательно нет и преследований за нее". Логично... Логично ли? Ведь одно из другого вовсе не вытекает. Право же, не менее логичным будет и такое построение: в советской России нет статьи за религию, поэтому верующих преследуют по другим статьям.

О. Дмитрию Дудко, например, хотели инкриминировать чуть ли не гомосексуализм, о. Глебу Якунину — спекуляцию иконами (на том основании, что у него, священника, дома много икон). При желании можно подбросить верующим наркотики, валюту или порнографию. И судить за это, а не "за веру". Ведь это так естественно, христиане — это те, у кого нет ничего святого, кто наиболее "гнусен" (Тацит), "зловреден" (Цельс), "бесстыден" (Лукиан и др.). Вот где и когда происходит "смычка" между старым и новым язычеством!

Справедливость требует признать, что на суде жертве практически всегда предъявляется статья 190¹ ("Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй") или 70 ("Анτισоветская агитация и пропаганда"). В этом секрет и смысл заявления В. Куроедова, что "за веру у нас никого не судят. К ответственности привлекаются лишь люди, нарушающие советские законы или подстрекающие к этому других".⁵⁹ Иначе говоря, если вы во всеулышание заявляете, что в советской России осуществляется планомерная и постоянная дискриминация и сегрегация верующих (то есть, говорите правду), то вас, поскольку такие речи идут вразрез с официальной квазимифологией, всегда могут осудить по одной из вышеупомянутых статей.

Справедливость требует добавить, что в советском уголовном кодексе есть статья за религию. Это статья 142 ("Нарушение законов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви), о которой уже писалось ранее. Под таким нарушением понимается и обучение бабушкой или дядей религии соответственно внука или племянника, организация и проведение кружков кройки и шитья для верующих женщин, организация и проведение религиозных шествий, собраний и других церемоний культа, "нарушающих общественный порядок" (что это за общество такое, которое появлением на улице процессии людей с крестом и иконой немедленно приводится в беспорядок?). Требования этой статьи нелепы, противоречат здравому рассудку и элементарной законности и демократичности. Они "нарушались", "нарушаются" верующими и будут "нарушаться" далее в тем большей степени, чем больше будет верующих разных исповеданий в нашей стране и чем шире будет в ней распространяться религиозное мировоззрение. Но это одна сторона вопроса. Другая заключается в том,

что нет ничего удивительного, что по этой статье верующих в нашем государстве стараются не преследовать. Во-вторых, чтобы не ставить в известность зарубежную, да и свою общественность о преследовании Церкви и гонениях на религию в нашей стране. А во-первых — по весьма простой причине, недвусмысленной и очевидной, и являющейся-то самой главной. По статье 142 ("за религию") жертве грозят всего... исправительные работы на срок до одного года или штраф до пятидесяти рублей. А по статьям 190¹ и 70, обыкновенно применяемым к верующим, — соответственно лишение свободы до трех лет или лишение свободы до семи лет со ссылкой от двух до пяти лет.⁶⁰

А ларчик просто открывался...

В. Куроедов, впрочем, признает, что в советской России преследуют за веру, но не всяких верующих, а тех, кто "нарушает советские законы или подстрекает к этому других". Что это за люди? Это так называемые "религиозные экстремисты — церковные и околоцерковные".⁶¹

В стране, где Церковь и религия поставлены в крайне тяжелые условия, где верующие ограничены в правах и не имеют права даже на организованное добротворение, даже собираться во имя Христова где-либо кроме стен храма... В этой стране, оказывается, есть "религиозные экстремисты"! Впрочем, естественно, что именно в такой стране они и есть: ведь всякое выступление верующих против незаконного попрания их гражданских и человеческих прав, против религиозного апартеида в советском государстве, не может не расцениваться соответствующими органами в советской России иначе как "религиозный экстремизм".

В. Куроедов приводит и конкретные примеры "религиозного экстремизма". Такова, например, по его мнению, сущность сторонников Совета Церквей Евангельских Христиан-Баптистов, так называемых "баптистов-инициативников", вообще аттестуемых им как "оголтелые фанатики". Почему? Потому что, в частности, они "потребовали неограниченной интенсивной пропаганды религии не только в молитвенных домах, но и на улицах, площадях, в парках, во всех местах массового скопления людей, попытались присвоить себе право воспитания и образования детей", чем встали на путь "посягательства на права и свободы граждан нашей страны".⁶²

В. Куроедов принадлежит к партии, которая всегда гордилась своим умением вести подпольную и подрывную деятельность. Где же элементарная конспирация и нам ли о ней напоминать? Разве можно так постыдно то и дело проговариваться? Ведь коль скоро

верующих в нашей стране не меньше (а даже больше), чем коммунистов, и уж тем более чем сознательных атеистов, то выходит, что запрещение "интенсивной пропаганды религии" в местах массового скопления людей, религиозных шествий и т. д. точно также можно считать "посягательством на права и свободы граждан нашей страны". Только той, *гонимой и преследуемой большей половины*. Что до права воспитания детей, то оно принадлежит вообще только родителям, как право их зачатия и рождения. Так устроен мир. И о присвоении себе "права воспитания и образования детей" можно говорить всегда только относительно государства — в тех случаях, когда оно насильственно воспитывает детей в противоречии с интересами, желаниями и убеждениями их родителей.

"В среде баптистских экстремистов, — живописует далее ужасы фанатизма В. Куроедов, — в последнее время ставится на обсуждение даже вопрос о создании баптистского союза молодежи, так называемого бапсомола".⁶³ Вот уж воистину! Тут вопрос даже не в том, насколько вопиюще и недвусмысленно проговариваются советские идеологи и пропагандисты, но в том, насколько мы способны делать выводы из их неумелых речей.

В советском государстве религия и Церковь преследуются настолько, что даже лишены естественно присущих им возможностей иметь собственные молодежные организации, сама мысль о которых кажется советским властям недопустимой и подрывной!

И такое государство именуется себя "свободным"? И это называется "отсутствием гонений на религию"?

Когда В. Куроедов переходит к конкретным "религиозным экстремистам" (о. Д. Дудко, Г. Винс, о. Г. Якунин), читатели его книги погружаются в сферу безудержного комикования. Когда бы не было так грустно...

Мы приведем здесь лишь один пример. Поскольку томящийся до сих пор в заключении о. Глеб Якунин не "пошел навстречу" властям, в книге председателя Совета по делам религий о нем говорят слова, которые повлекли бы во всяком свободном и правовом обществе против В. Куроедова обвинение в клевете и диффамации, что привело бы к скандальному судебному делу и уходу министра исповеданий со своего поста: "Зачем Якунин пошел в священники? Для наживы, для смуты. Он только и делает, что приценивается к иконам, церковной утвари, спекулирует ими. Зная жизнь Якунина, великомучеником его никак не назовешь. Он — мошенник".⁶⁴ Если все это так, отчего же судили о. Глеба за антисоветскую агитацию и пропаганду?

А вот какого рода "письма верующих", негодующих по поводу о. Г. Якунина, цитирует В. Куроедов.

"У верующих советских людей даже мысли не возникает о том, где можно или невозможно удовлетворять свои религиозные потребности. Заходи любой человек в любой наш храм и молись сколько угодно, удовлетвори свои пожелания".

Сочинили эти строки, свидетельствующие о весьма странном религиозном и культурном уровне их составителей, якобы, ктиторов (т. е. церковные старосты) ряда московских храмов, в том числе... Христовоздвиженского!*

"Изгой и враги мира хотят посорить церковь и Советское государство (. . .) Было время, сразу после революции, когда церковных работников наказывали, и правильно, потому что они нарушали закон. Но говорить о религиозной дискриминации в наши дни могут лишь клеветники и подонки".

Автор этого письма будто бы "80-летний протоиерей И. Кушнир, настоятель Успенского храма в Севастополе". Так что, быть может, этот протоиерей столь истерически бранится, а также пишет "Церковь" с маленькой, а "Советское государство" с большой буквы не оттого, что и не протоиерей и не христианин вовсе, а просто из-за возраста, так сказать, из старческого слабоумия.

"Советская Конституция обеспечивает равные права всем. Церкви можно ремонтировать и строить, свободно молиться в них. И верующие и клир в этом убеждаются каждодневно".⁶⁵

Автор этих строк, рисующих столь радужную картину свободы Церкви и особенно верующих и клира в нашей стране, — таинственный протоиерей Н. Вортович из несуществующей в России "Алтайской области".

Все эти жуткие письма, даже если и написали их не просто подчиненные В. Куроедова (не он же сам!), подтверждают лишь полное отсутствие элементарных основ свободы совести, свободы Церкви и вообще свободы в современной советской России. Если их написали верующие, во что довольно трудно поверить, то свидетельство становится еще более страшным, ибо показывает:

а) до какого уровня доводит верующих состояние вечно гонимой в нашей стране религии;

б) какими бы хотелось видеть верующих — так называемых "советских верующих" — советское государство и советская идеология.

* Министр исповеданий, путающий Христа и Воздвижение Креста (Крестовоздвижение)?

Каковы же реальные цели советского государства относительно религии и Церкви? Исходя из все тех же ошибочных концепций, В. Куроедов пишет: "В царской России Церковь была частью государственного аппарата и оказывала огромное влияние на государственную, общественную и личную жизнь людей".⁶⁶ Опираясь именно на такое представление о Церкви, коммунистическая идеология полагает ее едва ли не главной опорой царской России, а следовательно и "угнетателей". Но в высказывании В. Куроедова содержатся одновременно и правда и ложь. Церковь была частью государственного аппарата — но, во-первых, ее свели к этому насильственно, во-вторых, она не считала это конечной, единственной и уж тем более идеальной формой отношений с государством. Церковь оказывала влияние на государственную жизнь. Да, оказывала, коль скоро российская государственность считалась христианской, а православие входило в качестве одного из трех китов в основную формулу этой государственности. Нет, не оказывала, коль скоро государственность свела Церковь до уровня государственного департамента, а ее служителей — до уровня простых чиновников. Церковь оказывала влияние на общественную жизнь. И снова: да, оказывала, коль скоро это была общественность в основном православной страны. Не оказывала — уввы! почти совсем — почитайте серьезные учебники и нашу классику. Хорошенькое "огромное влияние Церкви" на общество, когда проповеди строго подцензурны, помещики кормят батюшек на кухне с дворней, выходцы из духовного сословия, живущего в бескрайней нищете, зачастую возглавляют (что им после всего этого остается?) наиболее погромные революционные черно- и красносотенные движения (от Чернышевского, Добролюбова через Илиодора Труфанова до Иосифа Джугашвили).

Исходя из подобных эклектичных и ошибочных посылок и дает В. Куроедов объяснение причин неприятия советской властью Церкви: "Советское социалистическое государство рабочих и крестьян отказалось от союза с Церковью, поскольку такой союз был ему не нужен, а цели, которые осуществляло прежнее буржуазно-помещичье государство при помощи такого союза, совершенно чужды новому, советскому строю".⁶⁷ Возникает немедленный "контрвопрос": если Церковь есть орудие правящих классов — и, по уверению самих коммунистов, действеннейшее, могучее, — то отчего бы самим коммунистам, придя к власти, не использовать ее в этих же целях, не в тех, которые "чужды", а в своих, марксистских, — ведь Церковь

вроде бы готова служить любой государственности? Отчего не пойти на определенный союз с Церковью, сохранив при этом интенсивную атеистическую пропаганду? Этого не происходит: партия, готовая на любые компромиссы и тактические зигзаги ради достижения своих целей, ни в какую не желает отступить от воинствующего атеизма (за исключением ситуаций, грозящих существованию партии смертельной опасностью, как во время Великой отечественной войны) и войны с Церковью. Беспринципные профессиональные заговорщики, опытные подпольщики, ловкие идеологи, изощренные стратеги и тактики вынуждены в одном только пункте "со вздохом" признаваться, что все же никак не могут "считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии". (В. Ленин. Социализм и религия).⁶⁸

И это неизбежно. Терпимость к религии коммунистов свободного мира имеет чисто тактический характер. Без атеизма нет ни марксизма, ни коммунизма. Коммунисты могут оставаться коммунистами, отказавшись от неизбежности диктатуры пролетариата, но коммунисты, верящие в Бога? Ведь Церковь выбивает из рук марксизма-ленинизма любое оружие и любой аргумент, но поскольку за Церковью стоит Истина, а не грубая сила, а истина всегда интимна и личностна, но не массова, то и это поражение марксизма перед лицом веры и религии заметно лишь вдумчивым, наблюдательным, глубоким и любящим очам.

Вот отчего коммунизм всячески пытается принизить христианство до уровня суеверия, полемизировать с самыми поверхностными и неглубокими его интерпретациями, как раз с той его частью, которая являлась временной, несущественной и вобравшей в себя напластования язычества и чисто человеческих установлений и воззрений. Почему? Да потому что *при сопоставлении с настоящим христианством, с подлинно евангельским учением коммунизм всегда проигрывает.*

Почему, в частности, в советском государстве существует полный запрет на религиозную, философскую и религиозно-богословскую литературу? Потому что широкое опубликование работ одних только русских религиозных мыслителей XIX–XX веков нанесло бы сокрушающий удар марксизму в России в глазах многих мыслящих россиян. Ведь на деле марксизм давно уже изжит и разбит ими, так что запрет на этих авторов вызван именно паническим страхом за власть над душами, а следовательно и телами.

Выход для марксизма здесь может быть только один: если религия и Церковь – "соперницы" коммунизма, то религия и Церковь

должны быть устранены. О чем и говорилось открыто во многих работах Маркса, Ленина и их последователей вплоть до сего дня. Не менее открыто и делалось... Верующих резали, жгли, пытали, ссылали, топили на баржах, вымораживали, расстреливали, гноили в концлагерях почти три десятка лет. Все оказалось бесполезным. Битва с Церковью оказалась проигранной. Более того, к Церкви даже пришлось обратиться во время Второй мировой войны – Великой Отечественной. В момент тяжелейшего национального бедствия марксистское атеистическое государство вынуждено закрыть атеистическую прессу, распустить Союз воинствующих безбожников, разрешить открытие тысяч церквей, монастырей, позволить воссоздание духовных академий и семинарий, выпускать из лагерей священников, монахов и епископов!

"Устранить соперницу" оказалось довольно трудно. Гонениями Церковь не испугаешь – она в них родилась и закалилась. Здесь-то и возникает новая тактика. "При неправильном действии властей, – говорит М. И. Калинин (и В. Куроедов недаром его слова цитирует), – религиозное чувство не уменьшается, а увеличивается, и тот, кто думает, что он с религией борется, он, собственно говоря, укрепляет ее".⁶⁹ Именно в этом секрет того, что "защита прав верующих является одним из требований социалистической законности". Дело не в неожиданно вспыхнувшем пристрастии коммунистов к конституционализму, а просто в "правильном" действии властей, то есть в нижеследующем.

1) Раз Церковь сразу уничтожить не удалось, следует делать то же самое постепенно, соблюдая внешний вид "законности"; видимость отсутствия гонений, к тому же, производит приятное впечатление на общественное мнение свободного мира. "Окрик, запрет, административный нажим – негодные средства в борьбе с религиозной идеологией. Мы это хорошо понимаем", – делится В. Куроедов на странице 207 своей книги.

2) Коль скоро коммунисты проиграли и им теперь приходится мириться с существованием Церкви в "их" государстве, следует оказывать планомерное, но осторожное давление на Церковь и осуществлять над ней контроль настолько полный, насколько это возможно. Поскольку это невозможно в принципе, т. к. материалисты не в состоянии не только "контролировать", но даже просто учитывать мистическую, невидимую сторону Церкви и индивидуальной внутренней жизни каждого верующего, то им остается одно – обеспечивать не только и не столько лояльность верующих, сколько их "пассивность", пресекать всякую мало-мальски активную, энергичную их деятельность в мире во имя Христа и Церкви.

Верующие должны быть таковы, чтобы их убеждения никак не были связаны с их практической деятельностью в жизни среди людей. "Верующие наших дней не те, что были раньше, — с удовлетворением констатирует В. Куроедов. — Для многих и многих людей, так или иначе прибегающих к услугам Церкви, их вера никак не связана с практической деятельностью".⁷⁰ Те же, кто пытаются сами жить по Христу и тем более побуждать к этому своих братьев, т.е. "стараются разжечь фанатизм верующих", суть "религиозные экстремисты" и "оголтелые фанатики", смеющие ставить своей целью "религиозное возрождение". Мол, если ты верующий, вот тебе действующий храм (не смей клеветать, что гоним!), "заходи и удовлетворяй" свои потребности, после чего выходи, оправляйся и продолжай строить коммунизм.

3) В последнем — суть. Тип верующих, приемлемых для советского государства — весьма причудливый тип. Это должны быть не просто верующие люди, но, так сказать, "советские верующие", способные сами становиться противниками Церкви и Христа, если им случится выбирать между Ним и советским государством (вспомним доброго 80-летнего "протоиерея"). Тут уже не лояльность, даже не пассивность, но сознательная преданность Марксу и Ленину вместо Христа.

Цель советских органов — воспитать "новый тип верующих", "советских верующих", которые были бы внутренне сторонниками более советского строя, чем Христа, которые ничего не имели бы против все растущей атеистической пропаганды и в то же время "помогали строить коммунизм", т.е. покорно исполняли любые предписания атеистической государственности — даже если со временем им прикажут "самоликвидироваться", как униатам на Львовском соборе 1946 г. (а если как членам секты "Народный храм" в Гвиане?) — ведь это и есть "мирное отмирание Церкви", которое пророчат все брошюры по научному атеизму. Удавалось же до сих пор заставлять самих церковных деятелей говорить, что "гонений в СССР не было и нет".

Положительный пример "дозволенного" типа верующих В. Куроедов приводит, цитируя письмо некоей безымянной "христианки", в свою очередь цитирующей слова некоего ирландца, причем цитирующей с восторгом:

"Один ирландец сказал: "Завидую вам, живущим в России. Свободно у вас. Никто вас не принуждает быть верующим, ходить каждое воскресенье в церковь, соблюдать церковные обряды! Нам бы пожить при таком строе...".⁷¹ Христианка, воспринимающая веру, соблюдение

обрядов, посещение храма как принуждение и восхваляющая устами неведомого бедняги-ирландца атеистический строй, открыто заявляющий о своей конечной цели полного уничтожения религии! Иначе говоря: не христианка.

Таким образом, оказывается, что советское государство готово признавать и терпеть лишь один тип христиан — людей, покорных любым требованиям государства и не исполняющих никаких заветов Иисуса Христа — иначе говоря, *только не-христиан*.

Но это еще не все. Вспомним цитированные ранее слова председателя Совета по делам религий о том, что советское государство "отказалось от союза с Церковью, поскольку такой союз был ему не нужен". Так вот это — ложь. Такой союз ему нужен в определенной области внешней политики — в тех случаях, когда советскому государству удобнее, чтобы на международной арене оно было представляемо не-коммунистическими организациями и деятелями. Союз с Церковью в целях благотворительности — т.е. допущения определенной свободы деятельности христиан в сфере здравоохранения, просвещения и социального обеспечения (ясли, детские сады, поликлиники, приюты, детские дома, больницы, библиотеки) — государство разрешить категорически не хочет, даже ценой нанесения этим самым прямого ущерба своим подданным. Но там, где есть возможность использовать Церковь в целях своей внешней политики, т.е. к выгоде теории и практики коммунизма — там советское государство *вовсе не склонно "отказываться от союза с Церковью"*.

В частности, советское государство всячески пытается использовать РПЦ и прочие религиозные организации, причем вопреки их желаниям, в своих целях пацифистской пропаганды. Подчеркнем: не в целях пацифистской пропаганды вообще, каковая также была бы чем-либо заданным и навязанным, но в *своих* целях пацифистской пропаганды. В. Куроедов и не скрывает этого: "Участие в борьбе за мир, укрепление дружбы между народами, разрядку международной напряженности — основное поле приложения общественно-политической деятельности религиозных организаций СССР".⁷²

Есть ли еще хоть какие-то сферы деятельности Церкви в нашей стране? Напомним сперва, что христианам в советском государстве запрещено заниматься благотворительностью, обучать организованно религии своих детей, образовывать любые организации, самостоятельно печатать (государство тем более не печатает) и распространять религиозную литературу, иметь кружки и т.п. по изучению Св. Писания и всех без исключения иных профилей, свободно проповедовать свои взгляды перед другими и даже заявлять о своей вере открыто

по месту работы или учебы. Зато В. Куроедов объясняет, что Церкви и христианам в советском государстве разрешено следующее: 1) "активные выступления религиозных деятелей, духовенства и верующих против зарубежной антисоветской пропаганды"; 2) "разоблачение идеологических диверсий империализма в отношении социалистического строя, советского образа жизни"; 3) "пропаганда гуманизма социалистической демократии"; 4) "правдивое освещение положения религии, Церкви, духовенства и верующих в нашей стране".⁷³ Поясним: правдивое противоположно "клеветническому", а последним термином произвольно обозначается все, что идет вразрез с официальными версиями.

Итак, Церкви предписывается прокоммунистическая пропаганда и категорически запрещена всякая "прохристианская" деятельность.

Возвращаясь к вопросам, поставленным нами в начале статьи, мы можем сказать, что под "удовлетворением религиозной потребности" верующих советское государство понимает формальное посещение немногочисленных "действующих" храмов, за существование которых верующие вынуждены платить ведением прокоммунистической пропаганды, "не просто лояльностью, но глубокой преданностью социалистическому государству". Отсюда и критерий "несвязанности" деятельности религиозных организаций с "удовлетворением религиозных потребностей" верующих: все, что делается верующими "церковниками и сектантами" не во имя социалистического государства, а во имя Иисуса Христа, объявляется советским законом "несвязанным с удовлетворением религиозных потребностей".

Выше говорилось, что на деле религиозными потребностями верующих членов Церкви, т. е. Общины свидетелей о Боге, является далеко не только участие в богослужении, но и взаимное общение вне храма, совместное изучение Св. Писания, проповедь словом и делом об Иисусе Христе. Говорилось и то, что лишение верующих по любым причинам хотя бы одного из этих аспектов делает их религиозную жизнь неадекватной и неподлинной, недостаточной и искаженной.

Советское государство сознательно препятствует верующим в нашей стране быть причастными всем аспектам религиозной жизни; иными словами, оно планомерно, систематически и сознательно разрушает религиозную жизнь личности.

Нетрудно и естественно сделать и последний вывод.

Свободы совести в советской России никогда не было и не существует сейчас.

Отвечая В. Куроедову, мы, российские православные, а также всякий трезвый, мыслящий, честный и объективный человек, не можем не признать, что единственно верным определением социального бытия Церкви в атеистическом и любом другом государстве может являться только данное в 1927 г. группой православных епископов, томящихся на Соловках.

Церковь должна оставаться независимой, аполитичной и лояльной, а не служить интересам государства, тем более атеистического.

Насколько все стало бы проще, насколько легче бы дышалось в стране, если атеисты признали бы, наконец, открыто свою доктрину тем, чем она является на деле — формой религии. Тогда обществу был бы возвращен, наконец, его хоть какой-то моральный стержень; в судах и при вступлении на любую должность могли бы быть введены две формы присяги — религиозно-теистическая и религиозно-атеистическая, дабы нравственность, любовь к людям и ответственность перед обществом равно оставались основой всякой гражданской жизни и деятельности.

Возможно ли такое? Это зависит от того, хотят ли атеисты (коммунисты), чтобы основой общественной жизни и деятельности была нравственность. Если нет...

Тогда такое общество неизбежно падет, изжив самое себя. "И БУДЕТ ПАДЕНИЕ ЕГО ВЕЛИКОЕ" (Мф 7. 27). Чтобы сие предвидеть, не надо быть ни пророком, ни "антикоммунистом".

* * *

Итак, какова же конечная цель советского государства относительно религии и Церкви? Думается, мы уже ответили на этот вопрос. Дает на него ответ и В. Куроедов; это "полное преодоление религиозных верований". Что значит "преодолеть"? В Словаре русского языка читаем: "одолевать, победить, осилить, справиться с чем-л., побороть".

Ничего не скажешь, сложную задачу ставит перед собой кесарь на современном этапе. Выполнима ли она? Ведь кто-то сломается в этой борьбе и сломается окончательно. Но вот кто, кесарь или Бог?

А вы как думаете?

9

Теперь своевременно будет поставить вопрос: чего же мы, дети Русской Православной Церкви, хотим?

Сделаем неожиданное на первый взгляд признание: то, что Церковь в современном государстве гонима, не является для нас таким уж трагическим фактом.

Советское государство не является ни демократическим, ни конституционным, ни правовым государством, вследствие чего потенциально гонимыми в стране оказываются все. Русская Православная Церковь и христианство в целом — лишь часть ограниченного в правах и даже преследуемого населения советской России.

Но наш Господь Иисус Христос говорит: "Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас" (Мф 5. 10–12). "РАДУЙТЕСЬ И ВЕСЕЛИТЕСЬ"! Он обращает эти слова не к крестьянам или рабочим, не к писателям или ученым, не к немцам Поволжья или крымским татарам, не к Своим соплеменникам, даже не к людям вообще. Он обращает эти слова к нам, христианам.

Нам и только нам, христианам, пишет св. апостол Петр, говоря, что "то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны; потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его" (1 Пет. 2. 19–21).

Церковь гонима? Но ведь это ее *естественное состояние!* Разве Иисус Христос предсказывал нам иное?

Если говорить об открытом обличении власти и борьбе Церкви за свои права, то необходимо признать, что о. Д. Дудко (несомненно мученик и один из самых выдающихся наших священников) и его "линия", многие церковные диссиденты в каком-то смысле рисовали всю ситуацию в крайне радужных и оптимистических тонах, деля мир на "плохих" гонителей-безбожников и "хороших" гонимых-христиан. В этой схеме достаточно победить и обратить плохих, как все сразу встанет на свои места, общество заживет нравственной жизнью, Церковь расцветет, Россия обновится, а православный российский народ обретет правду, свободу и мир. Быть может, прямо так никто не говорил, но общий смысл позиций церковного диссидентства (если не у его вождей, то у рядовых участников движения) был именно такого рода. В том, что подобный взгляд, подобная "линия", подобное упрощенчество потерпели крах, нельзя не усмотреть действия Божией десницы.

Христиане имеют право вести политическую борьбу наравне со всеми прочими: с караймами, например, с агрономами, феминистками, астраханскими татарами или работниками торговли. Христиане, конечно же, имеют право держать у себя любую "запрещенную" литературу, как обладают этим правом и все остальные. В этом нет никакого антисоветизма: во-первых потому, что никакие списки "запрещенной литературы" никогда и нигде в советском государстве не публиковались* и никакого официального запрета не существует; во-вторых, само наличие подобного понятия есть следствие и проявление общей несвободы в советской России, с чем христианину приходится и даже следует мириться, но при этом ему совершенно не обязательно идти навстречу любому беззаконию и антидемократическому ограничению личности в правах. Но не в этом главное. Если мы и хотели бы политических прав, то хотели бы их для всех, а не для себя только.

Ошибка многих членов Церкви, участвовавших в диссидентском движении, состояла в том, что они выступали за свободу Церкви, не принеся заранее от ее имени полного и исчерпывающего покаяния за многолетние преследования Церковью инакомыслящих, в том числе и нашей, Русской Православной Церковью. Нельзя не согласиться с мнением одного московского священника (а мы надеемся, что он не один) о том, что мы не имеем никакого основания требовать себе свобод до тех пор, пока во всеуслышание не покаемся за то, что иногда гнали, преследовали и ограничивали в правах те или иные религиозные группы, секты и меньшинства. Недавно в Москве вышла книга доктора юридических наук В. В. Клочкова "Закон и религия. От государственной религии в России к свободе совести в СССР" (М., Политиздат, 1982, 159 с.), где приводятся примеры подобных ограничений. Книга эта, безусловно не объективная, спекуляционная и выполняющая социальный заказ атеистической пропаганды, тем не менее весьма полезна, ибо оперирует значительным числом документальных источников и ставит перед православной совестью ряд достаточно серьезных и острых вопросов.

Мы далеки от каких бы то ни было односторонних обвинений нашей иерархии и категорически отвергаем любую недоброжелательную спекуляцию на тему преследований инакомыслящих Церковью. Здесь возможен только добросовестный, объективный и трезвый подход.

* Недавние преследования властями монахов Почаевской лавры показали, что власти в своих целях могут объявить "антисоветской" любую литературу вплоть до изданий столетней давности или К. Рылеева (см. "Вестник РХД", 1982, № 136, с. 260, 267–268).

Нельзя забывать и о том, что преследования эти часто диктовались конкретно-историческим моментом и должны рассматриваться в связи с контекстом всех прочих проблем и явлений тех времен, что гонения на инакомыслящих Церковью обуславливались уровнем как церковного, так и общественного сознания соответствующих эпох; наконец, что эти гонения осуществлялись не самой Церковью, но христианизированной государственностью — хотя при участии или одобрении Церкви, но далеко не всей. Вспомним полемику иосифлян и заволжских старцев об отношении к еретикам: призывы к милосердию, к гуманному и снисходительному к ним отношению, мысль о том, что наказание — вообще не мера воздействия на инакомыслящих — все эти идеи преп. Нила Сорского и старцев вологодских монастырей, высказанные как-никак в XV веке нашей истории, не слишком ли они противоречат до сих пор распространенному кое-где мнению о "крайне диком" характере русской истории московского периода? Не слишком ли неграмотной и дутой ложью звучат после этого слова Белинского о Церкви, как об "опоре кнута и угоднице деспотизма", "поборнице неравенства, льстеце власти, враге и гонительнице братства между людьми"?

Но несмотря на все это, участие в прошлом человеческой истории Церкви вообще и Русской Православной Церкви в частности в преследовании инакомыслящих есть факт, который требует от нас определить свое к нему отношение. Ведь снять прещение со старообрядцев и не попросить у них прощения за факты физического гонения на них — значит сказать "а", не сказав "б", значит сделать шаг только одной ногой.

Наша совесть не может молчать. Мы обязаны принести покаяние и попросить прощения у тех, кого когда-то гнали сами: только тогда мы получим нравственное право отстаивать нашу свободу и требовать от наших гонителей политических прав себе.

"Линия" о. Д. Дудко (условно назовем ее так) "упрощала" ситуацию еще и в том, что "мы", те, которые составляем Русскую Православную Церковь (во всяком случае, миряне и пресвитеры) вовсе не являемся в своем целом идеальными и даже "хорошими" гонимыми, только и ждущими, когда нашей Церкви дадут желанную свободу. Зададим себе страшный вопрос: в случае, если нам предоставляется полная свобода, сумеет ли наша Церковь ее использовать? Сможем ли мы "развернуться"?

Способна ли сейчас РПЦ в случае, если ей будет предоставлена полная свобода действий в стране, быстро, решительно и энергично преобразить лицо России? Допустим, нам вернут 20 тыс. храмов;

конечно, священники найдутся, но много ли это даст, если они не станут подлинными нравственными учителями общества, как, увы! не являются таковыми теперь, будучи в своем большинстве лишь требоисполнителями и даже толком не проповедуя. Сможет ли РПЦ сразу же дать необходимое число проповедников и миссионеров, приступить к изданию религиозной прессы, способной удовлетворить запросы различных слоев населения, открыть десятков и более семинарий, еще как минимум две академии и хотя бы около сотни монастырей — не показательных, а настоящих? Вот подарит советское государство Русской Православной Церкви целую программу на телевидении, выделит ей несколько часов на радио... кто будет разговаривать с народом, а главное: о чем? О правилах святых отцов-пустынников? О сорока мучениках Севастийских? О том, что курение — грех? Что к причастию можно подходить лишь после трехдневного поста и посещения накануне всенощной? Неужели мы в самом деле полагаем, что все это именно то, что ждет от нас народ? Неужели все это по-нашему и есть суть Христова благовестия?

Нам есть о чем задуматься. Сегодня мы оправдываем свою пассивность фактом скрытых, завуалированных гонений на Церковь в советском государстве, тем, что наша Церковь — Церковь плененная. Эти гонения и это пленение, несомненно, наличествуют и препятствуют нормальному развитию и бытию Русского Православия. Но только ли они одни? Чем мы оправдаем свою пассивность, когда этих гонений не будет? Не привыкли ли мы за это время к добровольному состоянию *внутренней пленности*? Готовы ли мы дать ответ? *Готова ли наша Церковь к свободе*? Есть ли ей что сказать народам России на современном языке и для современного сознания?

Если что-то не смогут люди, сможет Бог. А сможет Он все. Но для православного христианина надеяться только на Бога и отказываться работать самим значит монофизитствовать, значит разделять божественное и человеческое в Богочеловеке Иисусе и Его Теле на земле — Церкви.

Вот почему прежде всего мы должны хотеть для себя не формальных политических свобод, а *активной христианской позиции*, активного следования заветам Иисуса Христа и свв. апостолов, активного изучения и знания Слова Божия, активного добротворения во всех сферах нашей личной и общественной жизни. И не будем себя обманывать: уж во всяком случае на пятьдесят процентов все это зависит не от гонителей атеистов, а от нас самих.

Чего мы хотим? Мы хотим делать добро. Вот что мы должны всегда отвечать нашим гонителям и советской государственности.

Наша борьба — не политическая борьба, ибо политика всегда неизбежно связана с запятнанностью пусть микроскопическими, но грязными брызгами двуличия и беспринципности. Наша борьба — борьба за творение добра, осуществление дел милосердия и любви, дарование нашему обществу, всем народам России возможности обретения нравственной основы личного и коллективного бытия, равной которой не было и не будет во всей истории человечества.

Впрочем, сохраняются те "пятьдесят процентов", которые зависят от власти. Государственная власть в нашей стране, как было показано, может препятствовать и препятствует нам зачастую именно на пути нашего христианского совершенствования, запрещая организованную благотворительность и организованное религиозное воспитание детей, предельно ограничивая все возможности к получению христианского образования. Так не будем наивными: неужели для творения добра нужна обязательно "организованная благотворительность"? Мы не можем отдавать детей учиться религии — следовательно, мы должны учить их сами, причем так, чтобы формирующееся мировоззрение детей полностью выдерживало всякие столкновения с внешним миром и той псевдонаучной жвачкой советского обиденного сознания, которая навязывается начальной, средней и высшей школой и советской массовой культурой. То же самое можно сказать и об образовании. Не говоря уже о возможности самообразования христианина через постоянное чтение и изучение Св. Писания, через овладение всей сокровищницей мировой культуры, следует напомнить и о том факте, что в настоящее время в нашем обществе вполне хватает образованных христиан (хотя, разумеется, их всегда недостаточно), и священников и мирян, способных и желающих делиться своими знаниями. "Ищите, и найдете", — говорит Господь (Мф 7. 7).

Однако, для того, чтобы все это исполнять, надо самим "бодрствовать и трезвиться" (1 Пет. 5. 8), самим быть на известной высоте христианского служения. Легко внести десять, пятьдесят, сто рублей в филантропическую организацию и забыть о них, откупившись таким образом от своего христианского делания в мире. Гораздо труднее постоянно и ровно делать добро окружающим в рутине повседневной жизни. Невозможно вырастить детей христианами, если не воспитывать их собственным примером. Невозможно изучать Евангелие и Св. Историю, не читая их постоянно, не размышляя над ними, не прибегая к помощи существующих и при желании доступных комментариев и прочих пособий. Это же касается и самообразования во всех прочих сферах.

Постоянное христианское делание на том месте, где застал нас Господь, постоянное изучение Слова Божия и молитвенное размышление о нем, постоянное самообразование в близких нам сферах человеческой культуры в целях наиболее действенного труда по преображению мира в духе Иисусова благовестия — вот что мы обязаны отстаивать, вот по какому пути мы не можем сейчас не идти.

Чего мы хотим?

МЫ ХОТИМ ЖИТЬ ПО ХРИСТУ.

Вот это наше право мы должны и будем отстаивать. А жить по Христу возможно только будучи активным христианином, христианином, осознающим свое христианство, свое богосыновство, свое предназначение быть друзьями Бога (Ин. 15. 15) каждый миг своего бытия на нашей земле. И если власти будут гнать нас именно за это, тогда мы сознательно примем мученичество, противопоставляя гонителям нашу твердую веру. Но страдать в этом случае мы будем не как политические борцы, а как *христиане*, по словам апостола Петра:

"Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдитесь, но прославляйте Бога за такую участь.

Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро.

Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время; все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире" (1 Пет. 4. 14–16, 19; 5. 6–9).

Какие бы битвы нам еще ни предстояли, мы, как и все на земле, убеждены, что "нормальная" власть, "нормальная" государственность, подобно и любому "нормальному" человеку (не душевнобольному), не может сознательно желать себе зла, аморальности и разрушения. Тому доказательство, хочется надеяться, — то, что происходит сейчас у нас на родине, в советской России. Тот факт, что председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР В. А. Куроедов в одной из центральных коммунистических газет опубликовал огромное интервью, именуемое "Равны перед законом", главной идеей и лейтмотивом которого являются его слова: "Еще раз подчеркну: перед законом у нас равны и верующие, и неверующие",⁷⁴ — факт, абсолютно невозможный еще десять лет назад.

И хотя в данном случае мы, пожалуй, отнесем себя к категории "неверующих" — неверующих советским органам и советской пропаганде, не верящих в искренность смягчения государственной политики относительно Церкви и полагающих, что и здесь следует видеть лишь тактику, мы все же чувствуем себя вправе сделать определенное заявление.

Несмотря на то, что верующие люди в нашей стране до сих пор живут в условиях апартеида, мы можем с известным удовлетворением констатировать, что советская государственность в каком-то смысле "пришла в себя" и в отношении к Церкви и верующим *сменила волюнтаристский и авантюристский подход на гораздо более реалистический.*

Из этих неизбежных и радующих перемен и должны исходить обе стороны в развитии своих дальнейших отношений.

Зададим в последний раз тот же самый вопрос, но в более "развернутом" виде. Чего мы хотим от советского государства?

Мы хотим, чтобы нам была предоставлена возможность жить по нашей вере так, как понимает это Церковь, а не по указке атеистического государства. Мы хотим, чтобы нам была предоставлена возможность свободно выступать свидетелями собственной веры, ибо этого требует от нас Христос и наша совесть.

Мы хотим и требуем, чтобы в советском государстве был положен конец той безудержной дискриминации и сегрегации верующих, которая в различных формах существует и по сей день.

Мы хотим только добра и правды.

Иной положительной программы у нас нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. А. Куроедов. Религия и Церковь в советском государстве. М., 1981, с. 255, 256.
2. Там же, с. 257.
3. Там же, с. 208–209.
4. Там же, с. 149.
5. Там же, с. 89.
6. Там же, с. 89–90.
7. Там же, с. 5.
8. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1979, с. 49.
9. Там же, с. 169.
10. Там же, с. 50.
11. Э.И. Лисавцев. Новые советские традиции. М., 1966, с. 30–33.

12. Б.Н. Коновалов. К массовому атеизму. М., 1974, с. 151.
13. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 7.
14. Там же, с. 122.
15. Там же, с. 102, 104, 112.
16. Н. Эшлиман и Г. Якунин. Открытое письмо святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию. "Россия и Вселенская Церковь", Брюссель, 1966–1967, № 4 (70) и 1 (71), с. 16, 53.
17. В. Фуров. Отчет членам ЦК КПСС, "Вестник РХД", 1979, № 130, с. 275–344.
18. О религии и Церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1977, с. 97.
19. М. Сташевский. Социалистическое государство и религиозные объединения. М., 1979, с. 175.
20. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 118.
21. Там же, с. 125.
22. Словарь русского языка в 4-х томах под ред. М.П. Алексеева, С.Г. Бархударова и др. М., 1957–61, т. 2, с. 52.
23. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 125.
24. Л.И. Денисов. Православные монастыри Российской империи, М., 1908, с. IX.
25. Монастыри. Из отчета Совета по делам религий ЦК КПСС (за 1970 год). "Вестник РХД", № 131, 1980, с. 363.
26. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 128.
27. Там же, с. 143–144.
28. Там же, с. 144.
29. Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 30, с. 392; В.А. Куроедов, Религия и Церковь..., с. 146.
30. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 146.
31. В. В. Ключков. Борьба с нарушением законодательства о религиозных культах. М., 1967, с. 37.
32. И. Р. Шафаревич. Законодательство о религии в СССР. Доклад Комитету прав человека. Париж, 1973, с. 49.
33. Г.Р. Гольст. Религия и закон. М., 1975, с. 16.
34. О религии и Церкви, с. 97.
35. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 145.
36. Г.Р. Гольст, с. 16–17.
37. Л. Ф. Ильичев. Выработка научного мировоззрения и атеистическое воспитание. "Коммунист", 1964, № 1, с. 38.
38. "Львовская правда", 18 августа 1964 г.
39. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 43.
40. О религии и Церкви, с. 108.
41. Г.Р. Гольст, с. 37.
42. Там же.
43. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 147.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же, с. 155.
47. И. Р. Григулевич. "Религиозный бум" или способ изобретения мифов. "Литературная газета", 23 декабря 1981 г., № 52, с. 13.
48. В.А. Куроедов. Религия и Церковь..., с. 159.
49. И.Р. Шафаревич, с. 5–6.

50. Настольная книга атеиста. М., 1971, с. 75–130.
51. И.Р. Шафаревич, с. 5–6.
52. Настольная книга атеиста. М., 1978, с. 64 и далее.
53. Ж. М. Доменах. Положение европейской культуры. "Символ", 1979, № 1, с. 106.
54. И.Р. Григулевич, с. 13.
55. В. А. Куроедов. Равны перед законом. . ., "Литературная газета", 7 июля 1982 г., № 27, с. 11.
56. Там же.
57. Там же.
58. В. А. Куроедов. Религия и Церковь. . ., с. 176.
59. В. А. Куроедов. Равны перед законом, с. 11.
60. Уголовный кодекс РСФСР, с. 33–34, 49, 63.
61. В. А. Куроедов. Религия и Церковь. . ., с. 168.
62. Там же, с. 170.
63. Там же, с. 172.
64. Там же, с. 192.
65. Там же, с. 194–195, 198.
66. Там же, с. 29.
67. Там же, с. 45.
68. В. И. Ленин. Социализм и религия. Об отношении рабочей партии к религии. М., 1976, с. 4.
69. Деятели Октября о религии и Церкви. М., 1968, с. 41; В. А. Куроедов. Религия и Церковь. . ., с. 154.
70. В. А. Куроедов. Религия и Церковь. . ., с. 160, 161.
71. Там же, с. 196–197.
72. Там же, с. 239.
73. Там же, с. 240.
74. В. А. Куроедов. Равны перед законом, с. 11.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции. К столетию смерти Маркса. — Никита Струве	3
БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ	
Канон св. мученице Бландине — (Сост. Б. Сове)	5
Четыре святых мученика — архим. А. Погодин (США)	10
Современные египетские мученики — Е. Демина (Дания—Египет)	34
Ю. де Бособр и творческое страдание — К. Бабингтон Смит (Англия)	43
Свидетельство преп. Серафима Саровского — митр. Георгий Ходр (Ливан)	53
Образ Христа в творениях св. Иоанна Златоуста — свящ. Анатолий Жураковский (Киев)	56
Ответное слово на присуждение Темплтоновской премии — А. Солженицын	86
Темплтоновская лекция — А. Солженицын	88
Слово митр. Феодосия	96
Что нам делать? — И. А. Ильин (к 100-летию со дня рождения)	97
Из воспоминаний — В. В. Зеньковский	103

SOMMAIRE

	Pages
<i>A nos lecteurs. Marx est-il mort? —</i> N. Struve	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
<i>Canon en l'honneur de Sainte Blandine</i>	5
<i>Quatre saints martyrs —</i> archim. A. Pogodine	10
<i>Des confesseurs de la foi dans l'Egypte d'aujourd'hui —</i> E. Demina	34
<i>J. de Beausobre et la souffrance créatrice —</i> C. Babington-Smith (Angleterre)	43
<i>Le témoignage de Saint Séraphim de Sarov —</i> métr. Georges Khodre (Liban)	53
<i>L'image du Christ dans les oeuvres de St. Jean Chrysostome —</i> P. Anatole Jourakovski (Kiev)	56
<i>Allocution lors de la remise du prix Templeton —</i> A. Soljénitsyne	86
<i>Discours de Templeton — A. Soljénitsyne</i>	88
<i>Allocution du métropolite Théodose</i>	96
<i>Que devons-nous faire? —</i> Ivan Iliine (pour le centenaire de sa naissance)	97
<i>Mémoires — V. Zenkovski</i>	103

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

О старинных книгах –	
К.С. Льюис	126
Наши плюралисты –	
А. Солженицын	133
Был ли Фет атеистом? –	
Н.А. Струве	161
Неизданное стихотворение А. Фета	171
"Чертовы качели" и седьмое небо (о поэзии В. Перелешина) –	
В. Евдокимов (Москва)	173

СУДЬБЫ РОССИИ

Епископ Афанасий Сахаров –	
Н. В. Т. (Москва)	195
История и Церковь –	
В. Якубов (СССР)	218
Плененная Церковь –	
Н. Алексеев (СССР)	222

LITTERATURE ET VIE

<i>Des livres anciens –</i>	
C. S. Lewis	126
<i>Nos pluralistes –</i>	
A. Soljénitsyne	133
<i>Fet était-il un athée? –</i>	
Nikita Struve	161
<i>Poésie inédite d'A. Fet</i>	171
<i>La balançoire du diable (essai sur la poésie de V. Péréléchine) –</i>	
V. Evdokimov (Moscou)	173

DESTINEES DE LA RUSSIE

<i>Mgr. Athanase Sakharov –</i>	
(anonyme, URSS)	195
<i>L'Eglise dans l'histoire –</i>	
V. Iakoubov (URSS)	218
<i>Une Eglise captive –</i>	
N. Alekséev (URSS)	222

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

ВЫШЛИ В СВЕТ!!!

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ — Сахарный немец.

С изд. 1934 г., под редакцией проф. Мишеля Никё (четырёхцветная обложка работы Геллер-Некрасовой). 451 стр. 100,00 фр.

Сергей Клычков (род. в 1889 — погиб в заключении в 1940) деревенский поэт и прозаик, незаслуженно забытый. С 1936 он нигде ни разу не переиздавался. "Сахарный немец" — первый его роман (1925 г.). Голосами "мужиков-солдат" Клычков проникает в "метафизику" войны, в ту роковую трещину, которую война 1914 г. образовала в сознании народа. Хронологию жизни С. Клычкова, послесловие, избранные отзывы современников составил проф. Мишель Никё.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ — Самопознание. (Опыт философской автобиографии).

Изд. 2-е, исправленное и дополненное.

400 стр. 100,00 фр.
в переплете 150,00 фр.

"Это, может быть, одна из самых ярких его книг и во всяком случае по своей откровенности самая значительная для суждения о его личности и его пути как мыслителя".

(Из статьи-послесловия архим. К. Керна).

Это переиздание выходит первым выпуском Собрания Сочинений Н. Бердяева. Текст тщательно исправлен, дополнен страницами, выкинутыми Е. Рапп, как слишком обидными для Запада. В книгу включена статья архим. К. Керна, составлен индекс и подобрано несколько редких фотографий.

Заказы направлять: **LES EDITEURS RÉUNIS**

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

ВЫШЛИ В СВЕТ!!!

АННА АХМАТОВА — Собрание сочинений т. 3

Под ред. Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова. 650 стр.

Последний том приближает Собрание Сочинений Анны Ахматовой к почти академической полноте. В него входят свыше 200 стихотворений, все прозаические работы, заметки, отрывки и даже планы работ, и обширные биографические материалы (Ахматова и Недоброво, Ахматова и Анреп). Издание снабжено альбомом редких фотографий.

НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ — Воспоминания. Вторая

книга. Изд. 3-е, исправленное, новый указатель имен. 712 стр. 110,00 фр.

ТРЕБНИК — Богослужебная книга, употребляемая в частных или особенных случаях.

Церковно-славянский шрифт. 415 стр. 120,00 фр.

Требник содержит в себе священнодействия и молитвословия, совершаемые по нужде одного или нескольких христиан в особых условиях места и времени. Эти священнодействия и молитвословия обозначаются общим именем треб, откуда и самая книга получила свое название. Требник содержит последование всех основных таинств (кроме Евхаристии): крещения, миропомазания, венчания, соборования, погребения и т. д.

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

YMCA - PRESS 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 Paris

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ – Большой формат, в переплете, ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКЕ

Вышли в свет: г. X ПУБЛИЦИСТИКА (1966–1981) Общественные заявления, интервью, пресс-конференции. О литературе и языке.

тт. XI и XII КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО части 1 и 2

Весной 1984 выйдут:

тт. XIII и XIV КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 2
ОКТАБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО части 1 и 2

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на все пять томов, с пересылкой 650,00 фр.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ – Малый формат, в переплете, удвоенные тома продаются отдельно

тт. IX и X ПУБЛИЦИСТКА 200,00 фр.

тт. XI и XII КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ч. 1–2
в одном томе 200,00 фр.

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ – В мягкой обложке

КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО
часть 1-я 110,00 фр.
часть 2-я 110,00 фр.

“Весной 1976 писатель собрал в Гуверовском институте в Калифорнии обширные материалы об истории убийства Столыпина. Летом–осенью 1976 в Вермонте были написаны все относящиеся к этому циклу главы (ныне 8-я и 60–73). В начале 1977 написана глава “Этюды о монархе” (ныне 74-я) – после чего Узел Первый окончательно стал двухтомным”.

Направлять заказы на адрес: Les Editeurs Réunis
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève – 75005 Paris

“РУССКАЯ МЫСЛЬ” « LA PENSEE RUSSE »

РУССКАЯ МЫСЛЬ – самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	70	130	250
ЗАГРАНИЦА.....	97	184	357

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

72-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 90 амер. долларов
6 месяцев — 50 амер. доллара

Воскресное издание только:
один год — 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

58-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке:

Mrs. Elisabeth Dorman, 99 Mercer St., Jersey City, N.Y. 07302, USA.

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.
San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.